

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И.И. МЕЧНИКОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

И.В. Голубович

ОСНОВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИСТИКИ

Учебное пособие

Для студентов
специальностей «Философия» и «Культурология»

ОСНОВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИСТИКИ

Инна Владимировна ГОЛУБОВИЧ

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и основ общегуманитарного знания, философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание является первым в украинской системе философского и гуманитарного образования учебным пособием по курсу «Основы теоретической биографистики». С 2009-2010 года спецкурс под таким названием читается на философском факультете Одесского национального университета имени И.И.Мечникова. Данный курс носит междисциплинарный характер, однако в представленном виде более всего он ориентирован на студентов-философов и культурологов. В отличие от вышедших в последние годы на постсоветском пространстве учебных и учебно-методических пособий, материалов, рекомендаций по биографическому методу в социологии и психологии, имеющих специализированный дисциплинарный характер, предлагаемый курс ориентирует на интегральный, синтезирующий, меж-трансмультидисциплинарный подход к феномену биографии и анализу познавательных возможностей биографического подхода в разных областях гуманитаристики. И именно философия обеспечивает такую направленность и такой ракурс анализа.

Цель учебного курса «Основы теоретической биографистики»: а) представление авторской концепции биографии как социокультурного феномена; б) философский анализ комплексных теоретико-методологических оснований биографического подхода в гуманитарном знании; в) демонстрация возможностей интеграции основных парадигм и стратегий биографически ориентированных междисциплинарных исследований; г) определение перспектив биографической прагматики на разных уровнях социокультурной практики, в том числе, в контексте социальных технологий, осуществления социокультурных проектов и проведения их «гуманитарной экспертизы».

Цель в общем виде формулируется как двуединая. С одной стороны, в исследовательском поле оказывается биография как социокультурный феномен, характеризующий, прежде всего, но не исключительно, индивидуально-личностное измерение социального бытия и культуры. С другой стороны, анализу подвергаются основания, познавательные возможности и границы биографического подхода в социальной философии и социогуманитарном знании в целом. Цель – *дву-единая*, но одновременно и *дву-единая*. Оба аспекта должны предстать во взаимодействии, взаимопересечении, взаимодополнительности.

Задачи изучения курса:

- определить биографию как феномен социокультурного бытия, его исторические типы и формы;
- теоретически обобщить биографическую традицию в культуре и социогуманитарном знании;
- проанализировать сущность биографического похода, биографических методов в современном гуманитарном знании на междисциплинарном уровне;
- теоретически обосновать модель и стратегию философского и культурологического анализа биографии, представить его как концептуальное и теоретико-методологическое единство;
- осмыслить основания, суть и содержание биографического поворота в современной культуре и гуманитаристике;
- проанализировать феномен биографии и возможности применения биографического похода с позиций семиотики социокультурного мира;
- представить автобиографию и биографию как органичные формы фундаментальной «выразимости», саморефлексивности, герменевтичности жизни в социокультурных и исторических ее измерениях;
- выделить в структуре социокультурных кодов элементы биографического и автобиографического кодирования индивидуальной жизни и определенных надличностных феноменов;
- представить теоретико-понятийный язык описания социально-философского анализа феномена биографии, в частности, через дальнейшую концептуализацию таких понятий как «онтология биография», «биографическая форма», «биографический акт», «биографическая ценность», «биографическая рефлексия», «биографическая реконструкция», «право на биографию», «автобиографическое соглашение» и т.д.;
- сформулировать методологические и понятийные основы классификаций и типологий в рамках биографического похода, их эвристический потенциал и познавательные границы;
- выделить и теоретически обосновать социально-философский подход к феномену интеллектуальной биографии и автобиографии и к новому исследовательскому жанру «интеллектуальной просопографии»/«биоконцептографии»;
- определить возможности философско-биографической прагматики в контексте «гуманитарной экспертизы» социокультурных проектов и современных гуманитарных («мяких») социальных технологий.

Студент должен знать:

- основные теоретические подходы к биографии как феномену социокультурного бытия;
- основные исторические формы и типы биографической традиции в культуре: биография, автобиография, художественная, политическая, историческая, научная, научно-справочная биография, исповедь, дневник, мемуары, агиография, просопография, виртуальная биография и автобиография и т.д.
- сущность и основные направления биографического подхода в современном гуманитарном знании в целом и в его отдельных дисциплинарных областях: философии, культурологии, социологии, исторической науке, антропологии, литературоведении и т.д.;
- основные теоретические проблемы теоретической биографистики, ее категориальный аппарат и понятийный язык;
- сущность и направления применения биографической прагматики,
- основы проведения биографических исследований в социологии, психологии, антропологии.
- Методику, технологию и этико-нормативные основания проведения биографического интервью.

Студент должен уметь:

- осуществлять анализ (генетический, структурный, текстуальный, контекстуальный, ситуационный, тематический, герменевтический и т.д.) биографических текстов;
- использовать биографический подход и совокупность конкретных биографических методов в научном исследовании;
- самостоятельно определять эвристические возможности и познавательные ограничения биографического подхода, уместность его использования, корректно соединять его с другими методами научного исследования;
- самостоятельно проводить биографические исследования, использовать технику и методику биографического интервью, учитывая этические и правовые нормы биографирования;
- использовать подходы и процедуры биографической прагматики во время осуществления культурных проектов разного уровня и направленности, в практике внедрения социокультурных технологий.

Тема 1. Феномен биографии в культуре. Формы биографии, биографическая традиция.

1.1. Био-графия: этимология и не только.

Обратимся к этимологии. Слово «биография» - древнегреческого происхождения. Оно состоит из двух слов: *биос* — жизнь и *графо* — пишу. Таким образом, оно означает «жизнеописание». Словари, энциклопедии, многочисленные научные труды, посвященные этой теме, дают и более развернутые определения. В.Даль подбирает следующие синонимы - жизнеописание, «жизтьесказание, житие, жизнь»¹. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н.Ушакова приводятся два значения слова: «1. Сочинение, в котором излагается история жизни и деятельности какого-н. лица. 2. перен. Чья-н. жизнь. *Он рассказал интересный случай из своей биографии*»²

Зафиксируем важный нюанс этих определений — тенденцию к отождествлению жизни и рассказа/ текста о ней, которое мы порой неосознанно осуществляем. Мы эту тенденцию почти не замечаем, но филологи, социологи и представители других гуманитарных наук, очень внимательны к ней. К их наблюдениям мы обязательно обратимся. Замечательный российский ученый-гуманитарий Сергей Сергеевич Аверинцев, который тщательно изучил истоки и формы античной биографии (а именно с нее и началась многовековая биографическая традиция европейской культуры), делает еще одно важное замечание. В древнегреческом языке есть два понятия определяющих «жизнь»: *bios* и *zoi*. *Zoi* («зоо») - «жизнь» как свойство живого, в отличие от неживого, энергия витальности. *Bios* - способ проявления витальной энергии в конкретном поведении, подлежащая описанию и выясняемая через рассказ форма существования жизни, «образ жизни». Именно «образ жизни», а не сама жизнь в ее витальности, воплощена в понятии «биография». Тогда и складывается первый канон жизнеописания - это «возможно более полная справка о происхождении героя, о его телосложении и здоровье, добродетелях и пороках, симпатиях и антипатиях, частных вкусах и привычках, с возможной краткостью – о событиях жизни, более подробно – о роде смерти; ко всему этому прилагается перечень анекдотов и «достопамятных изречений»³.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т./Владимир Иванович Даль. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1.А–З. – 699 с.

² Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

³ Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии //Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т.– Т.1. – М., 1994. – С. 637–658; Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография //Аверинцев С.С. Образ античности. – СПб: Азбука-классика, 2004. – С. 225–465; Аверинцев С.С. Почему Евангелия – не биографии //Мир Библии – М., 2001. –№ 8. – С. 4–12.

1.2. Биография: типы, формы, классификации

В античную эпоху сложилось несколько типов биографии. Вот некоторые из них: *гипомнематический тип* (информационно-справочный, тяготеющий к научному описанию) и *риторический* (эмоционально-оценочный), также имеющий свои разветвления: похвальное слово («энкомий») и поношение («псогос»). Развитие этих типов мы наблюдаем и в наше время. Трансформированный первый тип широко представлен в многочисленных биографических справочниках и энциклопедиях. А с трансформациями второго типа мы постоянно встречаемся в публичной сфере, в политике, где многочисленные имидж-мейкеры и пиар-технологии умело создают современные «псогосы» и «энкомии», например, во время предвыборных компаний. В 1918 году в Великобритании Литтон Стречи выпустил биографический сборник «Знаменитые викторианцы», где выступил как ниспровергатель (*debunker*), развенчавший былых кумиров викторианской эпохи (См. об этом в исследовании современного украинского философа А. Л. Валевского⁴).

Одна из самых распространенных классификаций биографии – деление ее на «научную» и «художественную». Эти типы биографии являются литературно оформленными. С точки зрения критерия литературного оформления научной и художественной биографии можно противопоставить почти неформенные, «сырые» «истории жизни» (*life story*) обычных людей. Их называют «наивные нарративы» (англ. и фр. *narrative* — рассказ, повествование). Именно они находятся сегодня в центре внимания социологии, культурной и социальной антропологии, социальной психологии и т.д. Однако и здесь нет жесткой границы, вопрос о литературной форме «историй жизни» является дискуссионным. Это зафиксировано, в частности, в классификации личных нарративов, предложенной социологом М.Бургос. Она подразделила такие документы на автобиографии и «истории жизни»⁵. В отличие от автобиографии (документ без стиля, без литературных излишеств, без выпячивания автора), «история жизни» является, по мнению исследовательницы, «сниженной версией литературы». Здесь стиль обязателен, внимание сосредоточено на самом герое автобиографии, становящемся рассказчиком (автором) в ходе повествования, здесь могут быть использованы принципы разных литературных жанров, стилистические средства, осуществляется тематическая селекция воспоминаний и т.д.

⁴ Валевский А.Л. Основы биографики/ Алексей Валевский. – К.: Наукова думка, 1993. – 111с. – С. 21., 98.

⁵ Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя/ М.Бургос// Вопросы социологии. Т.1. – 1992. – № 2. – С. 123–131.

Российский социолог В.Б.Голофаст в своей работе «Многообразии биографических повествований» предлагает еще один вариант эмпирической типологии, он назвал ее «простейшей»⁶. Различаются тематизированные и нетематизированные повествования (речь идет об исходно не-литературных биографиях). «Если ветеран вспоминает свой боевой путь в армии, педагог подводит итог своей профессиональной карьере, диссидент рассказывает историю своей ереси — перед нами тематизированные повествования. Социально-культурная форма (норма) такого рассказа задана, обычность или необычность данного варианта жизненной судьбы, точнее, истории жизни образуют рельеф извне заданных событий...»⁷. Нетематизированные повествования создаются без определенного внешнего давления.

Говоря о типах и видах биографии, следует первым делом различить *биографию* (рассказ о жизни другого человека) и *автобиографию* (рассказ о собственной жизни). Слово «биография», как мы уже указали, существует в культуре не одну тысячу лет, а термин «автобиография» сравнительно молодой, гораздо моложе самой традиции автобиографирования. Он возникает на рубеже XVIII и XIX веков. Честь его изобретения оспаривают немцы и англичане. Впервые собственно само слово «автобиография» появилось в Германии, в 1791 году в воспоминаниях Фридриха Шубарта, а в англоязычной литературе – в 1791 году в журнальной рецензии на вышедшие годом ранее записки ученого и политика Исаака Дизраэли, в которых сам автор употребил слово *self-biography*. Уже с 1820-1830-х годов термин «автобиография» становится очень популярен для заглавий книг во многих европейских странах⁸. Ученые решают для себя вопрос о том, какая форма первична и более глубоко укоренена в культуре – биография или автобиография. Мы строим рассказ о жизни других людей на основе опыта проживания и самоописания собственной жизни, а может наоборот? На этот вопрос сложно ответить однозначно, особенно в масштабах всей культуры. Но можно попробовать решить этот вопрос лично для себя. Биографическая традиция культуры за время своего многовекового существования дала множество разнообразных форм. Перечислим наиболее известные из них.

⁶ Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий/ Валерий Борисович Голофаст// Эл.ресурс: Сайт Валерия Голофаста – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Golofast/index.htm>. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований/ Валерий Борисович Голофаст// Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 73–88.

⁷ Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований/ Валерий Борисович Голофаст// Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 73–88.

⁸ Об истории термина и литературе по данной теме: Педагогическая антропология: Феномен детства в воспоминаниях/ [Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В.]. – М.:Изд-во УРАО, 2001. – 190 с.

Это, к примеру, художественная, литературная, научная, историческая, политическая биография, психобиография. Это — исповедь, дневник, агиография (жития святых).

Поступая на работу, мы составляем для отдела кадров обязательный официальный документ - лист «Автобиография», часто мы заполняем анкеты, которые содержат биографические сведения. Все эти документы имеют отношение к *официальной биографии и автобиографии*. В современном мире очень популярна такая биографическая форма, как *Curriculum vitae* (в переводе с латинского — «ход жизни») — краткое описание жизни и профессиональных навыков. Это документ, который соискатель предоставляет потенциальному работодателю, выставляя свою кандидатуру на открытую вакансию. В США и Канаде CV обычно используют в научных и медицинских кругах, а при приёме на работу других специалистов используется термин *résumé (резюме)*. В CV большой акцент делается на образование, обычно в документ включают всеобъемлющий список публикаций, научных трудов, стажировки, значительные достижения. В случае некоторых профессий, в CV могут быть включены даже тексты работ, объем таких CV может достигать нескольких десятков или сотен страниц.

Одна из наших задач – подчеркнуть преемственность биографических форм. Так, слишком официальная и очень формализованная сегодня форма CV своим истоком имеет форму «*биографии философа, мудреца*», сложившуюся еще в античную эпоху. Ее многочисленные в свое время образцы до нашего времени почти не дошли, исключение составляет сочинение Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (примерно II – III в.в н.э.)⁹.

Диоген (возможно и сам мифический персонаж) не стремится ни к хронологической связности материала, ни к его систематическому изложению, ни даже к фактической достоверности. Важнейшим критерием для него является пестрота, разнообразие и живость подачи сведений. Изложение воззрений мыслителей перемежается занятными биографическими анекдотами, легендами, фантастическими «письмами» философов известным историческим лицам, стихотворными эпиграммами, часто — довольно язвительными, а также бессмысленным на взгляд сегодняшнего читателя перечислением всех «тезок» героя, известных автору. Однако и для Диогена Лаэртского и для CV в современном исполнении перечень книг, письменных трудов как результатов интеллектуальной деятельности, является наиважнейшей частью биографии мыслящего

⁹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М.Л.Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. - М.:Мысль, 1979.

человека. Эта же направленность отличает и такой биографический жанр, как *интеллектуальная биография*, где события жизни неотделимы от «событий мысли».

Давайте также обратимся к этимологии и посмотрим, что же означает латинское слово *curriculum*. Среди множества его значений выделим такие: «конные состязания», «гонки», «круговорот», «один круг вокруг ристалища». Они подчеркивают, что наша жизнь – это, действительно, круговорот и состязания, в которые мы вступаем, в том числе, и в нашей профессиональной деятельности. Ведь чаще всего сегодня осуществляется конкурс CV и «резюме», среди которых выбираются лучшие.

Биографическими формами будут не только тексты, но и определенные *жизненные практики*. Это, например, день рождения, юбилей, вечер памяти. Мы едем в поезде, плывем на пароходе и коротаем время со случайным попутчиком, которому рассказываем всю свою жизнь, сообщаем о себе такие сведения, которые не расскажем никому из близких, почти исповедуемся. И это тоже – биографическая форма и одна из биографических практик культуры.

обратим внимание на новую моду – «скрапбукинг», вид рукодельного искусства, заключающегося в изготовлении и оформлении семейных или личных фото альбомов, в том числе, и в цифровом формате. Кроме индивидуальной биографии в социальных науках вводится понятие «*коллективная биография*», «коллективный биографический портрет» различных социальных групп, сообществ, коллективов. Этим занимается такая Недаром даже в научном, социологическом обиходе используется термин «синдром попутчика». *Портреты, автопортреты, фотографии, фотоальбомы, видеоархивы*, (в том числе, в компьютерном виде, в Интернет-сети) также являются биографическими формами.

В современной культуре появились новые формы биографических и автобиографических практик. Это – *виртуальные биографии, блоги, ЖЖ* (живые журналы). Это – гламурные и «звездные» *биографии*, которые заполнили СМИ. Это – *псевдо-исповедальные «ток-шоу»*, многочисленные варианты публичных теле-исповедей, саморазоблачений и т.д. Продолжая тему фотографии междисциплинарная область исследования, как «*просопография*». Так, метод просопографии получил широкое распространение в науковедении: изучение жизни и деятельности ученых, организации их работы, выделение типов научных деятелей (в частности, на примере Парижской Академии наук (18 век), лауреатов Нобелевской премии и т.д.)

И самая парадоксальная мысль. Вся наша жизнь, с ее событиями и перипетиями, тоже – своеобразная биографическая форма. Ведь осознанно или неосознанно мы проживаем и реализуем задуманное, запланированное,

т.е. свое собственное внутреннее жизнеописание, авто-био-графию. Кроме того, очень часто мы совершаем поступок или жест, одновременно (а не постфактум) представляя себе, как мы об этом расскажем, напишем, сообщим другим. Это тонко подметил гениальный писатель Габриэль Гарсия Маркес, выпустив в свет мемуары под названием «Жить, чтобы рассказать» и снабдив их эпиграфом: «жизнь – это не только то, что человек прожил, но и то, что он помнит, и то, что он об этом рассказывает». А знаменитый английский историк XIX века Томас Карлейль отождествил с биографией и саму историю. Известно его крылатое выражение: «История мира – это биография великих людей».

Вопросы для повторения

1. Какова этимология слова «биография»?
2. На какие оттенки смысла древнегреческих слов *bios* и *zoi* обращает внимание С. С. Аверинцев.
3. Как выглядел античный канон жизнеописания, реконструированный С. С. Аверинцевым?
4. Каковы основные типы и формы биографии. Дайте общую характеристику.
5. Определите гипомнематический и риторический типы античной биографии. Каким современным формам они соответствуют, на Ваш взгляд?
6. Что означают античные риторические формы «энкомий» и «псогос» в отношении к биографии? Каковы современные интерпретации этих форм?
7. Приведите примеры художественной и научной биографии?
8. Что такое «наивный нарратив» и какова специфика жанра «устной истории», в чем его биографическая составляющая?
9. В чем специфика тематизированных и нетематизированных биографических повествований, согласно интерпретации В. Голофаства?
10. В чем специфика жанра автобиографии? В чем суть научной дискуссии о «первенстве» биографии или автобиографии?
11. Пользуясь толковыми словарями, энциклопедиями, справочной и научной литературой определите самостоятельно специфику жанров: литературная, политическая, историческая биографии, психобиография, дневник, мемуары, исповедь, агиография.
12. Что представляет из себя такая форма как Curriculum vitae? Доводилось ли Вам лично сообщать биографические сведения о себе именно в такой форме?
13. Какие специфические черты «биографии философа», «биографии мудреца» были предложены в сочинении Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»?
14. Можно ли рассматривать такие формы как портреты, автопортреты, фотографии, фотоальбомы, видеоархивы в качестве биографических форм?
15. С чем связано появление виртуальных биографий? Приведите примеры, знакомые Вам.
16. В чем особенность жанра просопографии? Возможна ли в принципе «коллективная биография»?

Тема 2. «Биографический поворот» в современной гуманитаристике: теоретические и прикладные аспекты

2. 1. «Биографический поворот» в современной культуре и социогуманитарном знании: общая характеристика

Наше время – время биографического и автобиографического бума, время невиданного многообразия биографических и автобиографических форм. Можно говорить о некой экспансии биографического/псевдобιοграфического в масс-культуре: многочисленные «исповедальные» ток-шоу, обилие популярных изданий: «Биографии», «Истории жизни», «Караван историй», публичные проекты «Великие ...», «Знаменитые ...», имеющие ярко выраженный социальный и политический заказ, и т.д.

Проблематика, связанная с феноменами биографии и автобиографии, становится одной из центральных в современном гуманитарном знании. *Биографический подход* в многообразии своих проявлений приобрел сегодня статус междисциплинарного, занял устойчивую нишу в социологии, психологии, литературоведении, социальной и культурной антропологии, исторической науке и т.д. Формируются такие исследовательские направления как *биографика* и *биографистика* (их пока определяют достаточно широко: искусство писать биографии; специальная историческая дисциплина, разрабатывающая различные проблемы биографий, тесно связанная с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, генеалогией, библиографией; теоретическое осмысление феномена биографии в культуре и т.д.)

Как подчеркивает современный украинский философ В.И.Менжулин, биографистика является не просто одной из доминирующих тем во всех масс-медиа, а и настоящим символом развития демократии, одним из главных приоритетов которой является жизнь отдельного человека, его неповторимое и уникальное бытие¹⁰. Усиление внимания к феномену биографии, наблюдающееся в современной культуре и гуманитарных науках, своеобразное переоткрытие давно знакомого жанра, ряд исследователей обозначили термином «*биографический поворот*». Им мы и предлагаем пользоваться в настоящем издании. Этот термин отсылает читателя к целой череде «поворотов», которыми так богата история гуманитарного знания XX-XXI веков: антропологический, лингвистический, коммуникативный, диалогический, семиотический, прагматический, постмодернистский и пост-постмодернистский и т.д. Однако «биографический поворот» наталкивается и на противоположную тенденцию, которую мы обозначим как «*антибиографизм*». Право на исследовательский интерес к феномену

¹⁰ Менжулін В. І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні : моногр.. – К. : НаУКМА [Аграр Медіа Груп], 2010.

биографии и на приверженность биографическому подходу постоянно оспаривается противниками, по их мнению, слишком наивного биографического жанра и слишком ненаучного биографического подхода. Их аргументы небезосновательны: стремление подменить содержание и динамику той или иной сферы социальной жизни, культуры, науки, искусства галереей портретов-жизнеописаний, во многом сдерживало развитие социальных и гуманитарных наук. «Антибиографисты» противопоставляют «историю идей» и «историю людей», отдавая предпочтение первой и отторгая вторую. Те исследователи, которые провозглашают «биографический поворот» в социогуманитарных науках, должны ответить и на данный вызов. А это значит – показать, что в истории жизни отдельного человека (микрокосмос социокультурного бытия) запечатлена эпоха, историческая ситуация, ментальность, самосознание нации, общественная психология, универсальные нормы, идеалы, ценности (макрокосм социокультурного бытия). «Биографический поворот» – это не только теоретическая рефлексия и ответ на критику. Это еще и определенная «биографическая прагматика», имеющая практический смысл и применение. Требование национально-культурного, гражданского, цивилизационного самосознания, самоопределения, самореализации является императивом для Украины, которая переживает радикальные изменения и трансформационные процессы на всех уровнях общественной жизни. Это мотивирует разработку научно обоснованных социальных технологий, проектов, программ, связанных с «жизненным миром» и формированием культуры принятия рациональных социально-правовых решений и персональной ответственности за их выполнение. В таких программах и проектах должны быть воплощены результаты научной, в том числе социологической, рефлексии над феноменом биографии.

Как мы указывали во введении к нашему учебному пособию, предлагая свой проект курса «Основы теоретической биографистики», нами ставится двуединая цель. С одной стороны, в исследовательском поле должна оказаться биография как социокультурный феномен, характеризующий, прежде всего, но не исключительно, - индивидуально-личностное измерение социального бытия и культуры. С другой стороны, анализу необходимо подвергнуть основания, познавательные возможности и границы биографического подхода и метода в гуманитарном знании. В связи с этим в рамках данной темы мы предлагаем два соответствующих подраздела. Один из них посвящен философским основаниям и методологии анализа самого феномена биографии, другой – основаниям и содержанию биографического метода в гуманитаристике. Мы неслучайно делаем акцент на специфике биографического метода в социологии, поскольку именно в этой области знания этот метод, на наш взгляд, наиболее четко, детально, операционально

и инструментально разработан. Цель – *дву-единая*, но одновременно и *дву-единая*. Оба аспекта должны предстать во взаимодействии, взаимопересечении, взаимодополнительности. Эта взаимосвязь основана, как минимум, на презумпции саморефлексивности самой жизни, которая, в свою очередь, также нуждается в прояснении в биографическом контексте.

Если говорить о заявленном нами *двуедином* подходе метафорически и даже попытаться его визуализировать, то яркой наглядной иллюстрацией будет избранный нами для обложки рисунок заслуженного художника Украины, известного книжного графика Григория Палатникова (Одесса) – прекрасной женщины с двоящимся обликом.

2.2. Биография: философские основания и методология анализа в гуманитарном знании. Онтология биографии.

С 70-80 годов XX столетия наблюдается своеобразный *«ренессанс»* в области биографических исследований, сопровождавшийся сменой концептуальных оснований, переориентацией на интерпретативные стратегии, концентрацией внимания на уровне субъективно-личностных значений и смыслов, которые организуют биографические практики. Между тем «биографическая» ниша в структуре Humanities была «занята с боями» - ученым-гуманитариям до сих пор приходится отстаивать свое право на исследовательский интерес к феномену биографии и на приверженность биографическому подходу. (Обращаем внимание на весьма симптоматичное название известной работы известного современного исследователя автобиографической традиции Филиппа Лежёна - «В защиту автобиографии».¹¹

Философия сегодня осмысливает эти тенденции и вырабатывает собственные методологические стратегии анализа биографии и биографического нарратива. Отметим в этом контексте работы Э. Ю. Соловьева, В. А. Подороги, А. П. Огурцова, Л.Киященко, П.Д.Тищенко, В. И. Толстых, Н. В. Мотрошиловой, М. С. Уварова и др.¹² Интерес российских философов к феномену интеллектуальной биографии нашел воплощение в

¹¹ Лежён Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет/ Пер. с франц. Б.Дубина // Иностранная литература. – 2000.- № 4. – С. 108-123.

¹² Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования// Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. - М., 1991. - С. 19-66; Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии № 1: [сб.научн.работ/ науч.ред. В.А.Подорога]. – М., 2001; Огурцов А.П. Биографический метод// Новая философская энциклопедия. В 4-х т./ Ин-т философии РАН. – М., 2000. – Т.1. – С. 266–267; Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании// Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М., 2004. – С. 232–259.; Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. – М., 2007. Толстых В. И. Мы были. Советский человек как он есть. – М., 2008.

таких колективних проектах, як «Драма советской философии», «Философия не кончается», «Философия России второй половины XX века»¹³. В современной украинской философии к осмыслению феномена биографии и анализу биографического подхода обращались А. Л. Валевский, В. И. Менжулин, В. Г. Табачковский, Т. А. Чайка, В. И. Оноприенко, И. В. Валявко, М. Ю. Савельева, О. А. Довгополова и др.¹⁴. Особую роль в философской институционализации этих исследований может, на наш взгляд, сыграть проект «Отечественная философия в пространстве «устной истории» (инициатор – Т. А. Чайка), чьей трибуной стал главный философский журнал Украины «Філософська думка». На его страницах в рамках рубрики «Прикосновение. Устные истории философов» публиковались беседы Татьяны Чайки с самыми выдающимися украинскими философами, не так давно ушедшими от нас: с Сергеем Борисовичем Крымским, с Виленом Сергеевичем Горским. В основе этих «биографических» циклов¹⁵ – несколько

¹³ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга - диалог)/ Сост. и ред. В.И.Толстых. – М., 1997; . Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн./ Под. ред. В.А.Лекторского. – М., 1998; Неретина С. С. Философия России второй половины XX века – Михаил Константинович Петров. – М., 2010.

¹⁴ Валевский А.Л. Основы биографики. – К., 1993; . Менжулін В. І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. – К., 2010; Табачковський В.Г. В пошуках невтраченого часу: Нариси про творчу спадщину українських філософів-шестидесятників/ Віталій Георгієвич Табачковський. – К., 2002; Чайка Т. Доторк. Презентація проекту „Усні історії філософів”//Філософська думка. Спецвипуск: Феномен радянської філософії. – 2009. - № 3. – С. 140-145; Оноприенко В. И. Флоренские. – М., 2000. Валявко И. Частные архивы Дмитрия Чижевского в контексте написания его интеллектуальной биографии // Філософські пошуки. Вип.ХVII-ХVIII.– Львів – Одеса: “Cogito” – „Центр Європи”, 2004. – С. 636–642; Довгополова О.А. Проект жизни как вариант отторжения обжитого пространства // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.11. Методологічні проблеми сучасного гуманітарного знання. – Одеса, 2007. – С. 37–46; Савельева М.Ю. Философ на троне: Штрихи к портрету Екатерины Великой. – К., 2006; Савельева М.Ю. Биографическое знание как проблема // Curriculum Vitae. Збірник наукових праць. – Вип.1. Біографічний метод у гуманітарному знанні. – Одеса, – С. 6–15.

¹⁵ Чайка Т. Бесіди з Кримським// Філософська думка. – 2011. - №№ 1 – 6; Чайка Т. Бесіди з Кримським. Остання касета [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. -№ 1. - С. 128-145; Чайка Т. Бесіди з Кримським. Читаючи Гегеля і Маркса [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. - № 3. - С. 103-111; Чайка Т. Бесіди з Кримським. Час учнівства [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. -№ 4. - С. 128-132; Чайка Т. Бесіди з Кримським. "Розум, настояний на совість" [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. - № 5. - С. 89-94 ; Чайка Т. Бесіди з Кримським. "Екзистенційне крещендо" [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. - № 6. - С. 98-103; Чайка Т. Університет liberal arts, або Скільки Сквород потрібно українській культурі? : [із бесід з Віленом Сергійовичем Горським] / Тетяна Чайка // Вілен Горський: дотики, смисли, споглядання / [за ред. М. Ткачук ; упоряд. : М. Ткачук, Л. Архипова ; рец. : І. Бондаревська, О. Гомілко] ; Нац. ун-т "Києво-Могилянська академія". - К. : [Аграр Медіа Груп], 2011. - С. 155-174; Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським. Мій інститут. "Острів щастя" [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2012. - № 2. - С. 98-106; Бесіди з

десятков часов аудиозаписей, осуществленных в разные годы. В аудиоархиве Т. Чайки – еще около ста часов биографических интервью с известными философами Украины. Нашим вкладом в проект, предложенный Татьяной Чайкой, стало более 20-ти биографических интервью с философами и культурологами Одессы, записанных студентами философского факультета Одесского национального университета имени И.И.Мечникова, записанные с 2010 по 2015 годы. Текст одного из таких интервью – беседа с выдающимся философом, феноменологом, старшим преподавателем кафедры философии и основ общегуманитарного знания ОНУ Нелли Адольфовны Ивановой-Георгиевской, безвременно ушедшей от нас, – публикуется в настоящем издании в качестве приложения.

Оформление философской биографистики идет со значительным опозданием по сравнению с биографистикой социологической или исторической. Так, уже много лет активно действует созданный историками Институт биографических исследований при Национальной библиотеке Украины имени В. И. Вернадского.¹⁶

По всей видимости, философия опаздывает с освоением биографического материка отнюдь не случайно. Как подчеркивает В.И.Менжулин, это происходит во многом из-за того, что философы, в большей степени, чем художники (в широком смысле слова) или представители иных гуманитарных департаментов, избегают индивидуального, и, следовательно, стремятся быть автономными от биографии. Этот момент В.Менжулин зафиксировал через так называемый «парадокс биографии философа»: философы, как правило, хотят думать, что их мысль, устремленная к всеобщему и универсальному, не зависит от того, как складывается их жизнь¹⁷.

Биография (биографическая традиция, биографическое письмо) нуждается в аутентичной теоретической доктрине и методологической базе, прежде всего, для того, чтобы соответствующим образом осмыслить свои перспективы в современной гуманитаристике, – заявляет, в частности, украинский философ А.Л.Валевский, автор проекта «биографики» (в определенном смысле – «философской биографики»)¹⁸.

Віленом Горським: Мій інститут. Витяг з історії. [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2012. - № 3. - С. 103-108; . Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським. Мій інститут. Історія триває [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2012. - № 4. - С. 114-126; Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським. Філософський факультет [Текст] / Тетяна Чайка ; пер. з рос. В. Недашківський // Філософська думка. - 2014. - № 1;

¹⁶ Сайт Інститута біографічних досліджень при НБУ імені В.І.Вернадського: <http://nbuv.gov.ua/node/578>. Периодическое печатное издание института:

"Українська біографістика. Biographistica Ukrainica".

¹⁷ Менжулін В. І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. – К., 2010.

¹⁸ Валевский А.Л. Основы биографики. – К., 1993.

Конкретный материал и предметное поле для биографического анализа могут быть самыми разнообразными в зависимости от выбора исследовательской стратегии и целей, от методологических пристрастий. А. Валевский говорит о трудностях выделения «*биографического факта*» из «исторического факта» и «факта жизни». Речь в конечном итоге идет о методологически и тематически обоснованной реконструкции «биографического факта»¹⁹. Этим статусом будут наделены совершенно разные предметности: для официальной биографии – «внешние» значимые события, для психобиографии – «внутренние» побуждения и переживания, для установки «биография как миф» - «мифотема», явленная в метаморфозах единого мифа отдельной жизни, смене ее фаз-образов или «миф-символ» («исходный символ» («ген» жизненного сюжета, содержащий множество потенциальных возможностей).

Биография как социокультурный феномен может быть исследована под разным углом зрения, с точки зрения разных методологических позиций. Чтобы обосновать специфику нашего анализа и теоретико-методологического инструментария, прежде всего, обратимся к аргументации *разграничения гуманитарных и общественных наук*, предложенной украинским философом А.Л.Богачовым в его «Философской герменевтике» и опирающейся на идеи Э.Гуссерля и Х.-Г.Гадамера²⁰). Предметы *гуманитарных наук* (история, литература, искусство) самым очевидным образом связаны с жизненным опытом людей, а предметы общественных наук (государство, общество, экономика и т.д.) нуждаются в методичном абстрагировании, что создает «идеальность» научного опыта и скрывает их связь с «жизненным миром». Учтем также разграничение внутри гуманитаристики, предложенное российским методологом Н.С.Розовым: «*социальная культурология*» и «*гуманитарная культурология*»²¹. «Социальная культурология» изучает аспект социального мира, связанный с преемственностью систем культурных надличностных образцов, а «гуманитарная культурология» имеет дело с индивидуально-личностным измерением культуры и работает с культурными текстами в широком смысле этого слова. Мы не считаем удачным использование термина «культурология», неоправданно сужающим, на наш взгляд, зону применения данного разграничения внутри Humanities. Нам важен сам его проблемный смысл, зафиксированный еще и в появлении внутри общегуманитарного знания исследовательских областей, которые сами себя еще раз дополнительно именуют как «гуманитарные», «гуманистические»

¹⁹ Валевский А.Л. Указ. Соч. – С. 37-38.

²⁰ Богачов А.Л. Філософська герменевтика. – К., 2006. – С. 267-268

²¹ Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 11.

(«гуманистическая социология», «гуманистический психоанализ», «гуманитарная историография» и т.д.²². Ранее мы обращались к проблеме двойной «гуманитарности» и «гуманистичности» в рамках гуманитаристики²³.

Такая внутренняя тавтология не случайна. Она как раз и основана на особом внимании к индивидуально-личностному, «человеческому», «человекомерному» измерению культуры. Как подчеркивает В.С.Библер, «развертывание духовной культуры в истории заключается в ее перематывании из безличной формы всеобщности в личностную форму культуры индивида»²⁴. Этот процесс постоянного «перематывания» и является предметной зоной *«дважды гуманитарных» областей*. Внутри них устанавливается требование максимума субъектности и обязательной персонализации культурных смыслов. Э.Ю.Соловьев, писавший о «гуманитарной историографии» в контексте обоснования специфики биографического анализа, понимал под ней широкую панораму историко-философских, культурологических и биографических исследований, объединенных по общему основанию: исследование должно представлять собой историю идей любого порядка и сложности как драму в лицах, разыгрываемую в конкретной исторической ситуации.

Обозначенные нами «гуманитарные» области ориентируются и ориентируют нас представление о соразмерности, со-равности истории и личности. Внимание уделяется *«человеческому лику» истории*. В пределе сама история понимается как лик личности. Вводится методологический запрет поиска основ социальности, культуры вне личности (в ее конкретно-биографической и ситуационно-исторической уникальности), поскольку личность признается средоточием и истоком историчности и социальности. Данное ограничение не является абсолютным и самодовлеющим. «Гуманистическая» и «социальная» гуманитаристика должны находиться в отношениях взаимодополнительности.

Исследованию феномена биографии и специфики биографического подхода сквозь призму «двойной» гуманистической нагруженности гуманитарного знания соответствует следующий комплекс теоретико-

²² Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 1998; Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования// Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. - М., 1991. - С. 19-66.

²³ Голубович И.В. «Гуманитарные» и «гуманистические» области внутри Humanities: постановка проблемы// Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2002. - № 10. - С.104-106.

²⁴ Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. – М.: Наука, 1975.

методологических оснований и предпосылок, который мы считаем лишь вариантом из множества возможных:

1. *«Философия жизни»* в трактовке В.Дильтея, во многом опиравшегося на романтическую традицию и романтическую транскрипцию жизни и «исторической индивидуальности». В русле нашей проблематики особенно важными являются следующие положения дильтеевского варианта «философии жизни»: культурно-историческая («сверхвитальная») интерпретация жизни, обнаружение первичных структур человеческого опыта жизни именно в истории и социокультурном бытии, идея саморефлексивности жизни («жизнь толкует жизнь»), ее внутренней автобиографичности, требование понять жизнь из нее самой.

Существенным также является учет дильтеевского обоснования специфики «наук о духе» и их категориально-методологического профиля. Это позволит более точно определить место и роль биографического дискурса в структуре humanities, а также методологические подходы гуманитаристики (как актуально реализованные, так и потенциально возможные) к анализу биографического/автобиографического опыта, его онтологической укорененности в социокультурном бытии. Важен для нас также тезис Дильтея о «беспредпосылочности богословской экзегезы», который может быть истолкован в более широком смысле, как имеющий отношение к специфике гуманитарного знания в целом. *«Беспредпосылочность»* понимается в данном случае как воля «руководствоваться только историческим исследованием, ни в коем случае не каким-нибудь настроением или тенденцией, и эта воля, упрочившись, должна стать натурой ученого»²⁵. При этом Дильтей подчеркивает, что такого рода «беспредпосылочность» не может быть реализована без предварительной «подвижной гипотезы» и без исходной мировоззренческой и теоретической «направленности собственного духа» исследователя.

2. *Герменевтика («онтогерменевтика»)* в разнообразии своих вариантов (концепции Ф.Шлейермахера, И.Дройзена, В.Дильтея, М.Хайдеггера, Х.- Г. Гадамера, П.Рикера и др.). В методологическом плане мы опираемся на основной онтогерменевтический постулат: понимание – это способ бытия человека в мире. Жизнь сама внутренне герменевтична. *«Выразимость»*, представленная, в частности, в дильтеевской триаде: *переживание-выражение-понимание*, - фундаментальная характеристика жизни. Наиболее органичные социокультурные формы «выразимости жизни»

²⁵ Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевики// Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт./ Пер. с нем. под ред. В.В.Бибихина и Н.С.Плотникова. Т.4: Герменевтика и теория литературы. – М., 2001. – С. 15-235.

- автобиография и биография. «Ренессанс» биографического подхода в гуманитаристике связан с развитием и переинтерпретацией на современном этапе его «герменевтической» составляющей. В трансдисциплинарном поле биографических исследований специально выделяется «герменевтический» подход (наряду с «социоструктурным»)²⁶. Такая «герменевтическая» переориентация биографического подхода диктует необходимость нового «прочтения» классических теорий понимания и интерпретации и обнаружения в них еще не использованного теоретико-методологического потенциала.

3. Концептуальные положения *феноменологической и экзистенциалистской традиций*. Это, прежде всего, концепция «жизненного мира» Э.Гуссерля, феноменологическая интерпретация процедур смыслоконституирования и конструирования социокультурной реальности, презумпция «*первопорядковости моего Я*», которое «конституирует все, когда-либо оказывавшееся для меня объективным»²⁷. Мы опираемся также на положения феноменологической социологии А.Шюца, прежде всего, о «смысловой структуре повседневного мира» и о «конечных областях значений» («субуниверсумах реальности»)²⁸. Социальная реальность в данной традиции – это совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью. В рамках такой интерпретации анализируется смыслоконституирующая роль биографического/автобиографического опыта.

В традиции экзистенциализма глубоко продумана идея «*первоисторичности*» («*внутренней историчности*») человека (К.Ясперс, М.Хайдеггер). Жизнь рассматривается в свете «бытийно-исторической ситуации», «пограничной ситуации», она понимается не столько как естественно-историческая, сколько как смысловременная действительность, как «трагедия и драма» (Х.Ортега-и-Гассет). Это позволяет по-иному организовать биографический дискурс, ввести в него «ситуационный», «персонажно-драматический» и «судьбический» ракурс, осмысливать

²⁶ Скокова Л.Г. Біографічний метод в соціології: історія і специфіка застосування. Автореф. дис. ... кандидата соціол. наук/ Інститут соціології НАН України. – К., 1999.

²⁷ Гуссерль Э. Картезианские размышления/ Пер. с нем. Л.В.Скляднева. – С.-Пб., 1998. – С. 198.

²⁸ Шюц А. Дон Кихот и проблема реальности/ Пер. с англ. В.Степаненко //Философская и социологическая мысль. – 1995. - №. 11-12. – С. 144-169, Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии/ Пер. с англ. А.Я.Алхасова, М.Я.Мазлумяновой. – М., 2003.

«события жизни» в свете «события бытия», а также выстраивать/реконструировать биографию через типологию личностных экзистенциальных ролей (роль как «удел», «принуждение», «миссия», «призвание», «фарс», «трагедия» и т.д.).

4. *Структурно-семиотический подход*, в частности, в версии Ю.М.Лотмана. Рассмотрение в данной традиции культуры как текста, сложно устроенного и распадающегося на иерархию текстов в тексте, позволяет глубоко продумывать и плодотворно использовать модель «жизнь как текст», представлять ее в единстве «*событий жизни*» и «*событий текста*». В данной традиции разработаны процедуры корректного соотнесения экзистенциального и нарративного измерений жизни-биографии. В семиотической концепции культуры феномен биографии осмысливается в контексте взаимодополнительности индивидуально-личностного и объективно-надындивидуального измерений социокультурного бытия, как «мерцающая», «пульсирующая» точка их пересечения. Индивидуальная жизнь-биография способна при определенных условиях «репрезентировать» (подобно «монаде» Лейбница) целую эпоху или определенный тип культуры. В свою очередь, история того или иного надындивидуального социокультурного образования может быть представлена как «биография» (нации, группы, сообщества), т.е. в «просопографической» перспективе. («Просопография» в данном контексте понимается как междисциплинарная область исследований, ориентированная на создание «коллективных биографий», «коллективных портретов» различных социальных групп и сообществ²⁹. Есть и другая трактовка просопографии как специальной исторической дисциплины, реконструирующей биографии конкретных исторических личностей определенной эпохи, региона или общества, и использующей в условиях недостатка данных методы и материал генеалогии, ономастики, демографии, источниковедения³⁰. Вместе с тем, даже в таком специфическом понимании задач просопографии, эта дисциплина определяется как составная часть социальной истории, тесно увязанная «с идеей коллективной, но в то же время и индивидуальной биографии». Цель просопографии: «изучение истории групп (как элементов в политической и социальной истории), достигаемое выделением последовательности личностей, имевших определенные общие политические и социальные характеристики, и затем анализирующее каждую такую последовательность с помощью разнообразных критериев для получения информации,

²⁹ Огурцов А.П. Биографический метод// Новая философская энциклопедия. В 4-х т./ Ин-т философии РАН. – М., 2000. – Т.1. – С. 266–267.

³⁰ Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина (На примере авторов Поздней Античности Макробия Феодосия и Марциана Капеллы). – СПб.: Алетейя, 2004. – 203 с.

относящийся к конкретным индивидам... Соответственно, просопография позволяет связать политическую историю людей и событий со скрытой социальной историей длительных эволюционных процессов»³¹.

Возможность индивидуализирующего «биографического» представления надындивидуальных феноменов (биография нации, города, сословия и т.д.) была осмыслена еще И.Дройзеном. Он считал, что «*право на биографию*» надличностные исторические феномены приобретают в том случае, если в них ярко проявляется индивидуальное своеобразие, импульсивность, «гений»³². Есть и другие возможности сопоставления личных и надличностных нарративов. Об этом в отношении «биографии нации» говорит Б.Андерсон в работе «Воображаемые общности»³³. Общее проблемное поле, дающее право на указанное типологическое сопоставление, очерчивается уже сопоставлением самих критериев-понятийных оснований: память личная - память культурно-историческая, личная и культурная самоидентичность, личная и историческая генеалогия, индивидуальная смертность и историческая конечность этносов и т.д.. Речь идет об определенной изоморфности индивидуальной жизни и бытия надындивидуальных социокультурных феноменов. Под *изоморфностью* будем понимать совпадение (одинаковость) структуры объектов, рассматриваемых в определенном отношении. В данном случае, возможность представить изоморфными личность и этнос задается указанными нами критериями, характеризующими их структуру (строение): память, генеалогия, идентичность, конечность. Однако следует помнить, что речь идет именно об изоморфности, а не об изосубстратности (совпадение по «материалу»). На это различие указал выдающийся философ, создатель общей параметрической теории систем А. И. Уёмов³⁴. Можно также говорить о *гомоморфизме* индивидуального и надындивидуального, также исключительно в указанном отношении. В понятии «гомоморфизм» зафиксирован принцип уподобления (не соответствия или совпадения!) структуры объектов. В этом случае, следует различать «гомоморфный прообраз» и «гомоморфный образ». Гомоморфный образ существенно упрощает структуру прообраза, «склеивает» ряд его элементов³⁵. В

³¹ Там же. – С. 8.

³² Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории/ Пер. с нем. Г.И.Федоровой – СПб., 2004. – С. 417–418.

³³ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – L. – N. Y., 1983.

³⁴ Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. – Одесса, 2000; Бирюков Б.В. Изоморфизм и гомоморфизм// Философский энциклопедический словарь/ Редкол.: С.С.Аверинцев, Э.А.Арад-Оглы и др. 2-е изд. – М., 1989. – С. 209.

³⁵ Бирюков Б.В. Изоморфизм и гомоморфизм// Философский энциклопедический словарь/ Редкол.: С.С.Аверинцев, Э.А.Арад-Оглы и др. 2-е изд. – М., 1989. – С. 209.

отношении возможного представления личности/индивидуальной биографии и общности/коллективной биографии с позиций гомоморфизма обнаруживается вариативность и альтернативность. Так, возможно рассматривать в качестве гомоморфного прообраза индивидуальную жизнь, а, следовательно, и индивидуальную биографию. В таком случае коллективный субъект и коллективная биография предстанут упрощенным, «склеенным» гомоморфным образом. Такая перспектива (только перспектива, но никак не детализация!) обозначена, как нам представляется, в концепции В. Дильтея, исходящего из идеи первоисторичности личности. С другой стороны, та модель просопографии, которую описывает известный историк М. Петрова, концептуально связана с представлением о социальной общности и коллективной биографии как гомоморфным первообразом и об историческом персонаже, его почти полностью утраченной биографии как о гомоморфном образе. Ученые, изучающие феномен биографии, говорят о *гомологии между реальностью жизни и реальностью рассказа о ней* (такова, в частности, ключевая идея немецкого социолога Ф. Шютце, предложившего модель нарративного интервью для биографического исследования). Идея гомологии заложена уже и в *хайдеггеровском различении-соединении истории как свершения и как рассказа*. Вместе с тем, по мнению известной российской исследовательницы биографических нарративов и жанра «устных историй» Е.Ю. Мещеркиной, с учетом указанной гомологии наиболее продуктивным будет методологический анализ «зазора», который существует между двумя реальностями - свершения события и рассказа о нем. «Концептуализация этого зазора представляет одну из интереснейших задач биографического дискурса»³⁶. В качестве указанного «зазора» могут рассматриваться иллюзии, объективные и субъективные ошибки, рефигурации опыта события в рассказе и т.д. Сам «зазор» неизбежен и необходим. Рассказывая свою жизнь, мы создаем форму (имеющую «зазор» с реальностью), посредством которой мы распознаем в этой жизни то, что без этой формы никогда не увидели бы. Этот круг проблем нуждается в отдельной самостоятельной разработке, которая нам представляется весьма плодотворной. И вновь подчеркнем, что любые теоретические обобщения в данном контексте должны быть основаны на изучении конкретного историко-культурного материала, а опасность редукционизма должна быть четко осознана исследователями.

Концептуальная установка на взаимодополнительность – одно из важнейших теоретико-методологических положений исследования феномена биографии в культуре и биографического подхода в

³⁶ Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий// Социологические исследования. – 2002.– № 7. – С.61-67

гуманитаристике, в любом междисциплинарном облики такого исследования. Также методологически значимой представляется нам разработка в рамках структурно-семиотического подхода *проблематики культурно-исторической памяти, ее трансформаций*. Биографический/автобиографический аспект – один из наиболее существенных в пределах данной исследовательской зоны. В целом соотношение культурно-исторической и биографической/автобиографической памяти является предметом исследования во многих областях гуманитаристики (в частности, в герменевтике П.Рикера)

Необходимым, как мы уже указали, является обоснование специфики той области Humanities, в рамках которой применение биографического подхода будет наиболее плодотворным. Кроме дильтеевского анализа проблемно-методологического профиля «наук о духе», актуализировавшего ценность биографических исследований, использованы также концептуальные основания методологии гуманитарного знания, предложенные М.Бахтиным. Представление социокультурного мира как мира «текстов и смыслов», внутренний диалогизм, полифоничность; этическая ориентация гуманитарного знания, разработанная в рамках «философии поступка», включенность «этоса» Humanities в методологию гуманитарного исследования, этико-методологическая установка на *«любовное созерцание»*, - вот существенные для нас черты концепции Бахтина. Они были учтены и его последователями, в частности, Л.Баткиным в его модели *«научной гуманитарности»*, ориентированной на принцип: *«максимум субъектности»* (не субъективности!). У самого Баткина она нашла конкретное выражение в исследовании величайших автобиографических текстов европейской культуры: «Исповеди» Августина, «Истории моих бедствий» П.Абеляра, «Исповеди» Ж.-Ж.Руссо³⁷.

6. Методология *качественного анализа в социологии, социальной и культурной антропологии, социальной психологии*. Она может быть учтена на уровне ее базовых концептуальных подходов и исследовательских стратегий. Речь идет, прежде всего, об «обоснованной теории» (А.Страус и Б.Глейзер), которая характеризуется отсутствием предварительной концептуализации предмета исследования и ориентацией на генерирование понятий и категорий дескриптивным путем через *«насыщенное» (плотное) описание* (термин и стратегия К.Гирца).

³⁷ Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М., 2005; Баткин Л. М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М., 1994.

Еще одно необходимое замечание: методология задается спецификой предмета, исходя из базового герменевтического принципа: субъект понимания сам принадлежит предмету понимания, а «в предикатах, которые мы высказываем о предметах, заключены и способы постижения»³⁸. Авторы, «ангажированные» жанром биографии (в научном, литературном и повседневном его понимании), невольно, и сознательно переносят «законы жанра» в собственное исследование. Так «персоноцентричность» феномена биографии может спровоцировать такую же «персоноцентричность» разговора о ней. К примеру, В.Дильтей и Ю.Лотман, уделившие особое внимание разработке биографического подхода в гуманитарном знании, были незаурядными биографами, создателями блестящих жизнеописаний, подлинными мастерами научной и художественно-научной биографической реконструкции. Они писали биографии и одновременно осмысливали теоретические проблемы биографистики. В.Менжулин, исследующий специфику биографического анализа в истории философии, предлагает ввести в эту область особый «персоноцентричный» субжанр – *история философии как интеллектуально-биографическая проза*, где исследователь ведет диалог не только с философскими идеями, но и с их авторами. Создатель произведений в духе такого субжанра при этом не должен забывать, что он – не *зеркало* биографий философов, а *автор* последних (курсив В.М.)³⁹. В многочисленных исследованиях, так или иначе затрагивающих проблемы биографии, часто не проводится четкого исходного понятийного разграничения. В частности, нередко в качестве синонимов используются термины «*биографический метод*» и «*биографический подход*». «Биографический подход» фиксирует направленность исследовательского интереса (интенциональность) на биографическую проблематику во всем многообразии ее проявлений: биография как социокультурный феномен, как литературный и научный жанр, совокупность методов анализа биографического/автобиографического материала в различных областях humanities и т.д. Его широта и категориальная размытость, нечеткость, а, следовательно, отсутствие понятийно-категориальной жесткости и приверженности той или иной методологической позиции позволяют исследовать многообразие форм биографического опыта, биографического дискурса, равно как и форм рефлексии над биографическим/автобиографическим опытом, оснований укорененности «биографического» в глубинных структурах культуры. Это, как нам представляется, соответствует специфике философского анализа. Приверженность биографическому подходу в лучших своих образцах для

³⁸ Дильтей В. Указ. соч. – С. 135.

³⁹ Менжулін В. І. Вказ. твір.

ученого гуманитария означает признание особой важности, неустрашимости из гуманитарного исследования этической составляющей. В вариантах, представленных нами, она нашла выражение в идее внутренней сопричастности «биографическим персонажам» истории, культуры, литературы, нелитературных «наивных» жизнеописаний; в особом, методологически обоснованном, «любовном созерцании» чужого биографического опыта. Этическое кредо оказывается одновременно и методологическим принципом, глубоко осмысленном, в частности, в культурной антропологии и в «качественной» социологии, где ученый, особенно исследователь биографических нарративов - это неизбежно «подопытный наблюдатель» (Н.Козлова), постоянно держащий в уме «*биографическое априори*» собственного, претендующего на объективность, но все же неизбежно субъективного описания. Этически ориентированная гуманитаристика вводит презумпцию «доверия» биографическому/автобиографическому повествованию, уважения к его смыслам, часто непонятным и чуждым самому исследователю. Она не может не испытывать определенную «робость» перед лицом биографического опыта и не чувствовать ответственность перед ним. Изучение биографий и автобиографий в такой установке означает и нравственный отказ гуманитария от ролей: глядящего в замочную скважину «любопытствующего»; судьи, присвоившего себе в силу привилегированной «постфактумной» исторической позиции право судить; детектива-сыщика, отправляющегося в погоню за тайным, часто специально утаенным; разоблачителя, срывающего «биографические» и «автобиографические» маски, ищущего за фактами «высокой биографии», низкие мотивы и т.д.

Ярко выраженную этическую компоненту имеет и предложенный Филиппом Лежёном, выдающимся современным исследователем автобиографии, проект «*автобиографического соглашения*». Ф.Лежен назвал «*право на автобиографию*» - одним из неотъемлемых прав человека, одновременно призывая не использовать это право во вред другим, вторгаясь через собственное «пространство автобиографии» в чужую жизнь, нарушая столь же неотъемлемое право на ее приватность. Биографический интерес, во всех его проявлениях, общественно-публичных и научных, приводит во взаимодействие внутренний и внешний суд, совесть и правосудие, связывает «биографическое» право и ответственность.

Современное гуманитарное знание дает возможность выбрать различные стратегии исследования биографии. Одновременно в осмыслении данного феномена возможно их совпадение. Существенным соединением в фокусе биографического является представление феномена в синтетическом единстве онтологии, феноменологии, антропологии и методологии гуманитарного знания. Так у Дильтея «*философия жизни*» оказывается

онтологией автобиографии/биографии и одновременно ее гносеологическим и *методологическим* элементом. Сама жизнь при этом понимается как онтологично автобиографичная и биографичная. Феномен биографии и научно оформленный интерес к нему, по Дильтею, лежит в основании фундамента всего здания «наук о духе», пронизывает все области гуманитаристики. Один из вариантов дильтеевского «построения» ее основ: основополагающие для наук о духе категории «жизнь» и «значение» в первую очередь применяются к биографии, которая становится исходным пунктом исторического повествования. Затем на основании того, что переживается на опыте человеческой жизни можно создавать идею науки, которая излагает этот опыт в обобщенном и отрефлексированном виде – так возникает идея антропологии. Далее происходит переход от биографии к идее «универсальной истории». Так, через рассмотрение жизни отдельного человека (биографии и автобиографии), последовательно в различных направлениях обобщая и универсализируя ее, возводится все здание/храм «наук о духе»⁴⁰. У М.Бахтина «биографический/автобиографический проект» становится одной из важнейших составляющих его синтезирующей архитектоники. Он представляет *онтологию* «единой единственной жизни» в свете собственного видения метафизики, а также «первой философии» как этики и одновременно философии поступка. В контексте признания фундаментальной диалогичности культуры и высшей «внутренней социальности» корни биографии обнаруживаются, таким образом, в глубинах *социальной онтологии*, в устройстве и структуре самого «социального космоса» как «мирового симпозиума». Далее он разрабатывает адекватную такому видению *гносеологию* без «гносеологизма» и соответствующую *методологию*, которая становится методологией гуманитарного знания. Им прописаны и основания *феноменологии* конкретного осуществления (проживания, переживания) жизни в ее уникальной единственности.⁴¹

Гуманитарные науки (Humanities) стремятся, таким образом, тем или иным способом удерживать свое проблемно-тематическое единство, что мы и попытались показать на примере биографической проблематики. Ученые-гуманитарии выполняют свою во многом трагическую (в силу ее трагической невыполнимости) миссию атлантов и кариатид, удерживающих на плечах и

⁴⁰ Гротгейзен Б. Предисловие немецкого издателя// Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В.Михайлова и Н.С.Плотникова. Т.3. – М., 2004. – С. 39.

⁴¹Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности //Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 7–181; Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 361–374; Бахтин М.М. К философии поступка// Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С. 80–160.

поднимающих, представляющих, высветляющих основания социокультурного бытия, Одновременно они ощущают на плечах «невыносимую легкость» таких оснований. Ведь только они в состоянии в интеллектуальном воображении представить себе почти невыносимое – культуру, где люди больше не знали бы, что значит - рассказывать, и людей, больше не имеющих опыта, которым можно было бы поделиться⁴². Такая пугающая перспектива может быть, как минимум, отсрочена, пока существует биография. Тем не менее, гуманитарий первым должен заметить пугающие перспективы самой биографии – возможность оказаться лишь пустой формой, лишенной своего уникального и, одновременно, универсального культурного смысла.

2.3. Биографический метод в гуманитаристике: история, трансформации, современное состояние (на примере социологии)

Как мы уже отметили, биографическая и автобиографическая традиция глубоко укоренена в человеческой культуре. Ее высочайшие европейские образцы представлены в трудах Диогена Лаэртского, Плутарха, Светония, А. Августина, П. Абеляра, Ф. Петрарки, Дж. Вазари, Б. Челлини, Ж.-Ж. Руссо, И. В. Гете, О. Уайльда, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др. Они существенным образом повлияли на облик европейской культуры, сыграли значительную роль в развитии литературы, искусства, исторической науки, психологии, социологии, антропологии, философии. Однако для социогуманитарного знания биографическая традиция в течение долгого времени оставалась лишь источником примеров («экземпл»), вспомогательным «несерьезным» жанром. Социология была одной из первых в ряду гуманитарных наук, которая кардинально изменила такое отношение к биографии, создала целый корпус *биографических методов и конкретных исследовательских методик*, таким образом, превратив «несерьезный» жанр в научный и вполне респектабельный.

Общий теоретико-методологический каркас для биографической проблематики очерчен в традициях понимающей, гуманистической, феноменологической и экзистенциалистски ориентированной социологии. *Макс Вебер (1864-1920)* видел в смыслоконструировании и смыслополагании фундаментальные характеристики социокультурного мира. В современной социологии биография рассматривается как непосредственное и самое «близлежащее» поле поиска и конструкции смысла/смыслов как социального мира, так и собственной жизни. *Георг Зиммель (1858 – 1918)* способствовал проникновению в социологию идей «философии жизни», что также обусловило поворот к жизни-биографии.

⁴² Рикер П. Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе/ Пер. с франц. Т.В.Славко - М., 2000. – С.36

Первый значительный вариант практического применения биографического подхода дан в масштабном пятитомном исследовании «*Польский крестьянин в Европе и Америке*» (1918-1920), созданном представителями Чикагской школы социологии, американцем *Уильямом Томасом* (1863 – 1947) и поляком *Флорианом Знанецким* (1882 – 1958). Ученые исходили из убеждения, что статистика способна дать лишь бесстрастную картину реальности, следовательно, нужно искать живое свидетельство переживаний человека. Именно поэтому они обратились к анализу личных документов (биограмм) «новых американцев» – личным дневникам, переписке, автобиографиям. Эта работа стала не только первым значительным опытом применения биографического метода в социологии. Она знаменовала переход американской, а затем и европейской социологии к эмпирическим исследованиям. Что же удалось установить социологам в результате изучения «биограмм»? Они изучили мотивацию «новых американцев», выделили три типа социального характера, влияющего на успешность адаптации поляков к новой культурной среде: мещанский тип (для него характерны традиционные установки и стереотипы); богемный (нестойкие и слабо связанные между собой установки); творческий (логически взаимосвязанные между собой установки и творческие потенции, обуславливающие оптимальное определение ситуации). Биографический метод позволил У.Томасу и Ф.Знанецкому учесть «человеческий коэффициент» массовых социальных процессов, обратить внимание на значимые для конкретных индивидов аспекты социальной ситуации. У. Томас ввел в социологию закон «определения ситуации», одна из формулировок которого гласит: если человек определяет ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям. Социолог продемонстрировал действие этого закона на весьма шокирующем примере чикагского маньяка, который стрелял в прохожих, случайно взглянувших ему в глаза. Маниакальное определение ситуации было нелепым: всякий, кто смотрит мне в глаза, хочет меня убить. Однако последствия такого определения оказались весьма реальными и трагическими. Но это - социальная патология. А если говорить о норме, то именно на примере конкретных «историй жизни» людей можно убедиться, что мы склонны действовать, совершать поступки, осуществлять жизненный выбор на основе индивидуального «определения ситуации», часто весьма иллюзорного, неадекватного, ошибочного, не соответствующего объективной реальности. И последствия таких ситуационных действий часто бывают необратимы. В этом смысле очень интересны такие феномены как сплетни и слухи. Они подчас играют серьезную и даже роковую роль в нашей жизни (на их эффекте, порождающем неожиданные драматические ситуации, построено большинство телесериалов и «мыльных опер»). Сплетни и слухи также

серьезно изучают социологи, в частности и на биографическом материале. Мы уделили особое внимание подходу У.Томаса и Ф.Знаецкого потому, что именно они успешно продемонстрировали возможности биографического метода в прикладных, эмпирических исследованиях.

Родоначальник феноменологической социологии Альфред Шюц (1899 – 1959) стал также основателем такого направления как «социология повседневности», «социология обыденной жизни». Повсе-дневность – это течение дней нашей жизни», индивидуальной личной истории, биографии. А.Шюц в духе понимающей веберовской социологии отводит биографии, прежде всего, смыслоконструирующую роль. Он предложил понятие «*биографическая ситуация*», тесно связанное с пониманием «жизненного мира». «Жизненный мир» не как привычное словосочетание, а как многогранное и сложное понятие, ввел в философию немецкий мыслитель, основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859-1938), идеи которого о *Lebenswelt* и развивал А.Шюц. Как же нам понимать «жизненный мир», не слишком усложняя этот термин, но и осознавая его сложность и глубину? Для А.Шюца, это та «первопорядковая реальность», в которой мы непосредственно живем, подвергаем ее актам интерпретации и смыслообразования, в течение которой можем вмешиваться, которую можем изменять и которая оказывает сопротивление нашим планам. Жизненный мир является общим для всех пространством социального действия, однако каждый человек «размещен» в нем особым образом, соответственно его биографической ситуации. Она же всегда уникальна, поскольку связана с определенными условиями рождения, воспитания, социализации, с неповторимым для каждого «запасом жизненного опыта» (термин Шюца). Именно этот запас («осажденная» структура индивидуального опыта) служит основой для понимания мира, событий, людей, самого себя, основой для превращений общего для всех нас «Мира» в «мой мир», единственный, неповторимый, непередаваемый. Обратим внимание на то, что, как и в случае с рассмотренным нами подходом У.Томаса, понятие «биография» для А.Шюца неотделимо от понятия «ситуация». Как же эту сущностную связь видит Шюц? Рассмотрим поподробнее. «В каждый момент своей сознательной жизни я нахожусь в мире, и мое положение в нем – во времени, пространстве, в природе..., как человека среди людей, - то, каким оно мне представляется, я называю моей ситуацией в мире. Следовательно, я всегда нахожусь, как любят выражаться французские экзистенциалисты, «в ситуации». Но эта ситуация имеет и свою историю, и ее определенные элементы являются исключительно событиями моей биографии»⁴³.

⁴³ Шюц А. Биографическая ситуация// Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 371- 398

А.Щюцу важно подчеркнуть, что ситуация является не просто объективным положением вещей, а результатом моей субъективной интерпретации этого положения вещей сквозь призму моей собственной жизненной истории, моего личного биографического опыта. В этом тоже сходство с законом «определения ситуации» У.Томаса. Каковы же элементы «биографической ситуации», по А.Щюцу? Это, запас моего наличного знания, убеждения, мнения, верования различной степени правдоподобия. Сюда также включаются мои насущные интересы и система планов, благодаря которым я отбираю из мира те области, которые требуют наибольшего внимания и более четкой ориентации в них. Сюда же входят события моей внутренней жизни, которые я не могу разделить с другими – сны, фантазии, воображения. Они тоже являются элементами биографически детерминированной «моей ситуации в мире». Именно из нашей биографической ситуации мы черпаем с помощью фантазии тот или иной способ будущего поведения. Таким образом, Щюц через «биографическую ситуацию» открывает для социологии дверь в мир снов, фантазий, иллюзий. Посредством интереса к биографии и через использование биографических методов сближаются проблемные поля социологии и психологии, и не только в случае с А.Щюцем.

В «жизненном мире» - мире как непосредственной данности – есть, по Щюцу «привилегированный объект». Это – мое собственное тело. Оно не просто «носительщик» моих органов чувств, «инструмент» моих действий. Мое тело является формой манифестации моей личности во внешнем мире. Так через биографическую ситуацию Щюц открывает для социологии «мое тело». Проблема «телесности» - одна из наиболее важных для всего корпуса гуманитарных наук, ее сегодня активно осваивает и социология, интерпретируя тело именно как форму социальной и культурной манифестации. Это особенно значимо в нашу эпоху развитых «технологий тела», среди которых и перемена пола.

Существенными для развития биографического похода были наработки таких социологических направлений как «символический интеракционизм» (Г.Блумер, Э. Хьюз, А. Стросс, Г. Бекер, Т. Шибутани, М. Кун, Т. Партленд, К. Бёрк , Э.Гофман), этнометодология (Г.Гарфинкель), «социальная этнография» (Б.Малиновский, А.Рэдклифф-Браун, М.Мосс, П.Аткинсон, Г.Беккер). Так биографический подход с точки зрения символического интеракционизма увеличивает шансы исследователя в понимании нестандартных или «отклоняющихся» от общепринятого смыслов, событий, процессов. Он оказался незаменим для анализа различных субкультур.

Следует отметить значимость социологических и социально-психологических теорий личности, также подразумевавших исследование биографического контекста (в частности, теории «авторитарной личности»

(Т.Адорно, Э.Френкель-Брундик, Д.Дж.Левинсон и др.). В целом же, сторонники «биографического метода» при всех различиях его применения подчеркивали, что в формировании личности ведущее значение имеют именно биографические факты (Г.Лассуэл, Р.Каван, Г.Зорбо, Ч.Кули, М.Мид).

Биографический подход развивается, прежде всего, в рамках «человекомерной» качественной стратегии (П.Лазарсфельд, С.Тайлор, Р.Богдан и др.) Она подразумевает глубокий анализ и «плотное описание» субъективных смыслов, зафиксированных, в том числе, в биографических историях отдельных индивидов. Заслуживает отдельного и самостоятельного рассмотрения выделение в современной социологии двух методологических исследовательских стратегий: *количественной* («квантитативной»), ориентированной на охват широкомасштабных социальных явлений и процессов, применение статистических и математических методов, массовых опросов; и *качественной* («квалитативной», которую еще называют «гуманистической»). Она нацелена на описание индивидуальных смыслов и ситуаций. Среди ее типов: «case-study» (анализ случая) и биографический метод. Особое внимание уделяется анализу личных «историй», *нарративов* («нарратив» - повествование)), их внимательному текстологическому прочтению, расшифровке, интерпретации. Как мы уже указывали, биографический подход объединяет социологию и психологию. А в случае анализа биографических нарративов, объединяются социология, лингвистика, литературоведение. Этот синтез - также одна из существенных черт современного развития социогуманитарного знания, которое в целом характеризуется как *междисциплинарное*. Свое методологическое обоснование «качественный» биографический подход находит в «обоснованной теории», grounded theory (Б.Глейзер, А.Струс, Д.Корбин)⁴⁴. Один из ее постулатов – отказ от предварительной теоретизации, внимание к «случаю», теоретическое насыщение примеров, случаев в процессе аналитического рассмотрения. Принцип отказа от предварительной теоретизации согласуется и с позицией Ф.Знанецкого и У.Томаса, которые видели социологию наукой, формирующей свои законы как вероятные предположения на основе анализа ситуации, через сбор эмпирических данных, максимально учитывающих «человеческий коэффициент». Как мы уже указывали, биографический метод в контексте различения качественной

⁴⁴ Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001; Васильева Т.С. Основы качественного исследования: обоснованная теория// Методология и методы социологических исследований (итоги работы поисковых проектов 1992–1996). – М.: Ин-т социологии РАН, 1996. – С. 56–65.

и количественной стратегий в социологии по преимуществу относится к качественным методам, но огромный массив биографических нарративов демонстрирует неизбежность «квалитативно-квантитивного синтеза».

Нарративные социологические стратегии и практики (Ф. Анкерсмит, В. Лабов) кардинальным образом изменили содержание и направленность биографического метода. В центре внимание оказывается биографический *дискурс* («дискурс», *discourse* – один самых многозначных научных терминов гуманитаристики, имеющий множество толкований; мы определим его предельно просто: речь, социально и культурно обусловленные языковая деятельность и способ говорения, письма). Изучаются связь между событийной и повествовательной канвой (что произошло (событийный пласт) и как зафиксировано в речи и письме (повествовательный пласт); конструирование в нарративе индивидуального жизненного опыта и социального контекста, схемы/навыки осмысления собственной жизни, создание модели/моделей биографии. Широко применяется метод «устных историй» («*oral history*») – сбор и запись устных воспоминаний очевидцев и участников тех или иных социальных событий и процессов (события - войны, революции и т.д., процессы – урбанизация, миграция и т.д.). Не обязательно свидетельствовать о грандиозных и масштабных социальных сдвигах и катаклизмах. Социологам очень интересны «устные истории», связанные с жизнью обычных людей – этапами их жизни, карьерой, социализацией, выбором профессии, религиозной, национальной, культурной идентичностью и т.д. Идея «устной истории» приобрела особую популярность в США в 1940-е годы в связи с деятельностью американского журналиста Джо Гулда (1889-1957), заявлявшего о своей работе над огромной книгой «Устная история нашего времени», полностью составленной из записи рассказов разных людей. Центры и Ассоциации устной истории действуют в различных странах.

«Устная история» может быть дополнена и визуальной. Самый яркий пример – Фонд исторических видеоматериалов «Пережившие Холокост (Шоа)», созданный в 1994 году знаменитым кинорежиссером Стивеном Спилбергом, вдохновленным работой над фильмом «Список Шиндлера»⁴⁵. Фонд интервьюировал переживших Холокост евреев, гомосексуалистов, свидетелей Иеговы, цыган, людей, участвовавших в освобождении или ставших свидетелями этих событий, политических узников нацистских концлагерей, лиц, помогавших жертвам Холокоста и спасавших их от преследования. В течение нескольких лет Фонд собрал около 52 тысяч

⁴⁵ Сайт Института Фонда Шоа Университета Южной Калифорнии:
<http://dornsife.usc.edu/vhi/>

видеосвидетельств, записанных на 32 языках в 56 странах. В настоящее время эта коллекция является самым большим в мире архивом визуальной истории. В 2006 году Фонд исторических видеоматериалов «Пережившие Шоа» вошёл в состав факультета литературы, искусства и естественных наук Университета Южной Калифорнии, и ему было присвоено имя «Институт видеоистории и образования Фонда Шоа Университета Южной Калифорнии». Изменение имени отразило расширившуюся миссию Института: искоренить предрассудки, нетерпимость и экстремизм, а также страдания, порождаемые такими явлениями, через использование собранных Институтом исторических видеовоспоминаний в целях просвещения. Архив фонда, который частично доступен всем желающим, впечатляет не только трагизмом событий, мужеством и силой духа людей, которые решаются через много лет вернуться к травмирующим их воспоминаниям. Он поражает также и высоким профессионализмом работы ученых, обогащенных самыми современными методами социологических исследований, первое место среди которых занимает комплекс биографически ориентированных методов.

Как мы уже указывали, устные и письменные нарративы подразделяют на *тематизированные и нетематизированные*. Нетематизированные повествования возникают без наводящих вопросов интервьюера, если речь идет об интервью. Интервьюер может задать лишь общий наводящий вопрос: расскажите о своей жизни. Тематизированное повествование тесно связано с той или иной темой: ветеран рассказывает о войне, светский человек, выбравший путь монашеского служения рассказывает о своем пути к вере и к Богу и т.д. Так, в частности, Фонд Шоа использует возможности двух этих типов повествования. Человек, переживший Холокост, рассказывает свою историю свободно, без нормативных наводящих вопросов. Безусловно, изначально такая история уже тематизирована. Если в ходе рассказа возникает какая-либо тема, интервьюер может ее развить уточняющими вопросами. Так, на основе подобных воспоминаний ученые проводят свои исследования, часто с весьма неожиданной тематикой, например: «Театральные представления в немецких концентрационных лагерях» (Emmy Kreilkamp Indiana University, 2008).

Примером талантливой, высокопрофессиональной работы в жанре «устной истории» являются широко известные проекты сбора воспоминаний о Великой Отечественной войне «У войны не женское лицо», «Последние свидетели. Соло для детского голоса» белорусской писательницы и журналистки Светланы Алексиевич, ставшей в 2015 году лауреатом Нобелевской премии по литературе⁴⁶. Возникает вопрос: корректно ли

⁴⁶ Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. – М.:Изд-во «Пальмира», 2004. //Эл.ресурс: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt>

сравнивать литературные произведения и кинодокументалистику с социологическими или культур-антропологическими исследованиями? Если речь идет о «личных историях» – в таком сравнении нет никакой натяжки. Сам социолог должен при работе с тонким, хрупким, неуловимым и трудно поддающимся типологизации «человеческим материалом» владеть навыками и искусством литературного творчества. Здесь проявляется еще одна значимая тенденция современного гуманитарного знания, о котором говорят, что оно все больше становится «родом литературы», где стираются жесткие границы между художественным и научным языком. И речь не идет о том, что социология (как и любая другая гуманитарная дисциплина) перестает быть «научной», теряет критерии рациональности, *верифицируемости* (проверяемости), становится аморфной, зыбкой, превращается в «болтологию». Напротив, в лучших своих образцах биографические исследования ничего не теряют, а умело соединяют два типа дискурса – научный и художественный, художественно-публицистический. Один из самых ярких вариантов такого соединения – роман-биография замечательного филолога, культуролога, философа-семиотика Юрия Михайловича Лотмана (1922 – 1993) «Сотворение Карамзина»⁴⁷. Ряд тем, поднятых в этом блестящем научно-художественном исследовании, чрезвычайно актуальны для теоретической биографистики: биографический миф, кодирование социокультурной реальности через биографию, взаимоотношение внешней биографии, сознательно, создаваемой для широкой публики, и реальной, внутренней биографией, трансформации социокультурной памяти в биографических и автобиографических повествованиях и т.д.

Биографическое/автобиографическое повествование рассматривается, в социологии, прежде всего, как социальная конструкция. Существенно то, что многие социологи и философы, обращаясь к «истории жизни», видят в этом, казалось бы, очень личностном жанре куда больше типизированного, анонимного, клишированного, заданного социальными структурами и контекстами, нежели индивидуально-личностного, уникально-неповторимого. Социология осваивает ранее малоизведанную область «*наивных нарративов*», «историй жизни» простых людей. С помощью биографического похода голос в социологии обретают ранее почти «безгласные» и «безмолствующие» социальные группы. Есть и опасность массовизации биографических текстов, утери ими былой привелегии – быть неповторимыми, уникальными, эксклюзивными.

Специальные проблемы биографического метода рассматривали Ф.Ферраротти, Н.Дензин (предложил одно из наиболее известных

⁴⁷ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина . – М.:Изд-во «Книга», 1987. – 336 с.

определений «биографического метода»); П.Лазарсфельд, И.Маттес, В. Фукс-Хайнритц, Ю.Циннекер, К.У.Майер (переход от сугубо инструментального использования биографического материала к изучению биографии как социокультурного феномена), Э.Гидденс (институционализированное и «биографическое время»), В.Фишер-Розенталь (национальное своеобразие биографий, проблема институционального оформления биографии в современном обществе), Г.Розенталь, Х.Буде, М.Коли, Г.Роберт (изучение «биографических конструкций», процесса биографирования), Д.Берто, И.Берто-Виам, К.Рисмен, М.Бургос, Ж.Альмодавар (специфика биографического нарратива, автобиографий, «историй жизни»), Ш.Фицпатрик (социальная история и повседневные биографические практики). Биографический подход развивается в русле проблематики коллективной памяти, коллективного жизненного опыта (Л.Нитхаммер, Г.Шуман, Ж.Скотт).

Американский социолог Н.Дензин предложил одно из самых популярных в социологии определений «биографического метода», как представляющего «переживания и определения одного лица, одной группы или одной организации в той форме, в которой это лицо, группа или организация интерпретируют эти переживания». К материалам жизненной истории, в данном контексте, относятся любые записи или документы, включая «истории случая» социальных организаций, которые проливают свет на субъективное поведение индивидов и групп. Такие материалы могут варьировать от писем до автобиографий, от газетных сообщений до протоколов судебных заседаний. Как подчеркнула российский социолог Инна Девятко, цитирующая данную дефиницию, предположение о необходимости учета «перспективы деятеля», его смыслового горизонта и определения ситуации играет ведущую роль при использовании биографического метода⁴⁸. Следует отметить, что в социологии биографическая проблематика, как правило, не является самоцелью. Через биографические нарративы, «истории жизни», «oral history» и т.д. осмысливаются различные социальные феномены и процессы: глобализация, трудовые отношения, гендерная проблематика, адаптация, идентичность, миграция, безработица и т.д. Такими были первые классические образцы применения биографического метода – работы У.Хилли «Преступник» (1915) и «Душевные конфликты и отклоняющееся поведение» (1917). Именно такой ракурс был задан первой из «биографических школ» в социологии - Чикагской, прежде всего в классической работе Ф.Знанецкого и У.Томаса «Польский крестьянин в Европе и Америке». Это же можно сказать и о

⁴⁸ Девятко И.Ф. Биографический метод в исследованиях // Режим доступа: http://korolewstvo.narod.ru/marstat/biograf_1.htm

польской школе биографии (Л.Крживицкий, Й.Чалашиньски, Б.Голебьевский и др.). Отметим исследования К.Шоу (изучение подростковой преступности на основе «истории случая» - автобиографических заметок юного правонарушителя), Дж.Уитнера (изучение с помощью биографических нарративов положения женщин-работниц на игрушечной фабрике в Чикаго), К.Литлера (изучение трудовых отношений в британских компаниях на основе изучения «историй жизни»), Ф.Лежёна (анализ дневников, автобиографий, исповедальных текстов французских заключенных). П.Руус (биографические материалы о превращении представителей крестьянства в представителей среднего класса), Э.Сазерленд (исследование профессиональной карьеры «вора в законе», который выступил соавтором произведения), Г.Гарфинкеля (изучение изменения половой идентичности на основе анализа «истории случая» («случай Агнессы»)). Д.Берто (исследование «субкультуры» парижских булочников с позиций синтеза биографического подхода и символического интеракционизма), Г.Брозе (разработки в сфере социологии труда и индустриальной социологии), К.Ленца (молодежная субкультура), В.Фишера-Розенталя (национальный немецкий характер в зеркале биографии). Биографически ориентированные исследования профессиональных сообществ осуществляли также Т.Парсонс, Н.Лин, С.Вассерман, Л.Фауст, М.Дэвид и др.

В российской социологии биографическую проблематику и биографические методы изучали И.Ф.Девятко (общие проблемы биографического метода), И.С.Кон (в рамках социологии личности и осмысления феномена «Я» в социокультурном бытии), В.Голофаст (автобиографии «простых людей, «наивные нарративы), Н.Козлова, И.Сандомирская, Е.Мещеркина, В.Семенова, С.Неклюдов, Н.Веселкова, Н.Цветаева, В.Воронков, Е.Здравомыслова, Т.С.Васильева, Е.Трубина, Е.Р.Ярская-Смирнова (нарратология, социальная этнография, биографический подход в контексте «гуманистической социологии», методология качественного анализа «человеческих документов», наивные биографические нарративы советской эпохи, биографические методы и жанр «устных историй» в гендерных исследованиях), Г.С.Батыгин, Б.Докторов (методология биографических исследований, подготовка серии интеллектуальных автобиографий ведущих отечественных социологов), А.Алексеев (биографический метод в «драматургической социологии»), Б.Дубин, Л.Гудков (биографический дискурс в контексте социологии культуры и социологии литературы), Л.Ионин (биография как культурная инсценировка), И.Разумова, В.Семенова, М.Рожанский, О.Божков (биография и генеалогия, семейные хроники).

В украинской социологической науке биографическая проблематика развивается в работах Е. Головахи, А. Кроника, Л. Сохань (стратегия осмысления «жизненного пути» личности), Л. Скоковой (теоретический анализ развития биографического метода в социологии) В. Подшивалкиной (биографический анализ и социальные технологии), Г. Гринченко (специфика и применение жанра «устных историй, создание Ассоциации «устной истории»). В общем виде оценивая историю становления биографической проблематики, биографических методов в социологии, можно отметить резкие перепады от «бурного увлечения» к спаду интереса, а затем – своеобразный «ренессанс» биографического подхода в новом методологическом облике. У. Хилли в 1923 году на социологическом конгрессе провозгласил биографический метод лучшим способом восполнения учеными своего незнания человеческой личности через учет семейных обстоятельств, наследственности, образа жизни, социального контекста и т.д. Критики же упрекали этот метод в отсутствии репрезентативности, во фрагментарности, невозможности дать научную картину объективного социального явления в его целостности. И похвалы, и упреки, сопровождают биографический подход на всем протяжении его истории, и не только «социологической». Эволюцию данного подхода, его трансформации в свете появления новых концептуальных оснований на примере социологии (в ее тесном переплетении с другими гуманитарными науками) показала украинский социолог Л. Г. Скокова⁴⁹. Она выделила несколько этапов развития биографического метода в социологическом знании.

1. Этап становления метода (1920-1930-е годы). Он связан с деятельностью польской и Чикагской школ, характеризуется ориентацией на поиск в текстах личных документов, биографий и автобиографий объективных фактов, стремлением исключить любые проявления «субъективности».

2. Этап экстенсивных модификаций биографического метода (1940 - 1960-е годы). Характеризуется засильем в социологии позитивизма и эмпиризма. Исследования проводятся в рамках той же, что и на первом этапе позитивистской парадигмы, идет поиск объективных фактов в субъективных свидетельствах членов общества.

3. Этап «ренессанса» биографического метода (1970-1980-е годы). Он связан с «антипозитивистским переломом» в социологии и

⁴⁹ Скокова Л.Г. Біографічний метод в соціології: історія і специфіка застосування: автореф. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук: спец. 22.00.01 – теорія та історія соціології/ Інститут соціології НАН України . – К., 1999. – 20 с.

распространением интерпретативных стратегий, подчеркивающих значимость субъективных факторов социальной жизни. Актуализируется проект «гуманистической социологии», уделяющей особое внимание индивидам как активной творческой силе социокультурных процессов, субъективной смыслоконституирующей деятельности. Расширяется поле междисциплинарных исследований в рамках биографической проблематики. В середине 80-х годов четко выделяются два подхода в рамках биографической исследовательской стратегии: *социосимволический (герменевтический)* и *социоструктурный*. Первый – сконцентрирован на уровне значений и смыслов, которые передают индивиды, рассказывающие о своей жизни, истолкование текстов занимает в нем главную роль. Вторым – ориентирован на возможности представления в биографической перспективе взаимосвязей, норм и процессов, составляющих фундамент и структуры социальной жизни.

4. Современный этап характеризует сосуществование двух перспектив в биографических исследованиях. Первая - «объективная» или традиционная (направление «объективной» герменевтики, метод социальных генеалогий), предполагает восприятие биографического и автобиографического нарратива как достаточно «прозрачного» способа, который дает возможность изучать некие объективные социальные процессы (я рассказываю историю о том, как искал работу, эта история дает первичную социологическую информацию о проблеме поиска работы в масштабах общества). Другая, интерпретативная перспектива, обращена, прежде всего, к автобиографии как к текстуально выраженной версии жизненного пути. Анализ направлен на выявление социальной идентичности автора и ее изменений, социокультурных средств, которые используют члены общества во время интерпретации социальной реальности, в частности, в процессе конструирования собственной биографии. Социологи утверждают, что человек в ходе автобиографического самоописания не просто раскрывает свою идентичность, но и конструирует ее в ходе рассказа: не узнаю, кто я на самом деле, пока не расскажу об этом некому адресату или адресатам, даже вымышленным. Тип и адресат такого автобиографического повествования влияют и на тот образ Я, который формируется в ходе самопрезентации.

Исследования в данном направлении основаны на идее подобия (*изоморфизма*) и даже уподобления, отождествления (*гомологии*) между структурой организации жизненного опыта и структурой автобиографического нарратива. Эту мысль можно проиллюстрировать уже приведенным нами ранее примером с романом Гарсиа Маркеса «Жить, чтобы рассказать», где трудно различить и отделить друг от друга структуры, формы, сюжеты автобиографического рассказа от структур, форм, сюжетов

самой жизни. Жизнь неотделима от текста, мы пребываем внутри сложного единства «жизнь-текст» или «текст-жизнь», а *экзистенциальное* («экзистенция» - в переводе с лат. существование) и *нарративное* измерения нашей жизни постоянно перетекают друг в друга. Эта сущностная антропологическая характеристика ярко, емко, иронично передана в известной всем рекламе средств мобильной связи. Герой рекламного ролика, нежится в море на надувном матрасе, его переполняет «море» впечатлений и эмоций и он начинает звонить всем знакомым: «Ты где? А я на море!!!». Никакой жизненный автобиографический опыт не может быть пережит полноценно, пока он не будет переведен в текст любой из форм: устной, письменной, внутреннего монолога, фотоальбома, видеозаписи и т.д. Реплика «Ты где? А я на море!!!», как и всякая текстуальная реакция на жизненное впечатление, может иметь множество смыслов - от желания поделиться искренней радостью до стремления подчеркнуть собственное превосходство: ты «вкальываешь», а зато я отдыхаю на курорте, я могу себе это позволить, а ты — нет. Возможен и такой вариант, когда текст оказывается доминирующим по отношению к жизненному опыту, текст служит мотивом, импульсом, толчком для переживания опыта. Я еду на курорт, загораю на матрасе, отправляюсь в дальнейшее путешествие, хотя больше всего на свете хочу остаться дома и лежать не на матрасе в море, а на родном диване. Но мною движет самое сильное, непреодолимое желание: иметь возможность произнести «статусный текст» - рассказать знакомым и друзьям, что «...А я на море!!!».

Социологи, использующие биографические методы и биографический подход, подчеркивают, что им приходится выходить за пределы «чистой» социологии, становиться социальными историками, культурантропологами, лингвистами, семиотиками, литературными критиками и т.д. Таким образом, расширяются границы социологического знания, области его меж-трансдисциплинарного взаимодействия. В энциклопедических статьях о биографическом методе в социологии подчеркивается, что его развитие способствовало установлению плодотворного междисциплинарного сотрудничества в исследовании социальных проблем⁵⁰.

⁵⁰ Огурцов А.П. Биографический метод // Новая философская энциклопедия. В 4-х т./ Ин-т философии РАН. – М., 2000. – Т.1. – С. 266–267; Огурцов А.П. Биографический метод// Современная западная социология: Словарь/ Сост.: Ю.Н.Давыдов, М.С.Ковалева, А.Ф.Филиппов. – М.,1990. – С. 36.

Вопросы для повторения

1. Дайте общую характеристику «биографического поворота» в современной культуре и гуманитарном знании.
2. Что означает такая тенденция научного, гуманитарного и философского знания как антибиографизм?
3. Как выглядит панорама биографических исследований в современном гуманитарном знании? Назовите наиболее интересные, с Вашей точки зрения, исследовательские проекты?
4. Дайте общую характеристику проекта «Устные истории философов», предложенного Т. А. Чайкой.
5. В чем заключается разграничение общественных и гуманитарных наук?
6. Теоретико-методологические основания исследования биографии: философия жизни, герменевтика (онтогерменевтика), феноменология, экзистенциализм, структурно-семиотический подход.
7. В чем сущность идея «первопорядковости Я» и «первоисторичности личности»? Какую роль имеют эти идеи для обоснования важности биографической традиции культуры?
8. Индивидуальное и надиндивидуальное в культуре: изоморфизм и гомоморфизм. В чем суть этих сопоставлений? Какое они имеют отношение к пониманию феномена биографии?
9. В чем разница между биографическим методом и биографическим подходом?
10. В чем суть идеи «автобиографического соглашения (пакта)», предложенной французским ученым-гуманитарием Филиппом Лежёном?
11. Каков общий теоретико-методологический каркас для биографической проблематики, заложенный в традициях понимающей, гуманистической, феноменологической и экзистенциалистски ориентированной социологии?
12. Биографический метод в работах основателей Чикагской школы социологии (Ф. Знанецкий, У. Томас). Какое воплощение он нашел в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»?
13. В чем суть понятия «биографическая ситуация», предложенной основателем феноменологической социологии и социологии повседневности А. Шюццем?
14. Как развивается биографический метод в рамках качественной социологии?
15. Нарративные социологические стратегии и практики и возможности их реализации в жанре «устной истории».

16. В чем Вы видите перспективы развития жанра визуальной истории? Покажите это на примере деятельности Фонда «Пережившие Холокост (ШоА)» (Фонд Стивена Спилберга).

17. Подготовьте самостоятельно сообщение о биографической кинодокументалистике Светланы Алексиевич (« У войны не женское лицо» и др.)

18. Самостоятельно подготовьте сообщение о жанре романе-биографии, предложенном Ю.М.Лотманом в романе «Сотворение Карамзина». Как выстраивает известный ученый-семиотик образ своего героя?

19. Расскажите о том, какие проблемы рассматривались социологией сквозь призму биографического метода?

20. Какое определение биографическому методу дает социолог Н. Дензин?

21. Как разрабатывалась биографическая проблематика в современной украинской и российской социологии?

22. Эволюция биографического метода в социологии в интерпретации Л. Скоковой?

Тема 3. Биографическая прагматика в контексте «социальных технологий» и «гуманитарной экспертизы».

3.1. Биографическая прагматика и социальные технологии.

«Мягкие» социальные технологии.

Как мы уже показали, феномен биографии в современном социогуманитарном знании исследуется в самых разных ракурсах и контекстах. Мы сосредоточимся на формировании «биографической прагматики» и перспективах «биографического» наполнения таких понятий, как «социальные технологии», «культурные проекты», «гуманитарная экспертиза». Прежде всего, обратимся к возможностям углубления содержания понятия «*социальные технологии*» и наполнения его «биографическим» смыслом. Такой путь предлагает, в частности, одесский социолог, заведующая кафедрой социальной психологии ОНУ имени И.И.Мечникова Валентина Ивановна Подшивалкина, которая много лет читает для студентов-социологов и психологов специальные курсы, посвященные качественным методам исследования, и прежде всего, биографическому. В контексте «гуманитарной парадигмы» ею выделяется такой тип «социальных технологий», который ориентируется на единичные случаи, на жизненный путь индивида, на учет личностных особенностей. В рамках данного типа вычленяются «социотехнологические аспекты процессов жизнедеятельности», «технологии организации собственной жизни».⁵¹ Такие социальные технологии еще называют «*мягкими*», учитывая их основные черты - пластичность, готовность к новому (а не воспроизводство), «самонастраиваемость». Такие технологии в определенном смысле являются интерпретативными и смыслоконституирующими, организующими ценностно-смысловую картину социокультурного мира и собственной жизни-биографии, а также способы социальной идентификации через самопрезентацию.

Примем определение, предложенное В.И.Подшивалкиной: социальная технология – неподдающийся полной рационализации процесс эффективной деятельности, способ создания и многократного воспроизведения содержания научного или другого вида знания. Выделяется два типа социальных технологий: первый - ориентируется на массовидные явления, второй – на единичные случаи, на жизненный путь, на учет личностных

⁵¹ Подшивалкина В.И. Методологические проблемы анализа биографических самоописаний //Філософські пошуки. Вип. XVII–XVIII. – Львів – Одеса: Cogito-центр Європи, 2004. – С. 520–526. Подшивалкина В.И. Методологические аспекты построения жизненных стратегий// Харьковские социологические чтения. Сборник научных работ. – Харьков, 1998. – С. 22–24. Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. – Кишинэу: Центр. типогр., 1997. – 352 с.

особенностей. Примером биографически ориентированных «социальных технологий» («мягких технологий») на постсоветском пространстве можно считать, в частности, такие культурные проекты как «Великие украинцы», «Имя России» и т.д.

Гуманитаристика переосмысливает, предложенные французским философом-постструктуралистом Мишелем Фуко понятия - «практика себя», «забота о себе» «технология Я». Такой ракурс позволяет выявлять технологичность «автобиографических практик» и «автобиографических техник», определять их как вырабатываемые в конкретной социально-исторической ситуации «стратегии нарративного и культурного самопонимания». В той же мере можно говорить и о «биографических технологиях», «биографических техниках» как о стратегиях и алгоритмах нарративного и культурного понимания и представления жизни конкретного человека, «вот этого» человека.

3.2. Применение биографического похода в теории практике «гуманитарной экспертизы. Понятие «гуманитарной экспертизы» в современном мире.

Рассмотрим теперь возможности применения биографического похода в теории и практике «гуманитарной экспертизы». Гуманитарная экспертиза в современной литературе трактуется достаточно широко – как переход от технологической экспертизы к мульти- и междисциплинарной экспертизе и далее к широкой публичной дискуссии. В целом гуманитарная экспертиза определяется не только и не столько как процесс выработки конкретных решений, сколько как непрерывный и широкий диалог, в ходе которого наряду с обоснованием и критикой тех или иных предлагаемых решений происходит также и процесс выявления, обсуждения и согласования посылок и ценностных позиций различных социальных групп (нередко скрытых, неосознаваемых позиций)⁵².

«Материя», с которой имеет дело гуманитарная экспертиза, - это «человеческий потенциал», взятый в контексте интересов, ценностей, личностных смыслов, т.е. того, что определяется человеческой субъективностью. Биографическая и автобиографическая рефлексия при таком понимании «гуманитарной экспертизы» должна стать одной из

⁵² Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы// Человек. – 1997. – № 3. – С. 76-85. Ашмарин И. И., Юдин Б. Г. Человеческий потенциал: опыт гуманитарной экспертизы // Человек. – 1997. – № 2. – С. 76–85. Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты). - М.: Смысл, 1999. Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. – М.:Смысл, 2008. – 135 с.

важнейших ее составляющих, особенно, когда речь идет об экспертизе спонтанных, внезапно появляющихся социальных практик, содержание и потенциал которых успевают зафиксироваться именно на уровне социальной «микробиологии» - в биографических личных документах и устных историях.

«Гуманитарная экспертиза» её теоретиками определяется как «опережающее реагирование», как возможность принимать вызов проблем и рисков не после того, а до того, как они начинают представлять реальную опасность. Речь идет о необходимости сделать одним из ключевых при оценке эффективности социальных и культурных новшеств «принцип предосторожности» (precautionary principle): предварительную оценку безопасности нововведений. В этом смысле трудно переоценить диагностическую функцию биографических и автобиографических нарративов, где как раз и можно зафиксировать опасности и риски, уже проявившие себя на индивидуально-личностном уровне, но пока малозаметные на уровне «социального организма». Кроме того, «гуманитарная экспертиза» оценивается как форма предваряющего, моделирующего «оживления» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств. Однако «оживляет» нововведения не общество в целом, а конкретные индивиды, в актах переживания, смыслополагания, проживания, на уровне конкретных биографических практик. Модели такого «оживления» транслируются в культуре именно как «биографические ситуации», обретающие нормативный характер. В задачи «гуманитарной экспертизы» входит, на наш взгляд и анализ возможностей эффективной социокультурной трансляции таких «биографических моделей оживления».

Если есть экспертиза, то должен быть и эксперт. Какие же требования предъявляет к нему «гуманитарная экспертиза»? Кто он – профессионал или «рядовой обыватель» (layperson)? Как правило, экспертная оценка тех или иных социальных инноваций, культурных проектов, социотехнологических нововведений предполагает, что эксперт – это высокий профессионал в данной области, ученый-исследователь, аналитик. Его оценка имеет приоритет по сравнению с точкой зрения непрофессионала, обычного человека, рядового участника и свидетеля социальных трансформаций и реформ. Между тем, как подчеркивают исследователи, разрабатывающие концепции «гуманитарной экспертизы», она не требует в обязательном порядке исключительных профессиональных качеств от эксперта. Более того, именно в гуманитарной экспертизе преимуществом эксперта будет его способность выразить интересы, предпочтения, страхи «рядового обывателя», специфику переживания, претерпевания инноваций обычными людьми. Востребован своего рода «эксперт повседневности». А полем осуществления «гуманитарной экспертизы» будет биографическое время-

пространство («хронотон»), траектория жизненного пути, где как раз и фиксируются неуловимые при других настройках и локализациях «переживаемость», «претерпеваемость» новаций. Биографические и автобиографические нарративы, «истории жизни», «рассказы о себе» неизбежно оказываются при таком подходе актами «гуманитарной экспертизы». Однако и здесь не снимается проблема, стоящая перед другими видами социальной экспертизы: проблема «суперэкспертов» - особого класса «экспертов по экспертам», которые сводят воедино, фильтруют позиции «экспертов первого порядка», переводят эти первичные позиции и экспертные оценки в режим «социальных технологий» и принятия конкретных решений.

Гуманитарная экспертиза, как было подчеркнуто, нацелена на междисциплинарное взаимодействие, на преодоление ограничений «предметного» (дисциплинарно специализированного) видения человека. Она должна осуществляться экспертами не по поводу человека, а для человека. В этом смысле большим потенциалом обладает анализ биографических материалов и документов, как наиболее человекомерных, близких к конкретности, фактичности, непосредственности «жизненного мира». Нами учитывалось это обстоятельство в ходе проведения экспертного проекта «Коммуналистские связи по месту жительства» (программа Малых грантов Всемирного банка).

Изучались возможности формирования системы связей граждан по месту жительства как новой социокультурной и управленческой практики, опирающейся, тем не менее, на устойчивую традицию существования домовых комитетов в советское время⁵³. Мы подбирали авторский коллектив ученых-экспертов таким образом, чтобы данная проблема была проанализирована в различных ракурсах. Наряду с макроуровневыми социологическими, экологическими, управленческими оценками, были учтены разработки одесских социологов В.И.Подшивалкиной и Н.А.Победы. Они анализировали самоорганизационные процессы в жилищной сфере на уровне микросоциологического анализа, с позиций качественной методологической стратегии и с использованием биографических интервью. Такой подход позволил определить личностные смыслы и модели личной активности одесситов - жильцов многоквартирных домов в отношении проекта «кондоминиумов» - сообществ жильцов по управлению содержанием собственных домов и придомовых территорий. Исследователи отметили возможность выявления именно через биографические нарративы такой значимой характеристики, как модальность социальной инновации. Под ней

⁵³ Формирование системы коммуналистских связей граждан по месту жительства как одного из механизмов социальной и правовой защиты в условиях переходного кризисного общества: Сб.статей/ Гл. ред. И.В.Голубович. – Одеса: „Друк”, 2000. – 88 с.

подразумевается приемлемость изменений в соответствии с культурными нормами среды, соответствие социальной инновации системе существующих ценностей и прошлому опыту. Мы также убедились, что биографический подход в состоянии выявить естественность или искусственность того или иного социального нововведения, особенно если оно предлагается «сверху», как в случае с «кондоминиумами». Ставка в реформировании жилищно-коммунальной сферы на общества совладельцев многоквартирных домов (ОСМД) активно внедрялась в массовое сознание органами исполнительной власти и фондами содействия жилищным реформам, созданными при участии международных финансовых институций. Объявленный нами в рамках реализации данного проекта конкурс на лучший автобиографический рассказ о формах и личном опыте самоорганизации по месту жительства, в том числе, и в советское время, фактически не дал результатов. Апелляция через СМИ к носителям «одесского культурного мифа», к хранителям памяти о легендарных «одесских двориках» на тот момент почти не вызвала отклика. Учитывая возможности наших собственных методологических и методических ошибок, отметим и зафиксированное в данном неудавшемся «биографическом опыте» очень сдержанное, осторожное отношение одесситов к навязываемой сверху социальной инновации. Жители сами осуществили спонтанную «гуманитарную экспертизу», во многом, справедливо увидев в привлекательной на первый взгляд идее кондоминиума попытку властей «легитимно» переложить бремя содержания жилого фонда на самих жильцов и тем самым уйти от ответственности.

Промежуточные итоги. «Биографический поворот» в социогуманитарном знании в целом и в социологии, в частности, подразумевает смену исследовательской установки в отношении биографического подхода: от преимущественного поиска «социального в индивидуальном» - к обращению к самому индивидуальному, к интерпретации практически любого объективного социального феномена в терминах субъективного смыслоконструирования и смыслополагания. Такая переориентация ставит под вопрос саму возможность унификации уникального биографического/автобиографического опыта. Особое и самостоятельное внимание уделяется трансформациям, смысловременным искажениям в структуре биографического/автобиографического дискурса. Такие трансформации также предстают как феномены социокультурного бытия. Биография является точкой пересечения личности и истории, а биографический подход - одной из теоретико-методологической возможностей соединения в социологическом анализе субъективно-личностного и объективного, надиндивидуального измерений социокультурного бытия. «Биографический поворот» знаменует также

изменение точки зрения на биографический контекст явлений и событий. Раньше он рассматривался, прежде всего, как внешний фактор, элемент «среды» - место и время рождения, социальное положение семьи, национальная, религиозная, поколенческая принадлежность и т.д. Сегодня преимущественное внимание уделяется внутреннему духовно-смысловому аспекту биографического опыта, опыту самостановления и самосознания («духовная биография»), обладающему собственным языком и выраженному в тексте (нарративе). Социологи, кроме объективных социальных фактов, через биографии и автобиографии выявляют богатейший потенциал «интерпретирующего воображения» и колоссальную «энергию» индивидуальной памяти, часто самым парадоксальным образом «подключенной» к «культурной памяти» поколения, эпохи и т.д.

Вопросы для повторения

1. Дайте определение социальным технологиям, определите специфику «мягких» социальных технологий, опираясь на исследования одесского социолога и психолога В.И. Подшивалкиной.
2. В чем заключается сущность «гуманитарной экспертизы», какую роль играет в осуществлении гуманитарной экспертизы биографическая составляющая?
3. «Эксперт повседневности» и его роль в осуществлении гуманитарной экспертизы.
4. Приведите примеры проведения гуманитарной экспертизы и определите роль биографических нарративов. Используйте пример проекта «Коммуналистские связи по месту жительства» (Одесса).

Литература

Основная:

1. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография //Аверинцев С.С. Образ античности. – СПб: Азбука-классика, 2004, - С. 225-465.
2. Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1/ Под ред. В.А.Подороги. – Серия «Esse homo». – М.: Логос, 2001. – 438 с.
3. Биографическое интервью. Учебно-методическое пособие/[Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В.]/Под ред. В.Г.Безрогова. – М.: Изд. УРАО, 2001. – 88 с.
4. Биографический метод: история, методология, практика/ Под ред. Е.Мещерской и В.Семенович/ Елена Мещеркина. – М.: ИСАН, 1994. – 147 с.
5. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя// Вопросы социологии. Т.1. – 1992. – № 2. – С. 123–131.
6. Бурдье П. Биографическая иллюзия/ Пьер Бурдье; Пер. с франц. Е.Ю.Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2002. – № 1. – С. 75–81.
7. Валиевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла// Лица. Биографический альманах. – Вып. 6. – СПб.: Феникс-Athenium, 1995. – С. 32–49.
8. Валиевский А.Л. Основы биографики. – К.: Наукова думка, 1993. – 111с.
9. Винокур Г.О. Биография и культура. – М.: Гос. Академия худож. наук, 1927. – 85 с.
10. Голофаст В.Б. Концепции индивида и пространство биографий // Эл.ресурс: Сайт Валерия Голофаста – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Golofast/index.htm>.
11. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований// Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 73–88.
12. Голубович И.В. Биографический метод в современном гуманитарном знании и его философско-методологические основания// Наукове пізнання: Методологія та технологія. Вип.1. – 2003.– № 11. – С. 104–105.
13. Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities: Монография. – Одесса: СП Фридман, 2008. –397 с.
14. Голубович И.В. Біографія як соціокультурний феномен: методологія аналізу в гуманітарному знанні// Філософська думка. – 2008. – № 4. – С. 122–136.
15. Девятко И.Ф. Биографический метод в исследованиях// Режим доступа: http://korolewstvo.narod.ru/marstat/biograf_1.htm.
16. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора)//

Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. – Таллин, 1992. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 365–377.

17. Менжулін В. Біографістика між філософією життя та герменевтикою: досвід В.Дільтая// Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 12. Німецька традиція в філософії, гуманітаристиці та культурі. – Одеса: ОНУ ім.І.І.Мечнікова, 2008. – С.211-220.

18. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд. УРАО, 2000. – 313 с.

19. Огурцов А.П. Биографический метод// Новая философская энциклопедия. В 4-х т./ Ин-т философии РАН, Нац. Общ. Научн. Фонд/ Научн.ред. Совет: предс. В.С.Степин. – М., 2000. – Т.1. – С. 266–267.

20. Огурцов А.П. Биографический метод// Современная западная социология: Словарь/ Сост.: Ю.Н.Давыдов, М.С.Ковалева, А.Ф.Филиппов. – М.,1990. – С. 36.

21. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования// Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – М., 1991. – С. 19–66.

22. Шамшин Л.Б. Биография [Эл.ресурс]/ Леонид Борисович Шамшин// Культурология XX век. Энциклопедия. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt011.htm#20>.

Дополнительная

1. Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии //Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т./Сергей Аверинцев.– Т.1. – М., 1994. – С. 637–658.

2. Аверинцев С.С. Почему Евангелия – не биографии //Мир Библии – М.: Библейский богословский институт св.ап. Андрея, 2001. - № 8. – С. 4-12.

3. Альмодавар Ж.-П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа/ Пер. с исп./ Ж.-П.Альмодавар// Вопросы социологии. Т.1. – 1992. – № 2. – С.98–104.

4. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы/ Игорь Ашмарин, Борис Юдин// Человек. – 1997. – № 3. – С. 76-85.

5. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания/ Леонид Михайлович Баткин. – М.: Рос.гос.гуманит. ун-т, 2005. – 1005 с.

6. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности/ Михаил Бахтин //Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 7–181.

7. Бахтин М.М. К философии поступка/ Михаил Михайлович Бахтин// Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С. 80–160.
8. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике/ Михаил Михайлович Бахтин// Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234-407.
9. Безрогов В.Г. Автобиография и история: некоторые комментарии историка к автобиографическим исследованиям/ Виталий Григорьевич Безрогов//Хеннигсен Ю. Автобиография и педагогика. – М.: Изд. УРАО, 2000. – С. 133-180.
10. Безрогов В.Г. Коллективное и персональное в автобиографии/ Безрогов Виталий Григорьевич// Человек. – 2003. – № 5. – С. 26–38.
11. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии/Николай Бердяев – СПб: Азбука-Классика, 2007. – 416 с.
12. Бицилли П. Салимбене/ Петр Михайлович Бицилли// Бицилли П. Очерк итальянской жизни XIII века. – Одесса, 1916. – 200 с.
13. Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия/Эндрю Блейн; Пер с англ. Д.Ханова// Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ/ Общ.ред. Ю.П.Сенокосов. – М.: АО Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. – С. 7–240.
14. Божков О.Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций/ О.Б.Божков// Социологический журнал. – 2001. – №1.– С. 34–41.
15. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих/ Джорджо Вазари; Пер. с итал. А. Венедиктова и А.Габричевского. – СПб: Азбука-классика, 2006. – 288 с.
16. Вайнштейн О.Н. Денди: мода, литература, стиль жизни/ Ольга Вайнштейн. – М.: НЛЮ, 2006. – 640 с.
17. Вардомацкий А.П. Аксио-биографическая методика/ А.П.Вардомацкий// Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 80–84.
18. Веселова И.В. Событие жизни – событие текста/ Инна Сергеевна Веселова// Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm>.
19. Голофаст В. Три слоя биографического повествования/ Валерий Борисович Голофаст// Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. /Под ред. В.Воронкова, Е.Здравомысловой. – СПб., 1997. – С. 23–26.
20. Голубович И.В. Биографический акт: на острие жизни и письма (соотношение нарративного и экзистенциального измерений)/ Инна

Владимировна Голубович// Філософські пошуки. – Вип. XVII-XVIII. – Львів – Одеса, 2004. – С. 588–597.

21. Голубович И.В. Методологические основания биографического дискурса в концепции М.Бахтина/ Инна Владимировна Голубович// Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.11. Методологічні проблеми сучасного гуманітарного знання. – Одеса: ФОП Фридман, 2007. – С. 29–37.

22. Голубович И.В. Обоснование «наук о духе» у В.Дильтея и становление биографического подхода в современной гуманитаристике/ И.В.Голубович// Вісник Одеського національного університету. Т.12. Вип. 13: Філософія. – Одеса, 2007. – С. 59–68.

23. Голубович И.В. Сергей Аверинцев и античная биография. Проблема современной интерпретации жанра/ И.В.Голубович// Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 8 Грецька традиція в сучасній культурі. – Одеса, ОНУ ім. І.І.Мечнікова, 2005. – С. 303–311.

24. Голубович И.В.Смех Демокрита и слезы Гераклита: смеховое начало в античной биографии/ И.В.Голубович// Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху. – Одеса, 2006. – С. 162–173.

25. Голубович И.В. Событие жизни – событие мысли (Методологические основания интеллектуальной биографии)/ И.В.Голубович //Наукове пізнання: Методологія та технологія. Вип.2. – 2003.– № 12. – С. 33–39.

26. Голубович И.В. «Третье пространство» биографии: феномен «историй жизни»/ И.В.Голубович// Феноменологія і мистецтво. Щорічник українського феноменологічного товариства, 2002–2003. – К., 2005. – С. 75–84.

27. Голубович И.В. Феномен биографии и биографический поход в концепции Ю.М.Лотмана/ И.В.Голубович// Філософські пошуки. Вип. XXVI. – Львів–Одеса: Cogito–Центр Європы, 2007. – С.186–196.

28. Голубович И.В. Язык историй жизни и “ренессанс» биографического метода/ И.В.Голубович// Мова і культура (Науковий щорічний журнал). – К., 2003. – Вип. 6. – Т. 1. Філософія мови і культури. – С. 114–121.

29. Дубин Б.В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре/ Борис Владимирович Дубин// Лица. Биографический альманах. Вып.6. – СПб., 1996. – С. 7–31.

30. Дубин Б. О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования)/ Борис Владимирович Дубин// Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге [Научный сборник]/ Под ред. Н.С.Плотникова и А.И.Хаардта при участии В.И.Молчанова. – М.:Модест Колеров, 2007. – С.443–452.

31. Зарецкий Ю.П. Автобиографические «Я» от Августина до Аввакума (очерки истории самосознания европейского индивида/ Юрий Петрович Зарецкий. – М: ИБИ РАН, 2002. – 323 с.
32. Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования/ Флориан Знанецкий; Пер. с англ. // Социологические исследования. – 1989. – № 1. – С. 106-109.
33. Исповедальные тексты культуры: Материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2006 г./ Под ред. М.С.Уварова/ Михаил Сергеевич Уваров. – СПб.: ИППК–Республиканский гуманитарный институт, 2007. – 300 с.
34. История через личность: Историческая биография сегодня/ Под ред. Л.П.Репиной/ Лорина Павловна Репина. – М.: Кругъ, 2005. – 720 с.
35. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы/ Томас Карлейль; Пер. с англ.. В.И.Яковенко. – СПб.: Изд-во «Павленков», 1891. – 352 с.
36. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник/ Василий Осипович Ключевский. – М: Изд-во К.Солдатенкова, 1871. – 700 с.
37. Козлова Н.Н. Методология анализа человеческих документов/ Наталия Николаевна Козлова// Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 14–26.
38. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории/ Наталия Николаевна Козлова. – М.: Изд. «Европа», 2005. – 544 с.
39. Кон И.С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования/ Игорь Семенович Кон// Человек в системе наук. – М.,1989. – С. 471–483.
40. LifeLine и другие новые методы изучения жизненного пути/ Сост. А.А.Кроник/ Александр Александрович Кроник. – М.: «Прогресс», 1993. – 230 с.
41. Лановой В.Е. Быть в нужное время в нужном месте. Динамический судьбоанализ/ Виктор Евгеньевич Лановой. – М.:Астрель, 2003 – 230 с.
42. Лежён Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет/ Филипп Лежён; Пер. с франц. Б.Дубина // Иностранная литература. – 2000.– № 4. – С. 108–123.
43. Лица: Биографический альманах/ Биографический институт. Вып.1./ Ред.-сост. Лавров А.В. – М.: Феникс; СПб:Athenium, 1992. – 462 с.
44. Лотман Ю.М. Биография – живое лицо/ Юрий Михайлович Лотман// Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 228–236.
45. Менжулін В. Біографістика між філософією життя та герменевтикою: досвід В.Дільтая// Докса. Збірник наукових праць з філософії та філо-логії. Вип. 12. Німецька традиція в філософії, гуманітаристиці та культурі. – Одеса: ОНУ ім.І.І.Мечнікова, 2008. – С.211-220.

46. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий/ Елена Юрьевна Мещеркина// Социологические исследования. – 2002.– № 7. – С.61-67.
47. Найдорф М. И. Герой и читатель «звездной» биографии/ Марк Исаакович Найдорф// Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.11. Методологічні проблеми сучасного гуманітарного знання – Одеса, 2008. – С. 50–66.
48. Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина (На примере авторов Поздней Античности Макробия Феодосия и Марциана Капеллы)/ Майя Сергеевна Петрова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 203 с.
49. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т./ Плутарх; Пер. с древнегреч. под ред. С.С.Аверинцева, М.А.Гаспарова, С.П.Маркиш. – М.: Наука, 1994. Т.1. – 746 с.
50. Подшивалкина В.И. Методологические проблемы анализа биографических самоописаний/ Валентина Ивановна Подшивалкина //Філософські пошуки. Вип. XVII–XVIII. – Львів – Одеса: Cogito-центр Європи, 2004. – С. 520–526.
51. Подшивалкина В.И. Методологические аспекты построения жизненных стратегий/ Валентина Ивановна Подшивалкина// Харьковские социологические чтения. Сборник научных работ. – Харьков, 1998. – С. 22–24.
52. Подшивалкіна В.І. Особливості автобіографічного опису/ Валентіна Іванівна Подшивалкіна// Curriculum Vitae. Збірник наукових праць. – Вип.1. Біографічний метод у гуманітарному знанні. – Одеса: ФОП Фрідман О.С., 2009. – С. 28–35.
53. Попович М.В. П.В. Копнин: страницы философской биографии/ Мирослав Владимирович Попович// Вопросы философии. – 1997. – № 3. С. 145 – 152.
54. Природа ребенка в зеркале автобиографии/ Под ред. Б.М.Бим-Бада, О.Е.Кошелевой. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 320 с.
55. Рабинович В.Л. Урок Августина: жизнь – текст/ Вадим Львович Рабинович// Августин Аврелий. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий. Пер. с латин. М.Е.Сергеенко, В.А.Соколов. – М.,1992. – С. 224–259.
56. Рабинович В.Л. Урок Абеяра: текст – жизнь/ Вадим Львович Рабинович// Августин Аврелий. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий. Пер. с латин. М.Е.Сергеенко, В.А.Соколов.– М., 1992. – С. 296–326.

57. Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история»/ Лорина Петровна Репина //Диалог со временем. Вып. 5. Историческая биография и персональная история – М., 2001. – С. 5-20.
58. Савельева М.Ю. Биографическое знание как проблема/ Марина Юрьевна Савельева// Curriculum Vitae. Збірник наукових праць. – Вип.1. Біографічний метод у гуманітарному знанні. – Одеса:ФОП Фрідман О.С., 2009. – С. 6–15.
59. Сент-Бёв Ш. Литературные портреты. Критические опыты/ Шарль Сент-Бёв; Пер. с франц. под ред. А.Андрес и И.Лихачева. – М.: Изд. «Художественная литература», 1976. – 582 с.
60. Сонди Л. Судьбоанализ/ Леопольд Сонди; Пер. с нем. А.В.Тихомиров. – М.: Три квадрата, 2007 – 478 с.
61. Степаненко І. Біографія як духовний досвід: евристичні можливості біографічного методу в філософсько-антропологічному пізнанні/ Ірина Степаненко// Філософські пошуки. Вип. XVII-XVIII.– Львів – Одеса: «Cogito»–»Центр Європи», 2004. – С. 723–729.
62. Судьбы людей России – XX век. Биографии семей как объект социологического исследования/ Отв. ред. В.Семенова, В. Фотиева.– М: Институт социологии РАН, 1996.– 640 с.
63. Табачковський В.Г. В пошуках невтраченого часу: Нариси про творчу спадщину українських філософів-шестидесятників/ Віталій Георгієвич Табачковський. – К.:ПАРАПАН, 2002. – 296 с.
64. Табачковський В.Г. Життєвий світ людини і пізнання: персоналістична інтерпретація/ Віталій Георгієвич Табачковський// Філософська думка. – 2006. – № 2. – С. 14–35.
65. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий/ Р.Тернер; Пер. с англ.// Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 121–134.
66. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова/ Михаил Семенович Уваров. – М.: «Алетейя», 1998. – 246 с.
67. Устная история и биография: женский взгляд/ Ред. и сост. Е.Ю.Мещеркина – М.: Невский проспект, 2004. – 270 с.
68. Чайка Т. Доторк. Презентація проекту «Усні історії філософів»/ Тетяна Чайка. // Філософська думка. – 2009. – № 3. – С. 140 – 145.
69. Чишко В.С. Біографічна традиція і наукова біографія в історії та сучасності України/ Віталій Сергійович Чишко. – К.: МП «БМТ», 1996. – 240 с.
70. Чишко В.С. Загальні проблеми біографістики/ Віталій Сергійович Чишко// Українська біографістика. – К., 1999.– Вип.2.– С. 7–14.
71. Щюце Ф. Биографическое исследование и нарративное интервью (Отрывки)/ Ф.Щюце; Пер. с нем. Е.Ю.Мещеркиной// Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: Феномен детства в воспоминаниях. – М., 2001. – С. 142–147.

72. Эйдельман Н.Я. Об историзме в научных биографиях (на материале русской истории)/ Натан Яковлевич Эйдельман// История СССР. – 1970. – № 4. – С. 18–31.
73. Ялом И. Психотерапевтические истории/ Ирвинг Ялом; Пер. с англ. М.Будыниной, Е.Филиной. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 1216 с.
74. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии/ Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова// Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 38–61.

Контрольные вопросы

1. Как в современной культуре проявляется биографический и автобиографический «бум»? Приведите примеры.
2. Биографический подход в современном гуманитарном знании, его основные черты.
3. В чем сущность «биографического поворота»?
4. Что такое биография и каковы ее основные формы? Дайте общую характеристику.
5. Автобиография.
6. Дневники и мемуары.
7. Устные истории.
8. «Истории жизни» и «наивные нарративы».
9. Биографическое интервью: тематизированные и нетематизированные.
10. Биографическая анкета, резюме, curriculum vitae.
11. Античные биографические формы «псогос»/»энкомий» и их современные трансформации.
12. Научная и художественная биография.
13. Политическая и историческая биография.
14. «Звездная» и «гламурная» биография.
15. Фотоальбомы, видео- и аудиоархивы как биографические формы.
16. Виртуальные биографии и автобиографии, феномен ЖЖ («живой журнал»), блогосфера.
17. Телевизионные автобиографические и биографические проекты, ток-шоу.
18. Коллективная биография, просопография.
19. Биографический метод в социологии: общая характеристика.
20. Биографический метод в работах социологов Чикагской школы У.Томаса и Ф.Знаецкого.
21. Закон «определения ситуации» У.Томаса.
22. Что такое субъективное смыслоконструирование и как оно проявляется себя в биографической и автобиографической практике.
23. Понятия «жизненный мир» и «биографическая ситуация» в феноменологической социологии А.Шюца.
24. «Качественная» (гуманистическая) социология и ее связь с методами изучения «историй жизни» и «case-study».
25. Понятия «нарратив» и «дискурс» в контексте биографического подхода.
26. Определение «биографического метода» в концепции Н.Дензина.
27. Этапы развития биографического метода в социологии в трактовке Л.Скоковой.

28. Что такое «социальные технологии» и какова роль «биографической прагматики» в них?
29. «Мягкие» социальные технологии, «технологии Я», технологии жизненного пути.
30. Дайте определение понятию «гуманитарная экспертиза» и продемонстрируйте возможности применения биографического подхода в теории и практике «гуманитарной экспертизы».

Задания

1. Проведите самостоятельный анализ современных биографических/ автобиографических форм в социальном пространстве (политика, масс-медиа, реклама и т.д.). Результаты анализа представьте в форме развернутой рецензии-аннотации избранного проекта.

2. Самостоятельно проведите биографическое интервью по интересующей Вас социально значимой тематике. Составьте опросный лист (перечень предполагаемых вопросов), паспортный лист интервью. Запишите интервью (20-40 минут) на диктофон, расшифруйте и попробуйте дать социологический анализ (См.: Биографическое интервью. Учебно-методическое пособие/[Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В.]/Под ред. В.Г.Безрогова. – М.: Изд. УРАО, 2001. – 88 с.)

Одна из предлагаемых тем «Автобиографические нарративы о детстве». Биографические интервью на эту тему могут стать частью создаваемого в Российском государственном гуманитарном университете биографического фонда. Фонд создается в рамках международного научного проекта «Культура детства: нормы, ценности, практики». Сайт проекта: <http://childcult.rsu.ru>. В современном гуманитарном знании формируется такое междисциплинарное направление как “child studies». Значительную роль в нем играет «социология детства». Выполняя данное задание, попробуйте сосредоточить свое внимание именно на социологических аспектах феномена детства. В этом Вам помогут материалы указанного сайта.

3. Проанализируйте избранные Вами материалы Фонда исторических видеоматериалов «Пережившие Холокост (Шоа)», созданного Стивеном Спилбергом. Какую историческую и социологическую информацию дают «устные истории», представленные на сайте Фонда (<http://dornsife.usc.edu/vhi/>)? В чем специфика «человеческих документов» подобного рода?

Темы рефератов

- Биографические формы в европейской культуре: история и современность.
- Биографический подход в социологии: генезис, эволюция и современные формы.
- Метод «историй жизни» и «case study» в контексте качественной (гуманистической) стратегии современной социологии.
- «Устные истории» в современной социологии: возможности, перспективы и границы метода.
- «Биографическая ситуация» в феноменологической социологии А.Шюца.
- «Наивные нарративы» эпохи в современной социологии.
- «Технологии Я» и технологии жизненного пути в контексте «социальных технологий».
- Концепция «гуманитарной экспертизы» в современных социальных теориях.

Темы семинарских занятий

Тема 1. Биографическое исследование: теория и практика.

1. Биографика как междисциплинарная область социогуманитарных исследований. Проект «Основ биографики» А.Л.Валевского.
2. Типы организации биографического исследования. Специфика работы биографа: теоретические, организационные, этические аспекты.
3. Биографическая реконструкция. Биографическое объяснение. Биографический персонаж. Биографический факт: проблемы достоверности и верификации. Биографический опыт. Биографическая ситуация.
4. Биографические проекты в современной культуре. «Великие украинцы...», «Имя России...» и «биографический поиск национально-культурной идентичности».

Тема 2. Методика и технология проведения «биографического интервью».

1. Сущность, структура, типы биографического (нарративного) интервью. Методика и технология биографического интервью.

2. Подготовка интервьюера. Паспортный лист интервью.

3. Основной рассказ и структура дополнительных вопросов. Тематизированное и нетематизированное интервью.

4. Использование технических средств. Правовые и этические аспекты интервьюирования. Защита прав интервьюера: формуляры соответствующих документов.

5. Транскрибирование, секвенцирование и кодирование интервью. Интерпретация текста интервью. Уровни анализа текста: а) смысловые коды основного повествования и дополнительных вопросов; б) главные тематизации и горизонты рассказа; в) формулирование гипотез и поиск смыслов.

6. Проблема коммуникации респондента и интервьюера: доверие, ответственность, компетентность.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(с вопросами, заданными и упражнениями)

Приложение 1

**Рабочая программа курса «Основы теоретической биографистики»
(извлечения)**

«Основы теоретичної біографістики»

Робоча програма навчального курсу (фрагменти)

Мета та завдання навчальної дисципліни

1. Місце дисципліни в навчальному процесі.

Курс «Основы теоретичної біографістики» спирається на знання, отримані студентами в курсах «Історія філософії», «Філософська антропологія», «Культурна антропологія», «Загальна психологія», «Соціальна філософія», «Філософія культури», «Філософія релігії», «Сучасна західна філософія», «Філософія науки», «Організація культурних проєктів». Знання, отримані студентами при вивченні даної дисципліни використовують наступні дисципліни «Типологія та хронологія культури», «Методологія гуманітарного знання», «Організація та проведення презентацій».

2. Мета викладання дисципліни.

Мета викладання курсу «Основні проблеми сучасної антропології» - ознайомлення з сучасним станом вивчення феномену біографії в культурі та соціальному бутті, а також з проблематикою біографічного підходу в сучасному гуманітарному знанні. Докладно розглядається історико-культурна трансформація феномена біографії, типи і форми біографічної традиції, варіанти біографічного підходу у междисциплінарному знанні: в психології, культурології, соціології, історичній науці, літературознавстві, антропології, філософії тощо. Аналізуються напрямки розвитку філософської та культурологічної біографічної прагматики, можливості її використання у здійсненні соціокультурних проєктів. Вводиться необхідний категоріальний апарат і намічаються змістовні аспекти теоретичної біографістики та біографіки.

Задачі вивчення дисципліни:

- визначити біографію як феномен соціокультурного буття, його історичні типи та форми;
- теоретично узагальнити біографічну традицію в культурі і соціогуманітарному знанні;

- проаналізувати сутність «біографічного підходу», «біографічних методів» в сучасному гуманітарному знанні на міждисциплінарному його рівні;
- теоретично обґрунтувати модель і стратегію філософського та культурологічного аналізу біографії, представити його як концептуальну і теоретико-методологічну єдність;
- осмислити підстави, суть і зміст «біографічного повороту» у сучасній культурі й гуманітаристиці, а також концептуально окреслити контури «нового біографізму» та «нового автобіографізму»;
- проаналізувати феномен біографії та можливості застосування біографічного підходу з позицій «семіотики соціокультурного світу»;
- представити автобіографію та біографію як органічні форми фундаментальної виразності, саморефлексивності, герменевтичності життя в соціокультурних та історичних його вимірах;
- виокремити у структурі соціокультурних кодів елементи біографічного та автобіографічного кодування індивідуального життя та певних надособистісних феноменів;
- представити теоретико-поняттєву мову опису та соціально-філософського аналізу феномена біографії, зокрема через подальшу концептуалізацію таких понять, як «онтологія біографії», «біографічна форма», «біографічний акт», «біографічна цінність», «біографічна рефлексія», «біографічна реконструкція», «право на біографію», «автобіографічний пакт» тощо;
- сформулювати методологічні і поняттєві засади класифікацій і типологій в рамках біографічного підходу, їх евристичний потенціал і пізнавальні межі;
- виділити й теоретично обґрунтувати соціально-філософський підхід до феномена «інтелектуальної біографії / автобіографії» та дослідницького жанру «інтелектуальної просопографії», окреслити перспективи «біоконцептографії»;
- визначити можливості філософсько-біографічної прагматики в контексті «гуманітарної експертизи» соціокультурних проектів та сучасних гуманітарних («м'яких») соціальних технологій.

Студент повинен знати:

- основні теоретичні підходи до біографії як феномену соціокультурного буття.;
- основні історичні форми та типи біографічної традиції культури;
- сутність і основні напрямки «біографічного підходу» в сучасному гуманітарному знанні в цілому та в його окремих дисциплінарних галузях: філософії, культурології, соціології, історичній науці, антропології, літературознавстві тощо.
- основні теоретичні проблеми сучасної теоретичної біографістики;
- категоріальний апарат та поняттєву мову теоретичної біографістики;
- сутність та напрямки застосування біографічної прагматики.

Студент повинен вміти:

- здійснювати аналіз (генетичний, структурний, текстуальний, тематичний, герменевтичний тощо) біографічних текстів;
- використовувати біографічний підхід та сукупність конкретних біографічних методів у науковому дослідженні;
- самостійно визначати евристичні можливості та пізнавальні обмеження біографічного підходу, доцільність його використання, коректно поєднувати його з іншими методами наукового дослідження;
- самостійно проводити біографічні дослідження, використовувати техніку та методичку «біографічного інтерв'ю», враховувати етичні та правові норми біографування.
- застосовувати підходи та процедури біографічної прагматики під час здійснення культурних проєктів, у практиці соціальних технологій.

Програма навчальної дисципліни

ЗМІСТОВИЙ МОДУЛЬ І. Біографія як феномен культури у дзеркалі соціогуманітарного знання.

Тема 1. Біографія як феномен культури. Історія біографічної традиції та форми біографії.

Біографія як феномен соціокультурного буття. Її сутність та походження: розмаїття теоретичних підходів. Історія біографічної традиції в культурі. Антична біографія. Форми античної біографії: «псогос», «енкомій», довідкові та риторичні біографії тощо. «Біографічна революція» Плутарха. Біографія філософа в античній історико-філософській традиції (Діоген Лаертський та його життєписи філософів). Середньовічна біографія. Сповідь та автобіографія у християнській культурі. Агіографія. Біографія доби Ренесансу у контексті формування ренесансного типу самосвідомості. Модерні форми біографії та класична модель людини. «Біографічна революція» Ж.-Ж.Руссо. «Біографічний та автобіографічний бум» у сучасній культурі. Некласична та постнекласична модель людини і її біографії. «Смерть людини» - «смерть автора» - «смерть наратора» та метафорична «смерть» автобіографії. Нові біографічні форми доби глобалізації та інформаційної революції: «клаптикова» та віртуальна біографія. Феномен «блогів» та «живих журналів»(ЖЖ) у біографічному контексті. Перспективи трансформації біографічного та автобіографічного досвіду.

Тема 2. Теоретико-методологічні підстави наукового дослідження феномену біографії.

Спектр стратегій дослідження феномену біографії: багатовекторність перспектив. Феномен біографії та «людиномірність» гуманітарного знання. Дослідження біографії в контексті «філософії життя» (Ф.Ніцше, В.Дільтей, Г.Міш, Г.Зіммель тощо). Герменевтичні та «онтогерменевтичні» перспективи аналізу біографії (Ф.Шляермахер, В.Дильтей, М.Гайдегер, Г.-Г.Гадамер, П.Рікер). Концепція «життєсвіту» у феноменології і феноменологічна тематизація феномену біографії (Е.Гусерль, А.Щюц). «Ситуація людини» та феномен життя-біографії в екзистенціалізмі (К.Ясперс, М.Гайдегер, Х.Ортега-і-Гасет). Біографія в контексті структурно-семіотичного підходу (Ю.Лотман). «Філософія діалогу» та «філософія вчинку» М.Бахтіна: біографічна перспектива. Проблема «онтології біографії»: вихідна виразність, герменевтичність, автобіографічність життя. Раціональність та індивідуалізм як «онтологічні» презумпції біографії в європейській культурі в контексті проекту «основ біографіки» О.Валевського.

ЗМІСТОВИЙ МОДУЛЬ II. Біографічний підхід в сучасному гуманітарному знанні.

Тема 3. Біографічний підхід та «науки про дух»: досвід взаємостановлення

«Психологічне тлумачення» в структурі «універсальної герменевтики» Ф. Шляермахера та теоретичні підстави біографічного підходу в сучасному гуманітарному знанні. Історія як «історія героїв» та біографія в концепції Т.Карлейля. «Біографічний метод» у літературознавстві (Ш.Сент-Бёв, Г.Лансон). Феномен біографії в концепції «історичного розуміння» (Й.Г.Дройзен). Автобіографія як вища форма «наук про дух» та становлення біографічного підходу як теоретико-методологічної настанови гуманітарного знання (В.Дильтей, Г.Миш).

Тема 4. Біографічний підхід у міждисциплінарній площині соціогуманітарного знання.

Меж-транс-мультідисциплінарність сучасного гуманітарного знання в контексті біографічного підходу: категоріальне та проблемне визначення. «Біографічний метод» та його трансформації в соціології. Концепція «життєвого шляху» та «життєвої траєкторії» (У.Томас, Ф.Знанецький, А.Щюц, П.Бурд'є, У.Оверман, Ф.Щюце, Д.Берто, Н.Дензін, Ф.Ферароті, Г.Батигин, Б.Дубін, В.Голофаст, І.Девятко, О.Мещеркіна, Н.Козлова, О.Ярська-Смірнова, І.М.Попова, В.І.Подшивалкіна, М.Д.Култаєва, Л.Скокова).

Біографічний підхід в психології. Вплив психоаналізу. Психобіографія. «Life course», «life story», «доле аналіз», психотерапевтична роль автобіографічного наративу. Автобіографічна пам'ять. Психологія життєвого шляху. «Життєвий сценарій» (З.Фрейд, А.Фрейд, К.-Г.Юнг, Ж.Лакан, Е.Еріксон, А.Адлер, В.Франкл, І.Ялом, О.Сакс, Ф.Василюк, І.Кон, А.Кронік В.Лановой, В.Нуркова, В.Безрогов).

Літературна біографія та «біографічний метод» у літературознавстві. Критика «біографічного методу» Ш.Сент-Бёва та «новий біографізм» у літературознавстві (М.Пруст, А.Роб-Грійе, В.Вульф, Ж.Перек, В.Набоков, Ю.Тинянов, С.Беккет, Н.Саррот, С.Бовуар, Ж.-П.Сартр, «его-романістика»). Біографія на перетині літературознавства та культурології (концепції Г.Вінокура, Ф.Лежена, М.Лейрися, С.Аверінцева, Л.Баткіна). Структуралістська літературна критика про феномен біографії (Р.Барт, С.Зенкін).

Біографія у дзеркалі сучасної історичної науки (Ж.Мішле, Й.Дройзен, Т.Карлейль, В.Ключевський, А.Лаппо-Данілевський, Н.Манфред, Е.Тарле, Н.Ейдельман, Ю.Зарецький). Традиції Новоросійського університету в контексті становлення історичної біографістики та біографічного підходу в гуманітарному знанні (П.М.Біццлі, Г.В.Флоровський, С.Л.Рубінштейн) фісХІІІ Міжнародний історичний конгрес, секція «Біографія та історія» (1970): підсумки та перспективи. Місце біографії в контексті історичної антропології: школа «мікроісторії»: К.Гинзбург, Н.Земон-Девис, Л.Репіна, Н.Яковенко, Я.Грицак. Становлення «історичної біографістики» в сучасній Україні (Інститут історичної біографістики НАН України (В.Чишко, В.Попик, В.Онопрієнко). Традиція «нового історизму» (С.Гринблатт, О.Еткінд, В.Менжулін).

Інституціоналізація біографічних досліджень. Біографічні проекти, фонди, інститути. Інститут української історичної біографістики. Біографічна складова «філософсько-антропологічних студій» (В.Табачковський). Конференції «Біографічний метод в сучасному гуманітарному знанні» в Одеському національному університеті (І.Я.Матковська). Проект «Народного архіву» (Н.Козлова, І.Попова).

Біографія філософа як субжанр історії філософії філософії (підхід В. Менжуліна). Біографічні студії К. Фішера. Біографізм К. Ясперса. Антибіографізм М. Гайдеггера. Біографічна філософія Ж. – П. Сартра. Біографічна політика Х. Арендт. «біографічний поворот» в аналітичній філософії. Біографічні складові в радянській та пострадянській історико-філософській науці. Біографічні студії А. Лосева. Науково-популярна біографістика А. Гулиги. Обґрунтування біографічного аналізу в структурі філософського знання (Е.Ю.Соловйов). Біографізм в сучасній українській філософії (В.С.Горський, О. Валевський)

Тема 5. «Біографічний поворот» в сучасній гуманітаристиці. «Новий біографізм» та «новий автобіографізм»

«Біографічний поворот» в контексті «антропологічного», «онтологічного», «лінгвістичного» та «нарративного» поворотів у сучасній філософії та гуманітарному знанні. Проблема персональності та життєсвіту у «новій онтології» та «постонтології». Нові обрії осмислення феномену біографії в соціокультурному бутті. Проблема смислоконструювання та смислоконституювання в біографічних /автобіографічних актах. «Онтологія біографії» як комплекс умов, що забезпечують можливість текстуального представлення індивідуального (індивідуального, особистісного життя). Рационалізм та індивідуалізм як онтологічні передумови біографічної традиції в європейській культурі. « Антропологічний поворот» і перехід от

класичного до пост класичного способу конструювання «онтології людини»: біографічний ракурс. «Лінгвістичний» і «нарративний поворот» та нове осмислення проблеми біографічних та автобіографічних нарративів.

«Ренесанс» біографічного підходу в гуманітаристиці. «Новий біографізм» та «новий автобіографізм». Міждисциплінарність, трансдисциплінарність, мультидисциплінарність сучасного соціогуманітарного знання у світлі біографічної проблематики. Феномен біографії та перспективи інтердисциплінарного синтезу. Теоретичні засади «нового біографізму/автобіографізму»: традиції філософської герменевтики, феноменології, екзистенціалізму. Конкретні дослідні стратегії («насичений опис»(К.Гірц)), «обґрунтована теорія») у контексті «нового біографізму».

Тема 6. Біографічний дискурс в контексті «соціокультурної семіотики»

Концепції «соціально-історичної поетики» та «семіотики соціокультурного світу» (М.Бахтін та Ю.Лотман). Місце та роль біографічного дискурсу у методології гуманітарних наук М.Бахтіна. Вчинок, діалог, подія буття (М.Бахтін) у біографічному ракурсі. Типологія «біографічних форм» в культурі та розвитку літературних жанрів. Біографія та хронотоп. Автор, герой, читач як фігури біографічного дискурсу. Біографія та автобіографія як «сміслова історія». «Біографічна цінність».

Феномен біографії в концепції «семіотики соціокультурного світу» та «поетики повсякденності» Ю.Лотмана. Взаємодоповнюваність об'єктивно-надіндивідуального та індивідуально-особистісного вимірів соціокультурного буття. Трансформації культурно-історичної пам'яті та автобіографічна пам'ять. Проблема «культурних кодів» – автобіографічне та біографічне кодування індивідуального життя: міфологізація, театралізація, романізація. «Життя-текст» – «текст-життя»: співвідношення екзистенційного та нарративного вимірів біографії. Тип культури – модель біографії. «Право на біографію» у культурі.

ЗМІСТОВИЙ МОДУЛЬ III. Сутність біографічної прагматики та її застосування у прикладних дослідженнях та соціокультурних проектах

Тема 7. Біографіка (мистецтво створення біографічних/ автобіографічних текстів) та біографічна прагматика)

Біографіка як міждисциплінарна галузь гуманітарних досліджень. Проект «основ біографіки» А.Л.Валевського. Базисні епістеми біографічного дискурсу: епістема упорядкованості, епістема дзеркальності тощо. Типи організації біографічного дослідження. Специфіка праці біографа: теоретичні, організаційні, етичні аспекти. Сутність та моделі біографічної реконструкції. Презумпції біографічного пояснення. Біографічний персонаж. Біографічний факт: проблеми достовірності. Біографічний досвід: типологія герменевтичних ситуацій. Біографічна ситуація.

Біографічна прагматика: визначення, сутність, специфіка, сфери застосування. Біографічна прагматика в контексті «соціальних технологій». «М'які соціальні технології». Біографічна складова соціокультурних проектів. Біографічні аспекти «гуманітарної експертизи». «Технології себе» та «практики себе» (М.Фуко) – автобіографічні практики та технології. Соціотехнологічні аспекти процесів життєдіяльності. Технології організації власного життя. Біографічні проекти та проблема культурно-національної ідентичності («Велики українці», «Ім'я Росії», «Славетні...», «Знамениті...»).

Тема 8. Методика та технологія проведення «біографічного інтерв'ю»: філософські, культурологічні, соціологічні, етично-правові та організаційні аспекти

Сутність, структура, типи «біографічного (нарративного) інтерв'ю»: філософські, культурологічні, соціологічні, антропологічні аспекти. Методика та технологія проведення «біографічного інтерв'ю». Підготовка інтерв'юера. Рекомендації до проведення інтерв'ю. Паспортний лист інтерв'ю. Основна розповідь та структура додаткових питань. Використання технічних засобів. Правові та етичні аспекти інтерв'ювання. Захист прав інтерв'юера: формуляри відповідних документів.

Транскрибування, секвенціювання, кодування інтерв'ю. Інтерпретація тексту інтерв'ю. Аналіз біографічного інтерв'ю, його рівні. Перший рівень аналізу тексту: смислові коди основної оповіді та відповідей на запитання. Другий рівень: головні тематизації та горизонти оповіді. Третій рівень: формулювання гіпотез та пошук смислів.

Визначення інтервалів самоідентичності особистості респондента. Я-концепція у автобіографічній оповіді. Аналіз специфіки автобіографічної пам'яті, її трансформацій. Типологія автобіографічних подій: яскрава подія,

важлива подія, переломна подія. Типологія автобіографічних спогадів: «первинні», сутнісні, яскраві, імплантовані, фантазійні, артефактні тощо.

Проблема верифікації істинності автобіографічних спогадів. Проблема комунікації респондента та інтерв'юера: довіра, відповідальність, компетентність.

4. Структура навчальної дисципліни

Назви змістових модулів і тем	Кількість годин											
	Денна форма						Заочна форма					
	Усього	у тому числі					Усього	у тому числі				
		л	п	лаб	інд	ср		л	п	лаб	інд	ср
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Модуль 1												
Змістовий модуль 1. Біографія як феномен культури у дзеркалі соціогуманітарного знання												
Тема 1. Біографія як феномен культури. Історія біографічної традиції та форми біографії.	6,5	2	-	-	-	4,5	9	1	-	-	-	8
Тема 2. Теоретико-методологічні підстави наукового дослідження феномену біографії.	6,5	2	-	-	-	4,5	4,5	0,5	-	-	-	4
Разом за змістовим модулем 1	13	4	-	-	-	9	13,5	1,5	-	-	-	12
Змістовий модуль 2. Біографічний підхід в сучасному гуманітарному знанні												
Тема 3. Біографічний підхід та «науки про дух»: досвід взаємостановлення	6,5	2	-	-	-	4,5	4,5	0,5	-	-	-	4
Тема 4. Біографічний підхід у міждисциплінарній площині соціогуманітарного знання.	8,5	4	-	-	-	4,5	4,5	0,5	-	-	-	4
Тема 5. «Біографічний поворот» в	6,5	2	-	-	-	4,5	4,5	0,5	-	-	-	4

сучасній гуманітаристиці. «Новий біографізм» та «новий автобіографізм»													
Тема 6. Біографічний дискурс в контексті «соціокультурної семіотики»	6,5	2	-	-	-	4,5	9	1	-	-	-	8	
Разом за змістовим модулем 2.	28	10	-	-	-	18	22,5	2,5	-	-	-	20	
Змістовий модуль 3. Сутність біографічної прагматики та її застосування у прикладних дослідженнях та соціокультурних проектах													
Тема 7. Біографіка (мистецтво створення біографічних/автобіографічних текстів) та біографічна прагматика	6,5	2	-	-	-	4,5	9	1	-	-	-	8	
Тема 8. Методика та технологія проведення «біографічного інтерв'ю»: філософські, культурологічні, соціологічні, етично-правові та організаційні аспекти	6,5	2	-	-	-	4,5	9	1	-	-	-	8	
Разом за змістовим модулем 3.	13	4	-	-	-	9	18	2	-	-	-	16	
Усього годин	54	18	-	-	-	36	54	6	-	-	-	48	
Модуль 2													
<i>ІНДЗ</i>			-	-		-			-	-	-		
Усього годин													

8. Самостійна робота

№ з/п	Назва теми	Кількість годин
1	Форми біографії в культурній традиції від античності до сучасності	4,5/8
2	Біографічний та автобіографічний «бум» в сучасній культурі	4,5/4
3	Автобіографія як форма культури	4,5/4
4	Щоденники та мемуари як біографічна форма	4,5/4
5	Інтелектуальна біографія, її особливості та трансформації	4,5/4
6	Біографічні довідники, словники, енциклопедії в просторі сучасної культури	4,5/8
7	Біографічна міфологія. Політична біографія	4,5/8
8	Віртуальні форми біографії	4,5/8
	Разом	36/48

Інформаційні ресурси

- <http://w.w.w.ihtik.lib.ru/> – загальна філософська бібліотека;
- <http://w.w.w.nbu.gov.ua/> – бібліотека ім. В. Вернадського;
- <http://lib-gw.univ.kiev.ua/> – бібліотека ім. Максимовича КНУ;
- <http://w.w.w.filosof.com/ua/> – бібліотека Інституту філософії ім. Г. Сковороди;
- <http://w.w.w.biblioteka.org.ua> – Українська електронна бібліотека;
- <http://lib.onu.edu.ua/> – бібліотека Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
- <http://philosof.onu.edu.ua/> – сайт філософського факультету Одеського національного факультету імені І.І. Мечникова;
- <http://www.courier.com.ru/humanities/> - журнал «Человек»
- <http://www.philosophy.ua/> - Український філософський фонд
- <http://www.ruthenia.ru/logos/> - журнал «Логос»
- <http://magazines.russ.ru/> - Журнальний зал
- <http://nevmenandr.net/dkx/> - журнал «Диалог. Хронотоп. Карнавал»
- <http://magazines.russ.ru/nlo> - журнал «Новое литературное обозрение»

- <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/issue/current>
Special Issue on Performative Social Science
- <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html> - The International Biography Initiative
- <http://psylib.org.ua/books/levit01/> - КУЛЬТУРОЛОГИЯ. XX ВЕК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В ДВУХ ТОМАХ/Главный редактор и составитель С.Я.Левит
- <http://metlib.org> - библиотека по методологии социальных и гуманитарных исследований
- www.humanism.ru - Российское гуманистическое общество
- <http://topos.ehu.lt> – журнал «Топос»
- Biografia.Ru – Биографии знаменитых людей
- <http://www.ruthenia.ru/folklore> - Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика.
- <http://www.pseudology.org/Golofast/index.htm> - Сайт Валерия Голофаства
- <http://childcult.rsuh.ru> – сайт міжнародного проекту «Культура дитинства. Норми, цінності, практики».

Приложение 2.

Course Syllabus “Theory of Biography»

Instructor: prof. Inna Golubovych

Institution: Odessa I.I. Mechnikov National University, Philosophical Faculty

Country: Ukraine

Type: compulsory

Level of students: MA

1. Role of the course in the overall degree curriculum

Theory of Biography (18 ours) is a new for humanitarian education of Ukraine experimental teaching courses. It is elaborated by prof. I. Golubovych for the MA students of the 5-th year of the Philosophy Faculty (philosophy, culturology (cultural studies) . Course was introduced on the basis of the doctoral dissertation I. Golubovych “Biography as a social and cultural phenomena: philosophical and methodological analyses» (2009).

The course is a part of MA program of the Philosophy Faculty Course “Theory of Biography» closely connected with teaching courses of Philosophy Faculty: Philosophical Anthropology, Cultural Anthropology, Sociology, Methodology of Humanities, Social Technology, Technology of the Cultural Projects(compulsory courses). Course was correlated with Program of the Jewish Studies of the Philosophy Faculty Odessa National University (elective course).

II. Aims of the course

The course aims are as follows:

a) to provide students with the fundamental knowledge about complex and poly-dimensional phenomena of biography: history, types, structure, transformations;

b) to introduce students to some of the major theoretical approaches to the scientific study of biography and biographical approach (system of the biographical methods) in interdisciplinary sphere of Humanities (anthropology, psychology, sociology, history, theory of literature etc.);

c) to expand students conceptual knowledge on the “biographical turn» in the contemporary culture and scientific discourse;

d) to propose and specify biographic language, terms, concepts (ontology of biography, biographical tradition of the culture, biographical act, biographical reflection, biographical/ autobiographical identity, biographical/ autobiographical

narration, biographical reconstruction, author and hero of biography/ autobiography and so on;

e) to define meaning of the biographical pragmatics in the context of the social technologies (humanitarian («soft») technologies) and the Humanitarian expert examination of the social and cultural innovations;

f) to investigate ethical norms and code of the biographical researches/

III. Learning outcomes

After participating in class discussions and completing the assignments students should be able to:

f) synthesise a variety of contemporary disciplinary strategies of biographical researches;

b) to identify main biographical methods and techniques (biographical interview and its interpretation);

c) to have a analytical, verbal and communication skills for participation in the field biographical researches;

d) to take part in creation of biographical archive of the Philosophical Faculty (All-Ukrainian project «Oral Stories of Philosophers»);

e) to apply biographical methods and techniques for Jewish Studies in Odessa (with Jewish Museum, Jewish Cultural Centers).

IV. Structure of the course

Phenomena of Biography is defined in this course as a twofold objective. On the one hand biography is comprehended as a one of the fundamental characteristic of the individuality and personality. On the other hand biographical approach and biographical methods in philosophy and Humanities are investigated.

Philosophical analysis of biography is represented in the course as a theoretical and conceptual unity, as integration of various scientific paradigms. The model and strategy of philosophic investigation of biography on the level of the «social ontology» is proposed. Biography in variety of its forms and types is defined as a cultural invariant and universal of social being, as an essential expression of basic self-reflexivity, narrativity of the human life, as a mechanism of representation of unique individuality and personality. At the same time phenomena of biography is shown in «double optics» of opposite directed vectors: a) result of «personalization» of the objective social-cultural meanings; b) potentiality of «universalization» of unique personal senses.

Philosophical approach to «new biographism/ autobiographism», «biographical turn», «biographical renaissance» is described. Theoretical

foundation of «new biographism» is revealed in philosophic hermeneutics, phenomenology, existentialism, semiotics, structuralism, philosophy of dialogue.

One of the important task of “Theory of Biography» is combination theory and practice of the Visual Anthropology as a new sphere of the Humanities with traditional and new variants of the biographical methods.

The course has two main parts – theoretical (themes 1-4) and practical (themes 5-7) parts.

Contents of the course

Lectures and seminars, their contents and amount in hours.

№№	Title of the lectures and seminars	Lectures	
		Amount in hours	Semester
1	2	3	4
1.	Theme 1. Biography as a Phenomena of the Culture. History of Biographical Tradition and Forms of Biography	2	9
2.	Theme 2. Theoretical and Methodological basic of the scientific investigation of the Biography	2	9
3.	Theme 3. “Biographical turn»,»new biographism/ autobiographism» as a co-ordinates of the contemporary Theory of Biography	2	9
4.	Theme 4. Biography: life and narration (in the mirror of the social and cultural semiotics)»	2	9
5.	Theme 5. Biographical Pragmatics, Biographical techniques. Art of Biography	seminar 4	9
6.	Theme 6. Types of the Biographical Researches: program, methods, organizational and ethical aspects	seminar 4	9
7.	Theme 7. Biographical Researches and Visual Anthropology: Photo and Visual	seminar 2	9
		18	

V. Teaching Methodology

The course consists of theoretical and practical parts, therefore it will be taught throw lectures, seminars and participation of the student in the creation of the biographical archive of the Philosophical Faculty (All-Ukrainian project “Oral Stories of Philosophers»). Each lecture deals with basic aspect of the course subject and emphasizes from the literature relevant to them. Seminars discuss

pragmatic aspects of the course. Students participate in the creation of the biographical archive of the “oral stories» in the form of oral biographical interview with chosen by students teachers (audio narrative and its transcribed writing record). Student will prepare – a) final essay “Biographical forms of the culture: philosophical analyses»; b) transcribed writing record of the interview with teacher; c) oral presentation of the interview with explanation of using biographical technique, program and questionnaire.

VI. Course content and assigned reading

a) Lecture Synopsis

Lecture 1. Biography as a Phenomena of the Culture. History of Biographical Tradition and Forms of Biography

Objective – to analyze nature of biography as a cultural phenomena: essence, genesis, transformation

- History of Biography: Antiquity, Middle Ages, Renaissance and Enlightenment, Modernity, Postmodernity, Post-Postmodernity (Supermodernity).
- Forms of Biography: Autobiography, Confession, Lives, Biographical Myth, Virtual Biography; Literary and Scientific Biography etc.
- “Anthropological turn» and “Biographical/ Autobiographical boom» in contemporary culture.
- Death of the Author – Death of the Narrator – Death of the Biography?

Reading:

1. Голубович І.В. Біографія як соціокультурний феномен: методологія аналізу в гуманітарному знанні/ Інна Володимирівна Голубович// Філософська думка. – 2008. – № 4. – С. 122–136.

2. Шамшин Л.Б. Биография [Эл.ресурс]/ Леонид Борисович Шамшин// Культурология XX век. Энциклопедия. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt011.htm#20>.

Optional:

1. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора)/ Юрий Михайлович Лотман// Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. – Таллин, 1992. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 365–377.

Lecture 2. *Theoretical and Methodological basic of the scientific investigation of the Biography*

Objective – to explain history and contemporary multidisciplinary strategies of biography investigation and biographical approach.

- “Lebensphilosophy» and first scientific investigation of biography and autobiography (strategy of W. Dilthey, G. Misch).

- Phenomenology, “Lebenswelt» and biography (E.Husserl. A.Schutz)

- Hermeneutic and Onto-hermeneutic approach to biography (M.Heidegger, H.-G.-Gadamer, P.Ricoeur).

- Existential, human situation and biography in existentialism(K.Jaspers, A.Camus, J.-P.Sartre, H.Ortega y Gasset).

- Structuralism and post-structuralism: new approach to biography (R.Barth, M. Foucault, J.Lotman).

Reading:

1. Винокур Г.О. Биография и культура/ Григорий Осипович Винокур. – М.: Гос. Академия худож. наук, 1927. – 85 с.

2. Голубович И.В. Биографический метод в современном гуманитарном знании и его философско-методологические основания/ Инна Владимировна Голубович// Наукове пізнання: Методологія та технологія. Вип.1. – 2003.– № 11. – С. 104–105..

Optional:

1. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований/ Валерий Борисович Голофаст// Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 73–88.

2. Foucault M. Technologies of the Self: a seminar with Michel Foucault/Michel Foucault; Ed. L.Martin, H.Gutman and P.H.Hutton. – Amherst: University of Massachusetts, 1988. – 166 p.

Lecture 3. “*Biographical turn*», «*new biographism/ autobiographism*» as a co-ordinates of the contemporary Theory of Biography

Objective – to reconstruct “Biographical turn», «new biographism/ autobiographism» as a new tendencies of the contemporary culture and Humanities from point of view of the Theory of Biography.

- “Biographical turn» in the context of the anthropological, ontological, linguistic and narrative “turns»;

- «New biographism/ autobiographism» - from literary critics to the multidisciplinary sphere of Humanities.

- «New Historicism» and «New biographism/ autobiographism»

Reading:

1. Greenblatt St. Towards a Poetics of Culture/ Stephen (Stiven) Greenblatt // The New Historicism. Routledge. – N.Y.– L., 1989.– P. 1–14.

2. Brooke-Rose Chr. The dissolution of character in the novel/Christine Brooke-Rose// Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought/ Ed. by Heller Th. et al. – Stanford, 1986. – P. 184–196.

Optional:

1. Stern D. The return of the subject? Power, reflexivity and agency/David J.Stern //Philosophy & Social Criticism. – 2000. – № 5. – P. 109–122.

2. Ankersmit F. An Appeal From the New to Old Historicists/ Frank Ankersmit// History and Theory. – 2003. – № 42 (2). – P. 253–264.

Theme 4. *Biography: life and narration (in the mirror of the social and cultural semiotics)*

Objective – to understand problematic correlations “life-text», existential-narrative dimension of the life in the context of the social and cultural semiotic .

- Biography in the light of the social and cultural semiotic (theory of the Y.Loethman) and social/historical poetics (M. Bakhtin);

- Life-text – existential/narrative dimension of the life;

- Biographical discourse (individual memory) and transformation of the cultural/historical collective memory;

- Cultural codes in biography;

- Biographical/autobiographical myth.

- The “right to a biography» and type of the culture

Reading:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике/ Михаил Михайлович Бахтин// Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234-407.

2. Лотман Ю.М. Биография – живое лицо/ Юрий Михайлович Лотман// Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 228–236.

Optional:

1. Безрогов В.Г. Автобиография и история: некоторые комментарии историка к автобиографическим исследованиям/ Виталий Григорьевич Безрогов//Хеннигсен Ю. Автобиография и педагогика. – М.: Изд. УРАО, 2000. – С. 133-180.

2. Безрогов В.Г. Коллективное и персональное в автобиографии/ Безрогов Виталий Григорьевич// Человек. – 2003. – № 5. – С. 26–38.

3. Голубович И.В. Феномен биографии и биографический поход в концепции Ю.М.Лотмана/ И.В.Голубович// Філософські пошуки. Вип. XXVI. – Львів–Одеса: Cogito–Центр Європи, 2007. – С.186–196.

b. Seminar/Tutorial Synopsis.

Class 5. Seminar. Biographical Pragmatics, Biographical techniques. Art of Biography.

1. .
2. Biographical methods and the qualitative strategy.
3. Biographical pragmatics and social technology. Self-technology.
4. Biographical method and humanitarian expert evaluation.

Reading:

Биографический метод: история, методология, практика/ Под ред. Е.Мещерской и В.Семенович/ Елена Мещеркина. – М.: ИСАН, 1994. – 147 с.

Task: students will represent structure, content, basic descriptions of this collective paper and will find the most interesting and perspective from their personal point of view with argumentation.

Class 6. Seminar. Types of the Biographical Researches: program, methods, organizational and ethical aspects

1. Types of biographical researches in Humanities.
2. Biographical (narrative) interview
3. Legal and ethical aspects of biographical (narrative) interview.
4. Analysis and hermeneutic interpretation of biographical (narrative) interview: construction and reconstruction of the meaning[^]

Reading:

1.Lejeune, Ph. Le Pacte Autobiographique/ Philippe Lejeune. – Paris: Edition de Seuil, 1975. – 357 p. – pp. 7-20.

2. Лежён Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет/ Филипп Лежён; Пер. с франц. Б.Дубина // Иностранная литература. – 2000.– № 4. – С. 108–123.

Task: students will debate idea of “Le Pacte Autobiographique», proposed by Ph. Lejeune, legal and ethic rights and responsibilities of biographical/autobiographical activity in society.

VII. ASSESSMENT

Course Requirements:

The course is designed as a pass-fail course and will run for 6 weeks. To practice the above-listed skills and pass the course, students will be required to attend most of the lectures, seminars and are encouraged to participate actively. Students are also expected to read the assigned text for each lecture and seminar in advance, and bring in a written (about 1 page-long) summary of the main argument of the all proposed texts (3-5 pages long for each texts).

The course will finish with: a) final essay “Biographical forms of the culture: philosophical analyses» (written form, 7-10 pages) b) transcribed writing record of the interview with teacher (Project “Oral Stories of Philosophers»- All-Ukrainian biographical archive); c) oral presentation of the interview with explanation of using biographical technique, program and questionnaire.

Your performance will be evaluated as follows:

1. *Class preparation and participation* – 5 % of the final grade. Student are expected to be present at all lectures.

2. *Lecture and seminar preparation* – collected written summary paper of the mandatory literature to each lecture and seminar – 20 % of the final grade. The paper must reflect on the mandatory reading of the week. Students will take notes, write questions, underline one or two essential quotes, comment one or two fragments, express agreement or disagreement. Students will comment one of the recommended article too.

3. *Seminar discussion* – 20% of the final grade. Students are expected to be present at all seminar. During the seminars they are expected to reflect critically on the mandatory reading listed below and to use written summary to each seminar.

4. *Final essay* “Biographical forms of the culture: philosophical analyses» (written form, 7-10 pages) – 15 % of the final grade. Students must choose one of the traditional or new contemporary form of the biography and describe, compose list of literature.

5. *Biographical interview* (“Oral Stories of Philosophers»- All-Ukrainian biographical archive) - 40 % of final grade. Students will a) read the paper introduction : Чайка Т. Доторк. Презентація проекту «Усні історії філософів»//Філософська думка. Спецвипуск: Феномен радянської філософії. – 2009. - № 3. – С. 140-145; а також: Табачковський В.Г. В пошуках невтраченого часу: Нариси про творчу спадщину українських філософів-шестидесятників/ Віталій Георгієвич Табачковський. – К.:ПАРАПАН, 2002. – 296 с.): b) master the technique of the narrative interview, compose program and questionnaire; c) interview of the chosen teacher; d) transcribe writing record of the interview. The final point is oral presentation of the interview with explanation of using biographical technique, program and questionnaire.

Приложение 3.

Голубович И.В. Родом из 25-й образцовой. Воспоминания «одесской» москвички.

Моя собеседница – Римма Михайловна Мак-Маевская (Овчаренко). Эти воспоминания не претендуют на абсолютную точность, они фрагментарны и касаются только личного опыта нашей героини, на то они и воспоминания. Однако и в этом уникальном личном биографическом опыте отразилась одна из самых противоречивых страниц нашей общей истории - 30-е – 40-е годы прошлого столетия. А можно сказать и по-другому. Эпоха стала сценой, подиумом, декорациями, в которых осуществлялась, разыгрывалась уникальная жизнь-биография-судьба.

От первого лица

Итак, место действия - 25-я образцовая московская средняя школа, Старопименовский переулок, 5, угол Тверской. Время – предвоенные годы – конец 30-х – 1940-й годы. Позднее школа изменила номер и стала 175-й. А до революции в этом здании располагалась мужская гимназия. О ней писал Борис Пастернак в «Докторе Живаго».

Во времена СССР здесь учились дети советской элиты. В мое время сын и дочь Сталина - Василий и Светлана, сын Лаврентия Берии – Сергей, скромный, красивый, редактор школьной стенгазеты; дочь Молотова – Светлана. Моей одноклассницей была дочь наркома образования Андрея Бубнова – Лена. Помню, как мы пожаловались ее отцу на школьную нагрузку. В ответ он распорядился в нашей школе задавать в день домашнее задание только по одному предмету. Мы этим пользовались, говоря учительнице химии, что сегодня у нас день русского, и наоборот. Учились у нас и те, кого называли потом «дети врагов народа» и, в конце концов, их из нашей школы убрали. Среди них – Витя Сулимов и Юра Муралов. Когда из Ленинграда в Москву перевели Артиллерийскую академию, в наш класс пришла Галя Сивкова – дочь руководителя Академии – генерала Аркадия Сивкова. С ней мы особенно дружили, я часто бывала в их доме.

Школу заканчивали примерно в мое время Андрей Горбунов – сын личного секретаря Ленина, Галина Туполева и Василий Яковлев – дети известных авиаконструкторов, Светлана Собинова – дочь знаменитого певца Леонида Собинова, Володя Шмидт – сын Отто Юльевича Шмидта, Нина Чичерина – дочь Бориса Чичерина, Лева Булганин, Марфа и Дарья Пешковы – внучки Максима Горького. Марфа в последствие вышла замуж за Сергея Берия. Григорий Морозов – будущий первый муж Светланы Сталиной - учился в одном классе с ее братом. Много позже, став мужем «первой невесты СССР», он рассказывал нам: ««Папа» (Сталин) не захотел меня

видеть, а на свадьбу он подарил нам ватное одеяло». Этот неравный брак длился недолго. Равным он быть не мог по определению.

В нашей школе учились и дети иностранных коммунистов. Это - Марта Готвальд, дочь Клемента Готвальда, первого секретаря Компартии Чехословакии и первого президента ЧССР. Марта приехала к нам примерно в 1938 году. С нами учился немец Петер Флорин - его отец был другом и соратником Эрнста Тельмана, он бежал в СССР из Франции. Петер Флорин, хоть и был нашим ровесником, уже имел «героическое прошлое», участвовал в революционных событиях, побывал на баррикадах, был ранен, перелом на руке так правильно и не сросся. Он «научил» нас немецкой пунктуальности, страшно злился, если кто-то опаздывал на какую-то совместную встречу. Училась в 25-й образцовой Урсула Лоде – внучка Вильгельма Пика.

«Иностранцы» жили в гостинице «Люкс». Марта Готвальд приехала в СССР сама и жила одна в шикарном номере. Тогда у нас не было никакого «преклонения перед заграницей». Наоборот, мы чувствовали себя лучшими в мире. У нас были свои весомые аргументы. Так Марта и Петер закончили в своих странах школы. Но многих предметов им не преподавали, школьное образование было урезанным. И чтобы учиться дальше в нашей стране, дети иностранных коммунистов должны были многое наверстать. Наше школьное образование, во всяком случае, в 25-й образцовой, выдерживало конкуренцию с Европой.

Василия Сталина, он был на один класс старше, не называли в школе иначе как, Васька. Он учился классом старше, был бесшабашен. Его лучшим другом был сын школьной уборщицы, он дружил с ребятами из «простых» семей – соратниками его «шалостей». Мы любили кататься на коньках. Васька Сталин забавлялся со своими друзьями. Он «подрезал» девушку, а его приятели с наигранным участием помогали подняться пострадавшей и заводили с ней знакомство. Широта натуры и своеобразная щедрость сына вождя, о которой многие вспоминали, проявлялась и здесь. Он охотно предоставлял своим друзьям шанс познакомиться с девушками, пользуясь своим положением, говорил - «со мной любая познакомиться, а вам нужнее». Зато Светлану Сталину никто никогда не называл Светкой и даже Светой, она всегда была только Светлана, такой у нее был характер. Она была членом учкома и со времен заседания учкома мне запомнилась ее манера говорить. Слова она словно «бросала», делая между ними паузу. Каждое казалось значительным и весомым.

Детей первых людей Советского государства привозили к школе на автомобилях. Однако их «личные» авто останавливались так, чтобы машин было не видно, в соседних переулках. Подъезжать прямо к школе стеснялись,

стыдились демонстрировать свое превосходство, «все равны» - было внутренним самоощущением. Это касалось и одежды. Василий и Светлана Сталины одевались очень скромно. Помню, как Васька всегда играл в волейбол в линялой майке. А Светлана запомнилась только одним неизменным нарядом - коричневые сапоги, сиреневая тенниска, красная шерстяная кофточка. В другой одежде я ее не помню. Но так было не со всеми. Внучки первого «пролетарского писателя» Марфа и Дарья Пешкова, прибывшие с дедом из Европы, носили «заграничную» одежду и сверхэлегантные заколки. Марфа Пешкова следила за модой. На моей памяти, она первая «сняла» плечики. Уже после окончания школы, когда она с мужем, Сергеем Берией, пришла на наши традиционные встречи выпускников (в первые годы, не считая военных, мы собирались регулярно), мы увидели ее в изысканной кофточке, впервые без квадратных плечиков – неизменного атрибута моды 30-х - 40-х годов. А Марта Готвальд, кроме модных пиджаков и кофточек, была обладательницей уникальных для Москвы чулок-паутинок. Когда она шла в них по Тверской, на нее не только оборачивались, а за ней даже увязывались любопытные. Кстати, о «заграничных» паутинках. Отец моей одноклассницы генерал Аркадий Сивков в командировке в Лондоне купил дочери почти такие же «паутинки», как у Марты, если не лучше. А на этикетке значился производитель – одна из московских фабрик. Она делала модный товар исключительно на экспорт и, видимо, для кремлевских модниц. В магазины такие чулки, естественно, не попадали. Себе генерал попросил в лондонском магазине «лучшего бостона» на костюм. Ему и показали самый лучший – «Ленинградский». Это был еще один повод гордиться страной.

Учителя были первоклассные – многие с научными степенями, кое-кто преподавал еще в гимназии, так как наша любимая учительница литературы Анна Алексеевна Яснопольская. С дореволюционных времен осталось в ее лексиконе выражение «зело интересно». В русскую и советскую литературу мы, благодаря Анне Алексеевне, были влюблены, бредили Блоком, Брюсовым, Маяковским, Горьким. Так, меня прозвали «Старуха Мак» по аналогии с горьковской «Старухой Изергиль» (Моя фамилия была - Мак-Маевская). Мы обожали учителя математики - профессора Юрия Осиповича Гурвица. По воскресеньям в его коммунальной квартире, где на стене висела большая доска, мы решали задачки. Разумеется, дополнительные занятия были бесплатными. Вспоминаю и учителя черчения. Он был почти полным тезкой знаменитого полярника Ивана Дмитриевича Папанина, только имя отчество переставлены местами. Когда Дмитрий Иванович видел, что на уроке мы не чертим, а читаем под партой постороннюю литературу, он

произносил свое любимое: «опять читаете «роман со скандалами и катастрофами»».

А с «героическим» Папаниным в нашей школе произошел совсем не героический эпизод. И он как нельзя лучше демонстрирует то, как мы относились к «элите» и «равенству». Папанин рассказывал на встрече с учениками нашей школы о спасении «челюскинцев» из ледового плена. Этой историей гордилась вся страна, она сделала Папанина героем. Но когда во время нашей встречи он произнес: «Вы счастливые дети – с вами учится наша Светлана» (кого он имел ввиду, понятно)», он в один момент перестал быть для нас авторитетом. Мы действительно, не хотели понять, какое отношение к нашему счастливому детству имеет «наша Светлана», она такая же, как все. Мы и без нее были счастливы, в «нашей самой прекрасной стране», мы все были равны, даже по отношению к дочери вождя, и это противопоставление и восхваление нас покорило и рассмешило. Вообще в нашей школе часто были знаменитые люди.

В школе мы жили бурной, активной жизнью. Сейчас даже трудно представить, как и когда все успевали. Мы сочинили гимн школы. Гимн был и у каждого класса. В нашем - мы «поминали» (не в заупокойном смысле, конечно) всех учеников, примерно так: «помянем-ка Лену Бубнову-редакционную, двумя косичками разделенную..., помянем-ка Мак-Маевскую Римму – физкультурницу-приму...» Все в таком же духе – иронично, но не обидно.

Но были и более «острые» литературные опыты. Мы выпускали рукописный журнал «Острие: Всадный Медник». Здесь мы «проходились» по двоечникам. На обложке нарисован штык, на который «насаживались» все, кто получал «неуды». В разгар сталинского террора, когда «идеологические гайки» были закручены намертво, нам даже пришлось доказывать, что наш журнал – не подпольный и не контрреволюционный. Умение острить и шутить мы ценили особо, если кто-то удачно сострит на уроке – говорили с уважением: «запишем один трудодень».

Сейчас мало кто помнит школьный принцип тех времен - «стимул на двоих». Тех, кто хорошо учился, обязательно прикрепляли к отстающим. Двоек не было. Ставили «неуды». И если подопечный сильного ученика продолжал получать свои неуды, то и у отличника оценки тоже снижались.

Шефствовала над школой газета «Известия», ее главный редактор – Медведев часто приезжал к нам, особенно в зимний лагерь в Подмосковье. Помню, как на наш выпускной бал от газеты нам подарили огромную охапку прекрасных роз, которые мы прикололи к нашим выпускным платьям и костюмам.

В нашей школьной жизни переплеталось смешное и трагическое. Вчерашние «дети советской элиты» в один миг превращались в «детей врагов народа». Тем не менее, образцовая школа не могла просто так от них избавиться. Сами того не ожидая, однажды мы помогли это сделать. А начиналось все с невинной шалости. 8 Марта. В других классах мальчики по обыкновению дарят своим одноклассницам цветы. Наши одноклассники решили подшутить и вместо цветов подарили нам букеты из веников, вставив их в парты, туда, где было место для чернильницы-«невыливайки». Девочки этой «шутки» понять не захотели и решили тут же отомстить. В то время в аптеках только появились слабительные шоколадные конфеты. Мы купили их и сложили в коробку от обычных конфет, мальчишки «клюнули» и полакомились, буквально вырывая сладости у нас из рук. Через какое-то время они начали по очереди спрашивать разрешения выйти. Были сорваны уроки химии и военной подготовки. Последнее - особенно непростительно, страна с настроем «если завтра война» серьезно готовилась к обороне. Директор школы Нина Осаповна Гроза всех вызывала к себе и спрашивала – «кто это придумал?» Никто не признался, тогда виноватыми сделали «детей врагов народа» и исключили их из школы. Когда я об этом узнала, пришла к директору и взяла вину на себя. В ответ услышала от Нины Осаповны: «Дура, молчи! Иди занимайся!». Правда и сама она не избежала участи «врага народа». Грозу тоже арестовали. Директором стала Ольга Александровна Леонова – учительница младших классов, любимая первая учительница Светланы Сталиной. Кстати, этот факт и сыграл основную роль в новом назначении, поскольку сама Ольга Александровна совсем не обладала теми качествами лидера и руководителя, какие были у ее предшественницы. Тем не менее, благодаря своей «венценосной» ученице она стала и членом комиссии, которая готовила Советскую Конституцию 1936 года. У Нины Осаповны Грозы были две дочери, им сразу после ареста матери пришлось уйти из школы, они работали где-то официантками и доучивались уже в вечерней школе. Их не забывал Василий Сталин и многим им помогал.

Дети врагов народа. Отец моей близкой подруги Люды Ходоровской, она училась в нашем классе, был начальником сануправления Кремля, мама тоже работала врачом. Однажды, зимой 38-го года директор Гроза собрала нас всех на линейку в актовом зале, на перемене между уроками. О чем пойдет речь, никто не знал. Мы выстроились в каре, как всегда. Люда стояла со мной рядом. Нина Осаповна вышла на сцену с номером газеты «Известия» в руках и прочитала нам заметку. Там говорилось о раскрытии «заговора» врачей, среди которых были и родители Люды. «Врачи арестованы и приговорены к расстрелу. Сегодня в 4 утра приговор приведен в

исполнение». Я помню как сейчас – Люда начинает сползать на пол буквально по моему бедру и падает на пол. Моя подруга, нам было всего 14, ничего не знала. О смерти своих родителей она впервые услышала на линейке. Как такое могло быть? Врачи Ходоровские часто не ночевали дома, были на дежурствах, тогда многие работали ночью, невольно подчиняясь режиму дня вождя. Поэтому, Люда не удивилась, когда родители не пришли ночевать домой. (Представляете, как «оперативно» реагировала на события центральная пресса, в том числе и наши шефы – газета «Известия»). После занятий мы с Людой побежали к ней домой. Она жила в Доме правительства. Квартира уже была опечатана. Планировка квартир была очень странной. Кухни, сконструированные в форме треугольника, находились отдельно. Они были очень маленькие, там почти ничего нельзя было поместить. Эта картина стоит у меня перед глазами. Пустая кухня, стол и венский стул, а на нем висит красный пластмассовый поясок. Очень модный в то время, такие трудно было купить. Я этот поясок особенно запомнила. (Потом моя подруга его мне подарила. Поясок прошел со мной всю войну и потом я его долго хранила, его где-то потеряла моя дочь, уже будучи взрослой. На память от Люды у меня еще осталась фотография со странным смешным посвящением: «Любимой зеленой лошади»). Так у Люды в одночасье не осталась ничего. Мы стояли с ней в кухне и не знали, что и делать. Потом решили бежать к Людиной родной сестре – она жила неподалеку, была замужем за известным «киношником» Гольштейном. Я сейчас не помню, кем он был точно, кажется кинооператором, знаю, что он был очень популярным. Жила сестра в Большом Гнездиновском переулке, в этом же доме располагался театр «Ромэн». До революции здесь сдавались квартиры. Дом был огромный, с большим количеством подъездов и через запутанные переходы все подъезды сообщались между собой. В этом доме жил главный прокурор страны Андрей Вышинский. Случайно или нет, мы вошли в подъезд, где жил Вышинский и поднялись на «его» лифте, хотя нам нужен был совсем другой подъезд. И опять перед глазами картинка – в лифте было зеркало и скамейка. То, что мы ехали в «лифте Вышинского» сейчас кажется мне символичным. Я даже думаю, не хотела ли Люда специально проехать в непосредственной близости от человека, который «убил» ее родителей, может это был какой-то вызов палачу, трудно сказать. Я сейчас так оцениваю, но как мы чувствовали это в тот момент, уже не помню. Люда осталась жить у сестры. На следующий день она пришла в школу, «как ни в чем не бывало», пусть это даже кощунственно звучит сегодня, тогда этот так не виделось. А еще через несколько дней она написала заявление в комсомол. Я и мой одноклассник Боря Гуцков, дали Люде рекомендацию. И опять-таки, что это было? Несмотря ни на что, мы верили в идею. В ней искала моя подруга защиту от страшного горя, которое на нее

свалилось, она не чувствовала себя исключенной из круга своих сверстников, комсомольцев. Тем не менее, после того «конфетного скандала», который разгорелся после 8 Марта, Люда вместе с другими «детьми врагов народа» из школы вынуждена была уйти.

Мы с ней все равно продолжали общаться, встречались на катке, который обе очень любили. Я помню даже одну историю. За мной ухаживал на катке один «спецшюольник». Он был нашим ровесником, но учился в артиллерийской спецшколе. Он ждал меня у входа на каток. А до этого успевал отстоять в очереди, где коньки за копейки давали на прокат, своих у меня не было, это было очень дорого. На прокат давали «гаги», а на другом стадионе, можно было получить и изящные «норвежки» - но это уже был шик. Так вот однажды, не помню, как и получилось, Люду провожал какой-то парень, он крутился возле моего ухажера. Парень этот был страшно некрасивый, у него было такое неприятное лицо, мне кажется сейчас, что он специально знакомился с моей подругой, чтобы за ней следить и докладывать кому надо. Но это так, ощущение, никаких фактов у меня нет, просто мне так показалось, а еще точнее, так кажется сейчас, когда я об этом вспоминаю, в тот момент мне так не казалось. С Людой мы потерялись только во время войны. Доходили слухи, что отец Люды не погиб, а отбывает срок в лагерях. Но это были только слухи. При мне «оттуда» никто не возвращался.

Вы спрашиваете про фильм «А завтра была война»? Там действительно описывается школа того времени. Но мне этот фильм кажется искусственным, неправдивым. Там все неправда. Так, отец одной из героинь возвращается. Повторяю, на моей памяти этого никогда не было. Девочка в фильме кончает жизнь самоубийством, потому что это позор – быть дочерью «врага народа». У нас так не было. Оказаться среди «детей врагов народа» - это был не позор, а беда, мы чувствовали, что наши сверстники попали в беду, произошла страшная ошибка. Но как Люда, они все равно ходили в школу и стремились в комсомол, «изгоями» себя, во всяком случае, в школьном коллективе и общении со сверстниками, не чувствовали

Та же Нина Осаповна Гроза организовала в году 37-м-38-м - первый в СССР школьный выпускной бал. Наш выпускной – 1940-го года был третьим или четвертым. Я помню, что для финального танца мы выбрали «хит сезона» - «Чуть белеют левкой в голубом хрустале». У нас в школе был свой духовой оркестр. Танцевать мы все умели. Я учила танцевать немца, прожившего какое-то время во Франции, Петера Флорина. В этом он был неопытен, хотя в других вещах – в отношениях с девушками - весьма искушен. У меня было несколько учителей танцев. Один из них – отец моей одноклассницы генерал Аркадий Сивков, который руководил

Артиллерийской Академией. Мы нашей компанией часто собирались у них дома. Генерал, воспитанный еще в дореволюционных офицерских традициях, музицировал на рояле из красного дерева и танцевал с нами. Когда обстоятельства сложились так, что я перестала бывать в доме Сивковых, он однажды появился у нас дома «при полном параде» и буквально приказал навещать их. Генерала Аркадия Сивкова, который был в составе советской делегации на знаменитой Ялтинской конференции, во время ее работы убили выстрелом в спину. Кто это сделал, так и не выяснили и даже не пытались. Скорее всего, убийство было «заказным», что в то время не было редкостью.

Я была «дочерью школы». Материальное положение нашей семьи в тот период было очень сложным и если бы не особое отношение ко мне, я вряд ли могла бы учиться в «элитарной» школе. Мне помогали во многом, именно меня всегда отправляли в бесплатные школьные лагеря. Но я не чувствовала себя «бедной родственницей». В школьной поддержке было столько такта. Все делалось по отношению ко мне так, что «элитой» чувствовала себя я, а не дети высокопоставленных деятелей. Они ненавязчиво передавали мне свою «избранность» и «отмеченность». Лучше поясню на примере, поразившем меня на всю жизнь. Близился выпускной бал. Все наши девочки шили у лучших портних из лучших тканей белые выпускные платья. Тогда все должны были быть одеты в единой цветовой гамме, не так как сейчас. А у меня было единственное сатиновое платье – красное в белый горошок. Я уже тогда шила на заказ соседям, и из остатков скроила платье себе. Незадолго до выпускного ко мне подошел мой одноклассник – немец Петер Флорин и сказал: «Я хочу, чтобы ты пришла на бал в своем красном платье, оно тебе очень идет». А у меня другого и не было. Наши ребята уговорили девочек, ничего не говоря мне, чтобы те тоже сшили себе на выпускной красные платья. Что пришлось пережить мамам выпускниц, ведь белые наряды уже были сшиты или заказаны! Родители приходили даже скандалить в школу, но быстро все поняли и согласились на новые условия. От нашего шефа, газеты «Известия» нам доставили розы. Девочки прикрепили к красным платьям белые, а мальчики к костюмам – красные. Было очень необычно и красиво. И никто не подал вида, что все делалось из желания помочь мне.

Мы жили с самоощущением «все равны», но не в смысле уравниловки, а в смысле равных возможностей проявить свои индивидуальные способности и таланты. Тем не менее, и у нас в классе была немногочисленная группа, которую мы называли «сливки общества». Туда входили, к примеру, дочь наркома образования Лена Бубнова, Юлия Штерман – дочь известного московского адвоката. Ее мы всерьез собирались

исключить из комсомола, когда она однажды пришла в школу с маникюром. Однако это расслоение вовсе не было просто социальным. Среди тех, кто к ним не относился, было много детей высокопоставленных родителей. Дело было в другом. Это не так легко объяснить. Мы просто были разными. На разделение больше всего влиял фактор образования. «Сливки» относились к нему очень серьезно, они были более начитанными, больше знали и стремились знать, их честолюбие проявлялось именно в учебе. В их семьях знали несколько языков, заведены были гувернантки, формировался другой «круг чтения», и я бы не сказала, что он был оппозиционным режиму. Наш одноклассник Валька Токарев, входивший в этот кружок, знал «другого» Блока и «другого» Брюсова, которых нам не преподавали в школе. Хотя я не помню, чтобы его родители были где-то на вершине социальной лестницы. (Кстати, он стал известным актером-чтецом, народным артистом России, работал в Московской филармонии. Токарев приезжал в Одессу, где мы с ним встретились через много лет). «Остальных» со «сливками» пытался как-то сблизить комитет комсомола, но это ему мало удавалось. Повторяю, мы просто были разными. «Они» знали много больше о том, что на самом деле происходило в стране в период сталинского террора, «мы» же были далеки от этого. Даже на школьной фотографии тех, кто относился к сливкам, легко узнать по недетски-серьезным лицам. Почти всю эту группу уже после окончания школы арестовали за то, что они собирались и вели «контрреволюционные» разговоры. Это – Лена Бубнова, Лев Козловский, Боря Сурков (погиб в ссылке от энцефалита), Валерий Пастухов. С ним мы дружили, но, как рассказывали мне уже потом, он отказался из Колымы общаться с нами, не писал, чтобы никому из друзей не навредить. Следы его так и потерялись. Многие из ребят, с которыми я училась, погибли на войне. Поколение школьников 40-го года выпуска, оказалось одним из самых уязвимых.

Мы встречались с Мартой Готвальд. Она закончила исторический факультет МГУ, у себя на родине стала доктором истории. Ее муж – Алексей Чепичка был главой военного ведомства социалистической Чехословакии. Историком стала и Лена Бубнова. Марфа Пешкова работала в музее имени Горького на Никитском, а ее сестра Дарья стала актрисой театра имени Вахтангова. Петер Флорин был во время войны активным членом, созданного под Москвой антифашистского комитета «Свободная Германия», закончил Московский химико-технологический институт, во времена ГДР был главным редактором официальной коммунистической газеты «Фрайхайт», стал заместителем министра иностранных дел ГДР и постоянным представителем своей страны при ООН. Газетную заметку о нем я храню до сих пор.

Если подвести итоги, что осталось из того времени:

Во-первых, потребность помочь ближнему, прийти на помощь, вернее невозможность не помочь и не прийти на помощь. Это качество потом было закреплено в многочисленных географических экспедициях, где мне часто приходилось бывать уже во время работы на геофаке МГУ.

Во-вторых, неоднократно упомянутое: «Мы все равны. Каждый заслуживает уважения, вне зависимости от происхождения». Мне не раз приходилось бывать среди представителей элиты – художественной, научной и сегодня среди бизнес-элиты. Сформированное в школе кредо равенства, мне помогало чувствовать себя свободно, независимо в любой обстановке.

В-третьих, пусть это не покажется пустяком. В школе я на всю жизнь научилась дружить с мужчинами. Это – редкое качество, именно по-настоящему дружить, отодвигая любые намеки на двусмысленность. Я росла тогда, когда «в СССР, действительно, «секса» не было». Его тень не отравляла тогда ни дружеских отношений, ни совместного времяпрепровождения – катка, танцев, спортивных игр, подготовки к урокам, выпуска газет и т.д., ни даже первых школьных романтических увлечений. И все это было совершенно естественным.

Ну а теперь пришла пора вмешаться мне. Римма Михайловна совсем не хотела как-то «выпячивать» себя в этой истории, стремилась оставаться просто рассказчицей и свидетельницей событий тех лет. И все-таки несколько слов о нашей героине. После окончания 25-й образцовой были - географический факультет МГУ, где она училась и затем много лет работала на кафедре общего землепользования под руководством всемирно известного академика Константина Маркова. Потом в ее жизни появился замечательный человек, достойный отдельной истории, - Петр Петрович Мамонтов (один из рода тех самых Мамонтовых). Круто изменилась ее «биография» и «география». Вместе с мужем Римма Михайловна уехала в Новгород, где они жили в келье монастыря. Затем была Тюмень. Там она в составе географического факультета Тюменского университета участвовала в составлении географического атласа, работала в лесном управлении. А затем жизнь опять сделала крутой вираж, и Петр Петрович и Рима Михайловна осели в Одессе, где много лет проработали в Институте экономики. И уже не один десяток лет Римма Михайловна живет в нашем городе. В доме Мамонтовых (в маленькой однокомнатной квартире типовой многоэтажки спального района, которая, однако, когда приходят гости, становилась безразмерной, вмещающая немыслимое количество людей) собирались и собираются после смерти Петра Петровича

единомышленники, близкие по духу люди. Многие среди тех, кто причисляет себя к одесской творческой интеллигенции, захожи в этот дом и многие чувствуют здесь себя как дома. А Римма Михайловна и сейчас осталась «комсомольской богиней», «физкультурницей-примой», удивительно легкой, юной и непосредственной, самой молодой из всех моих знакомых...

Случайно наткнулась на телепередачу «Однокашники», на этот раз она была посвящена школе, где учился известный актер Николай Караченцов. Пришел он сам, собрались его одноклассники, учителя – расселись за парты и рассказывали обо всем - шалостях, увлечениях, моде, вкусах, любимчиках педагогов, первой любви и т.д. Собрать тех, кто учился с нашей героиней, в реальной жизни, увы, невозможно. Такая передача может существовать лишь в памяти нашей героини, в воображаемом пространстве 25-й образцовой, хранить ему верность – это и есть «секрет ее молодости».

Голубович И. В. Биография: силуэт на фоне Humanities (методология анализа в социогуманитарном знании). — Одесса: ФЛП Фридман, 2008. – С. 310-315.

Вопросы и задания

1. Какую социологическую и историческую информацию, характеризующую советскую эпоху 30-х годов прошлого века можно извлечь из этого рассказа?
2. Сравните этот рассказ с другими биографическими и автобиографическими нарративами советской эпохи.

Приложение 4.

Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований

О собраниях Биографического фонда

Биографический фонд при Институте социологии Российской академии наук начал свою деятельность в 1989 году. Сначала прозвучали краткие сообщения по радио в Ленинграде: мы объявили о том, что собираем и храним автобиографии. Вот некоторые фрагменты нашего обращения:»Мы просим откликнуться не только тех, кого судьба связала с событиями истории, но и тех, кого события общественные обошли стороной. Сегодня заканчивается целая эпоха в жизни страны. Рождаются дети, в памяти которых отпечатается совсем другая жизнь. Нам интересны и важны свидетельства пожилых и молодых, женщин и мужчин, людей разных национальностей и любых профессий. Детство и ваши предки, учеба и работа, любовь, семья, факты, планы, мечты или фантазии — все это может войти в описание фонда. Мы готовы принять и прочесть биографии людей различных политических, религиозных или моральных убеждений.

Опишите свою жизнь в деталях, пусть вас не заботят вопросы стиля, почерка или размеров текста. Мы принимаем на хранение любые описания собственной жизни, а также и другие личные материалы — дневники, подборки писем, воспоминания, фотографии, в которых раскрывается ваша жизнь или жизнь вашей семьи или близких. Материалы фонда используются для анализа истории и культуры. Они могут быть опубликованы только с разрешения авторов». Затем назывались адрес и телефон Биографического фонда. После радиопередач телефон не умолкал в течение нескольких недель, а почта приносила письма или посылки. Одни корреспонденты располагали рукописью автобиографии, реже биографиями или мемуарами ближайших родственников: отцов, матерей, братьев, мужей и т.п. Как правило, они были готовы безвозмездно передать манускрипты в фонд безо всяких условий или при условии хранения копии текстов в своем личном архиве. Другие, позвонив по телефону, выясняли серьезность намерений сотрудников фонда и принимались писать или заканчивать историю собственной жизни. Но было немало и таких, прежде всего людей пожилых, инвалидов, лиц с ограниченной подвижностью или свернутыми жизненными контактами, которые выражали острый интерес или немедленное согласие рассказать о своей жизни внимательному слушателю...

В начале 1993 года газеты «Час пик» и «Пятница» опубликовали сообщения о конкурсе автобиографий, проводимом нашей сотрудницей Е.В.Лагуновой при поддержке «Культурной инициативы» (Фонд Дж. Сороса). Речь шла о выплате премий победителям и оплате услуг членов

жюри и организаторов конкурса. Всего было подано примерно 600 материалов. Это означает, что первый опыт биографического конкурса на территории России можно считать удачным.

Конкурсные материалы, как правило, гораздо короче текстов, поступающих в фонд другими путями. Среди 200 (это помимо 600 конкурсных) жизнеописаний есть и многотомные рукописи, и многочасовые интервью, и целые подборки материалов, связанных с жизнью одного человека, одной семьи или определенного круга лиц.

Возникла проблема разнообразия и разнокачественности материалов, а это ставит вопрос о стратегии фонда, целях его деятельности, социально-культурном и научном смысле его существования. В методологическом плане требуют осмысления природа биографического сознания, статус биографического метода в социально-гуманитарных науках, структура и особенности биографического повествования. В социально-культурном аспекте необходимо прояснить связь биографии, индивидуальной жизни и социально-исторического процесса, изменения статуса личности в ее взаимоотношениях с обществом и социальными группами, определить, как, в каких формах возникает и поддерживается социальная коммуникация, раскрывающая жизненную панораму, делающая ее предметом общественного интереса, внимания и культурного формообразования. Часть этих вопросов будет затронута в настоящей работе.

Обыденное и биографическое сознание

При рассмотрении автобиографического повествования социолог вынужден считаться с тем, что в повседневной жизни человек не часто испытывает биографический импульс. Исключения составляют такие ритуальные моменты, как личные или семейные годовщины (памятные, круглые, юбилейные даты, дни рождения, поминаения), а также требования к человеку в особых ситуациях «раскрыть себя» (при поступлении на учебу, работу, при проверке личности в милиции и т.п.). Вообще биографический импульс предполагает открытость, доверительность, искренность, снятие моральных запретов... Эти условия не всегда отличают обычные отношения. Но главное заключается в том, что суть биографии как повествования о жизни вводит обобщенный, интегральный образ «Я», хотя бы пунктиром намечает идентичность человека в целом и выводит сознание, мышление на особый временной горизонт — в макровремя человеческой жизни. Здесь возникает зыбкий, может быть, неожиданный или даже пугающий смысл таких слов, как жизнь, судьба, счастье, жизненный путь, событие, случай... Часть этих слов используется каждодневно, но когда их применяют к себе, разговор переходит в особую плоскость.

Пространство биографического сознания не только шире пространства обихода, поскольку привычное окружение, сегодняшние мысли, чувства, слова были другими вчера и совсем иными когда-то. Биографическое пространство иначе устроено и обустроено. Значит, иначе устроен праздник, траур, болезнь, катастрофа? И да, и нет. Ведь всему может найтись место в биографии. Будни и праздники, возвышенное и низкое, явное и тайное могут выступить в повествовании, проявиться в нем, поскольку связь событий даже одной человеческой жизни неисчерпаема и может быть прослежена на сколь угодно размеренную глубину, предел которой ставят любопытство, настойчивость, усталость, скука или память. Наряду с этим, ничто, кажется, не препятствует пересказу своей жизни простыми, безыскусными, обыденными словам...

...Часто оказывается, что человек до откровенного рассказа о своей жизни даже не подозревал о скрытых в глубинах его памяти аспектах существования. Это означает, что конструктивная сила биографического повествования оказывается столь мощной, что поражает самого автора. Тем самым проблема многообразия автобиографических повествований связана как с внешними стимулами и преградами биографического мышления, так и с внутренними культурными рамками самосознания.

Многообразие биографических повествований: простейшая типология

Повествования бывают тематизированными и нетематизированными. Если ветеран вспоминает свой боевой путь в армии, педагог подводит итог своей профессиональной карьере, диссидент рассказывает историю своей ереси — перед нами тематизированные повествования. Социально-культурная форма (норма) такого рассказа задана, обычность или необычность данного варианта жизненной судьбы, точнее, истории жизни образуют рельеф извне заданных событий, фактов, подлежащих более или менее детальной характеристике, и фактов, рассматриваемых (в данном контексте или в перспективе данной темы, сюжета, фабулы) как тривиальные, о которых вряд ли стоит вспоминать, не то что описывать их сколько-нибудь подробно, анализировать, мотивировать свои поступки, чувства или отношения. В тематизированных повествованиях велико жанровое давление, природа жанра — существующего вне и помимо данного повествования — оказывается для автора многообразием оправдательных, организующих ориентиров: об этом не стоит и упоминать, поскольку почти у всех было так, это в порядке вещей, или, если я об этом говорю, то потому, что удивительно — у всех было иначе, а у меня вот так, повезло (или не повезло).

Жанровое мышление в тематизированных повествованиях может, однако, быть более или менее сильным. Мемуары ветеранов войны были, по сути, институализированы совокупностью социальных инстанций, их написание поощрялось (или преследовалось) хорошо известными адресными силами. Жанровое мышление, по-видимому, усиливается в случае интервьюирования на заданную тему: теперь расскажите, как вы учились, за что получили награды, а за что получили срок и где его отбывали и т.п.

Нетематизированные повествования возникают без определенного внешнего давления, стимулирования, наводящих вопросов интервьюера, с неопределенным собеседником, хочу оставить своим потомкам, пришла в голову мысль описать свою жизнь. Отсутствие внешнего давления, поощрения или цензуры — еще недостаточное условие свободы от тематизации. Рассуждения П.Бурдые приводят к мысли, что всякая попытка рассказать о своей жизни — заимствование предпосылок такого взгляда на жизнь у литературных (вообще внешних, социально-культурных) форм...

Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1.- С.73-88.

Валерий Борисович Голофаст (1941-2004) – известный российский социолог ленинградской (петербургской) школы. Одним из первых в современной российской социологии обратил внимание на «возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и начал систематически разрабатывать методологию изучения биографий» (Докторов Б. Валерий Голофаст. Независимый ум// Социальная реальность. – 2008. - № 3. – С.67-82. (Электронная версия: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-337.pdf>)

Вопросы и задания

1. История создания Биографического фонда при Институте социологии РАН, его специфика, цель и задачи.
2. На основании рассказа В.Б.Голофаста о конкурсе автобиографий, предложите свой вариант подобного конкурса, обозначьте его направленность и практическую ценность.
3. Что такое «биографическое сознание» в интерпретации В. Голофаста? Попробуйте обозначить черты такого сознания, исходя из собственного жизненного опыта.
4. Какие типы биографических повествований предлагает известный социолог?
5. В чем разница между тематизированным и нетематизированным биографическим повествованием?

Приложение 5.

Проект «Устные истории философов».

Биографическое интервью с Нелли Адольфовной Ивановой Георгиевской (философский факультет Одесского национального университета имени И. И. Мечникова)

Основой для осуществления данного проекта на философском факультете ОНУ имени И. И. Мечникова в рамках курса «Основы теоретической биографистики» стали публикации и непосредственная поддержка Татьяны Алексеевны Чайки (к.филос.н., ст. научный сотрудник Института философии НАН Украины имени Г. С. Сковороды), которой мы выражаем нашу искреннюю благодарность и признательность.

1. Чайка Т. Доторк. Презентація проекту «Усні історії філософів»/ Тетяна Чайка. // Філософська думка. – 2009. – № 3. – С. 140 – 145.
2. Чайка Т. Бесіди з Кримським// Філософська думка. – 2011. - №№ 1 – 6;
3. Чайка Т. Бесіди з Кримським. Остання касета [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. -№ 1. - С. 128-145;
4. Чайка Т. Бесіди з Кримським. Читаючи Гегеля і Маркса [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. - № 3. - С. 103-111;
5. Чайка Т. Бесіди з Кримським. Час учнівства [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. -№ 4. - С. 128-132;
6. Чайка Т. Бесіди з Кримським. «Розум, настояний на совість» [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. - № 5. - С. 89-94 ;
7. Чайка Т. Бесіди з Кримським. «Екзистенційне крещендо» [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2011. - № 6. - С. 98-103;
8. Чайка Т. Університет liberal arts, або Скільки Сковород потрібно українській культурі? : [із бесід з Віленом Сергійовичем Горським] / Тетяна Чайка // Вілен Горський: дотики, смисли, споглядання / [за ред. М. Ткачук ; упоряд. : М. Ткачук, Л. Архипова ; рец. : І. Бондаревська, О. Гомілко] ; Нац. ун-т «Кієво-Могилянська академія». - К. : [Аграр Медіа Груп], 2011. - С. 155-174;
9. Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським. Мій інститут. «Острів щастя» [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2012. - № 2. - С. 98-106;
10. Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським: Мій інститут. Витяг з історії. [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2012. - № 3. - С. 103-108;
11. Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським. Мій інститут. Історія триває [Текст] / Тетяна Чайка // Філософська думка. - 2012. - № 4. - С. 114-126;
12. Чайка Т. Бесіди з Віленом Горським. Філософський факультет [Текст] / Тетяна Чайка ; пер. з рос. В. Недашківський // Філософська думка. - 2014. - № 1;

Интервью с Н.А.Ивановой-Георгиевской.

Интервьюер - студент 5 курса культурологического отделения философского факультета ОНУ имени И.И.Мечникова **Кирилл Стоянов** (2010).

Интервью публикуется с разрешения респондента.

К.С. Расскажите, насколько стремительно развивается наш факультет, как Вы его оцениваете и какое будущее у нашего факультета?

Н.И-Г. Мне трудно судить в самом общем смысле, целостно учитывая все моменты его развития, потому что я тут читаю только 2 специальных курса: для философов на 3-м курсе и на 4-м и о том, как происходит их образование в течение 3-х лет, я могу судить только по тому, насколько они компетентны в философских вопросах и проблемах.

Я говорю, что мне трудно оценить, как оно *происходит*, я могу говорить только о том, что мне *открывается*. Дело в том, что я 4 дня в неделю с утра до вечера нахожусь в гуманитарном корпусе, где я преподаю тоже философские дисциплины: на филологическом факультете... Но я точно знаю, что на нашем факультете серьёзно взялись за разработку целостной образовательной программы и сейчас происходит по этому поводу заседание учебно-методической комиссии, где обсуждают некие стратегические подходы к тому, как организовать учебный процесс. И если эта попытка получит развитие и реализацию, то факультет будет развиваться в нужном направлении. Необходимо четко определить это направление, потому что, скажем, несколько лет назад учебная программа казалась несколько случайно построенной, и самое главное – на факультете должна быть специализация. Когда студенты со 2-го курса точно понимают, при какой кафедре они будут специализироваться. Кафедра всегда проводит мероприятия в определенном направлении: кафедра философии, кафедра истории философии... Так происходит во всем мире... И если мы доживем до того момента, когда это случится, будем считать, что факультет состоялся. До этого говорить о настоящей профессиональной подготовке рано. Очень надеюсь, что это произойдет.

А специализация, кроме основных курсов, предполагает систему специальных курсов, которые являются базовыми для специалиста. Скажем, для философии – это система последовательного образования. Специализация должна включать в себя курсы, которые никогда не могут быть случайными и отданными на откуп преподавателям, они должны представлять из себя систему подготовки, чтобы там была некая логика, чтобы потом человек, получающий диплом философа, был специалистом в

какой-то области. А пока специализации у нас нет, а есть некие люди, прослушивающие какие-то курсы и спецкурсы. Меня не устраивает такой подход к образованию, и я надеюсь, что мы когда-нибудь придем к полноценной системе, и в этом смысле спецкурсы обязательны.

К.С. Я так понимаю, что, если будет разделение более узкое по специализации, то студенты смогут выбирать себе спецкурсы?

Н.И-Г. Конечно. Во-первых, студенты со 2-го курса записываются на какую-то кафедру...

К.С. То есть студент может выбрать, какую именно философию он хочет учить?

Н. И-Г. Безусловно – так на всех факультетах нашего и всех других университетов мира. Все сдают базовые дисциплины, которые у них идут как базовый курс. Так во всем мире построена система образования. Так, на филологическом факультете, где я работаю, – там дети, начиная со 2-го курса, начинают писать курсовую работу по специальности при данной кафедре, которая потом плавно перетекает в дипломную.

К. С. Нужно ли учитывать желание студентов о том, какой им будут читать спецкурс?

Н. И-Г. Я вам опять-таки скажу, что так это происходит во всем мире, в том числе в нашем университете. Преподаватели в конце учебного года предлагают темы, которые они будут читать, и студенты к ним записываются. К кому студенты записались, тот и читает курс, если записались еще и к другому, читают два, так должно быть, мнение студентов очень важно. Есть набор спецкурсов, которые должны посещать все, а есть так называемые элективные, то есть по выбору. Это во всем мире уже установившаяся система, а на нашем факультете она пока только пробивает себе дорогу, потому что у нас, хоть мы и заявляем, что движемся в Европу, к европейской системе образования, на самом деле почти ничего не меняется при этом. И поэтому какие-то новшества кредитно-модульной системы образования и тестов включаются в старую систему финансирования, расчетов работы и в результате у преподавателя не как в Европе 2 лекции в неделю или одна, а 16... Вот как я могу полноценно заниматься работой, готовиться к занятиям?...я еле живая.

К. С. У Вас, наверное, ещё и разные предметы?

Н. И-Г. Да, разные предметы на разных факультетах, на 2-х языках. Это всё очень непросто.

К. С. А что Вы можете сказать об оценивании студентов, оно дает информацию о знаниях студента и позволяет наладить со студентом такой контакт, в ходе которого преподаватель получает информацию о знаниях студента?

Н. И-Г. Я понимаю, о чем Вы говорите, потому что тут не только сама недоработка в системе оценивания студента, а ещё и в системе организации работы, что преподаватель не имеет возможности никакого полноценного общения со студентами. У меня нет рабочего места, у меня нет своего стола, где я могла бы хранить какие-то вещи, нужные мне для лекций, у нас нет компьютера на кафедре в гуманитарном корпусе. Как мне связываться со студентами, мне что, каждый раз идти в университет? Приходится дома по домашнему компьютеру, когда мне нужно раздать какие-то задания. Кроме того, у меня нет физически возможности с таким количеством студентов полноценно общаться, как я могу при всем своем желании реализовать индивидуальный подход?...Мы, конечно, стараемся. И семинарские занятия, и задания, но всё равно теперешние тестовые формы оценивания я вообще не принимаю. Даже если у меня будут тесты, полностью заполненные студентами, это ни о чем не говорит, потому что, во-первых, они могут случайно попасть в нужный ответ, также могут неправильно понять вопрос, а во-вторых, образование имеет диалогический характер, что в тестовой форме утрачено.

К. С. А может ли студент сам оценить свои знания, потому что преподаватель один, а студентов много, может ли быть такое, что студент превращается в преподавателя (конечно, под руководством преподавателя), могут сами выбирать и читать лекции?

Н. И-Г. Если иметь в виду учебный процесс, то где найти часы для того, чтобы студенты реализовали подобные знания? Это возможно только в рамках практики, и это происходит. На любом факультете есть практика, на нашем тоже. Учебная практика, когда студентам в местах, где они проходят практику, предлагают проводить занятия – это или в техникумах...магистрам предлагают провести университетским студентам занятия, таким образом предполагая минимально приобрести опыт. А если говорить о преподавателях, то если у меня 20 часов курс, сколько я должна дать времени студентам и сколько у меня останется на предмет? Это что, оставаться после занятий, для того чтобы каждый тренировался?. Это невыполнимо в таком виде. Только в рамках практики.

К.С. В идеале было бы неплохо, чтобы преподаватель мог определить со студентом тему, а студент в свою очередь с ней ознакомился. Дело в

том, что, начиная примерно со 2-го курса, студентов начинает интересовать определенная отрасль знаний больше, чем остальные.

Н. И-Г. Да, вот он и идёт туда, где его больше всего интересует тема, получает специализацию и пишет работу на эту тему. Вот в этом-то и дело, что в рамках такой специализации можно говорить о том, что образование улучшилось бы. Но пока у нас на факультете такого нет, и мы вынуждены как-то так справляться с формированием специалистов вне надлежащих условий, потому что только это является настоящим способом приобретения знаний.

К. С. Хорошо, давайте тогда поговорим на более близкие нам темы...

Н. И-Г. Нет, нельзя сказать, что у нас тут всё только отрицательное, у нас же тоже происходят какие-то достижения...

К.С. Обидно, что сейчас мы этих обновлений не видим и через 5 – 10 лет, когда они будут ощутимы, я уже не буду учиться.

Н. И-Г. Ну, мы не знаем, когда оно произойдет и как оно произойдет, я даже не знаю, увижу ли я это.

К.С. Каким должен быть спецкурс, который Вы хотели бы вести?

Н.И-Г. Я уже веду 2 спецкурса: по феноменологии Э. Гуссерля и по герменевтике.

К.С. Может, есть пока не реализованные желания вести спецкурсы? Каким должен быть спецкурс?

Н. И-Г. Он должен, во-первых:

1. Исходить из основного направления специализации, он должен базироваться на знаниях, полученных в основных курсах; он должен быть в системе знаний посвящен какой-то более узкой теме, углубляя понимание конкретных тем и проблем в области философии, культурологии.

2. Он должен, с одной стороны, показать, как в этой области философии решаются универсальные проблемы, чтобы студенты опознали то, что они уже знают, а с другой стороны, дать возможность увидеть своеобразие постановки этих проблем в данном учении, школе и т. д.

Ну вот, скажем, я читаю спецкурс по феноменологии, направлению в философии 20-го века, основоположником которого был Гуссерль, студентам 3-го курса. И безусловно, моя задача – не только показать содержательные моменты этого учения, но и показать, как традиционные философские

проблемы здесь же просматриваются. Я скажу так: Платон, Фома Аквинский, Декарт, Кант формулировали главные философские вопросы, о чем мои студенты 3-го курса уже должны знать, и у меня задача показать, что феноменология – это очередная попытка постановки универсальных философских вопросов, осуществления первичного философского вопрошания. Далее мне нужно показать особенность, тонкость раскрытия этих проблем и связать с уже имеющимися знаниями (если они имеются, потому что эти знания имеются редко), то есть связать их с каким-то кругом уже исследованных предметов, с учениями, в которых давали свои ответы, тогда становится очевидным всё своеобразие философии. Далее, спецкурс должен обогащать не только содержательно, но и обогащать мышление, и в данном случае феноменологический метод – это потрясающий инструмент развития мышления, потому что там предлагается продуктивный познавательный метод, вызывающий к этосу радикальной автономии. Тут можно вспомнить слова Хайдеггера, который сказал: «Гуссерль вставил мне глаза», подчеркивая, что феноменологический метод помог ему по-настоящему увидеть философские проблемы. Или слова Гадамера, что феноменология – это самая совестливая и правдолюбивая философская школа.

Значит, спецкурс должен опираться на уже известные студентам знания, трансформировать какие-то традиционные проблемы, развивать способность познавать, развивать мышление, способность виденья мира. Всегда можно смотреть на учения философов, на того же Фому Аквинского, на его виденье мира, и в этом смысле такой спецкурс обогащает и углубляет знания, дает новые знания.

К. С. И, возможно, дает студенту знания о том, что философские вопросы продолжают развиваться и сохраняют свою актуальность, чтобы привить желание что-то изучать дальше и помочь студенту определить себя более точно.

Н. И-Г. Я пришла к такому пониманию преподавания, учительства...что учитель – это не тот, кто сообщает сведения, приходит в аудиторию и говорит «вот первое, второе, третье», нет, это – не знания. Знания рождаются в душе ученика, и пока это не так, то это просто набор информации. Настоящий учитель – это тот, кто может позволить человеку найти себя. Я когда то сочинила формулу: учитель – это тот, кто вверяет человека его свободе.

К.С. Это прямо опровергает мысль о том, что всё уже придумано и нет возможности что-то найти. Важна собственная мысль и свобода?

Н. И-Г. Ну конечно, собственная мысль важна, если только она грамотная, а не просто выдумки. Говоря о свободе как основе получения образования, я имею в виду не просто «я так думаю», здесь речь идёт о свободе как реализации задуманного и способностей ученика. У меня был в жизни опыт, позволивший мне понять, что такое быть учителем. У меня был случай в жизни, когда я училась в школе, и судьба меня свела с одним одесским художником – Олегом Аркадьевичем Соколовым, тогда уже немолодым человеком, который не только меня, но и моих друзей учил видеть мир, понимать искусство. Но главное, как я поняла уже после его смерти, он позволял нам мыслить, при нем мы становились лучше: он создавал такую обстановку общения, что его юные собеседники могли *состояться*, реализовать себе наиболее полно. А это и означает *вверить ученика его свободе*.

К.С. В философии легко раскрыться, потому что есть возможность всегда найти что-то новое, а в таких науках как право, международные отношения – не так?

Н. И-Г. Ну почему же, можно раскрыться в любой профессии, в своей области, не важно какой. Если человек интересуется, как ползают комашки по дереву, то дай ему возможность развиваться в этой области, и он будет настоящим преподавателем, который не просто доведет до сведения учеников информацию о комашках и о том, как они живут, сколько минут, сколько лет, а когда он даст возможность исследовать это, даст возможность ему реализовать себя наилучшим образом. Каждый, конечно, имеет пределы своих возможностей, но дай этим возможностям раскрыться наиболее полно.

К. С. Я вспоминаю сейчас пары некоторых преподавателей которым удавалось нас изменять, и хочется узнать, как же преподавателям это удавалось?

Н. И-Г. Это значит, что произошло то, о чем мы говорим, Вы в этом участвовали. Понимаете, когда преподаватель просто бесчувственно что-то сообщает, когда безучастны и студент, и преподаватель, тогда для учеников всё оказывается безразличным. А вот если удастся создать такую атмосферу работы, когда человек чувствует личную вовлеченность в размышление, - это совсем другое дело! Это не легко. Вы думаете, при том, что я это всё осознаю, я всегда могу это реализовать? А особенно когда столько пар в неделю. Бывают ситуации, когда я тоже превращаюсь в громкоговоритель, просто что-то сообщаю.

К.С. Как Вы пришли к жизненному движению и к философии?

Н. И-Г. Мне трудно кого-то конкретно упоминать как повлиявшего на мой жизненный и профессиональный выбор. Чтобы Вы понимали, многое

случилось в раннем детстве. У меня есть сестра годом младше меня, и когда нам было года 4 – 3, мой отец, специалист по строительным конструкциям, он был много лет ректором строительного института, – так вот, когда мы были детьми, он имел такую неосторожность давать нам философские задачи. Например, он объяснял нам, в частности, философию Беркли, и из его слов мы узнали, что существовать – значит быть воспринимаемым. Мы понимали это буквально: если я стол в данный момент не вижу – значит он не существует. И пытались это проверить: уходили из комнаты и с очень большой осторожностью выглядывали проверить, есть ли там стол, и как он исчезнет и появится. Конечно, мы решили, что Беркли посрамлен, и такую позицию больше не принимали. Потом были законы диалектики с красочными примерами. Когда мне было 12 лет, отец посадил меня за Макиавеллиевского «Государя», и опыт, который я извлекла тогда из этого труда, значим для меня и по сей день, что: не глупость государя проистекает от его советчиков, а наоборот, потому что умный человек никогда не окружит себя дураками, ну и так далее.

К.С. И последний вопрос – Какой спецкурс Вам бы хотелось еще преподавать?

Н. И-Г. Я когда-то читала лекции по теории балета... На кафедре культурологии узнали о моём увлечении балетным театром и о том, что я неплохо знаю историю балета, и что у меня есть публикации по истории и теории балета, и я вовлечена вообще в балетную среду города, да и не только города, и у меня есть множество международных контактов. Когда возникла ситуация, что какой-то преподаватель заболел или уволился, в общем что-то там случилось и нужно было срочно какой-то спецкурс ввести, и никто из преподавателей не успевал – обратились ко мне, и уговорили, несмотря на мою занятость. Я согласилась на такое предложение, потому что мне очень было интересно. Я хорошо знаю теорию и историю балета, и, кроме каких-то частных вещей, я вполне готова к серьезному спецкурсу по философии танца, но это по какой-то причине в этом году не состоялось, как будет дальше, не знаю.

К.С. Этот спецкурс был бы очень интересен для нас, для культурологов...

Н.И-Г. Так вот для вас он как раз и предназначался, для культурологов.

К.С. Очень жаль, что этот спецкурс не состоялся, мы слышали о нем.

Мне тоже жаль, ведь это не просто рассказ о спектаклях, это философский курс о хореографическом языке, о балетном языке движения и о ситуации, когда в 20 веке переживали кризис рации, и теперь – «танцуют все». Об этом стоит серьезно задуматься. Я уверена, что этот курс был бы очень актуальным, это очень серьезный философский курс. Его можно было

бы начать с дохристианской эпохи, когда сакральный танец был призван вписать человека в космические ритмы, потом эпоха средневековья и Возрождения, когда в рамках дворцовой церемонии водили хороводы вокруг сюзерена-солнца, воспроизводя древние солярные ритуалы, – и вплоть до танцевального мышления Ницше, когда у него философ – это танцор на канате! Я готова это объяснять, и спецкурс мог бы быть этому посвящен... Я не знаю, может, когда-нибудь, когда кто-то поймёт подлинное предназначение этого курса, то кому-то из студентов повезёт.

Длительность интервью – 31 минута 15 секунд.

PS. К сожалению, на философском факультете не успели организовать спецкурс Нелли Адольфовны Ивановой-Георгиевской, 25 июля 2015 года ее не стало... Однако Нелли Адольфовна успела создать Центр научных исследований танцевального искусства имени Игоря Чернышева. Спецкурсы по феноменологии Э. Гуссерля и герменевтике, которые много лет вела Н.А.Иванова-Георгиевская, продолжают читаться на философском факультете ОНУ имени И.И.Мечникова...

В 2012 году Н.А. Иванова-Георгиевская была отмечена наградой Украинского философского фонда. Приведем выдержку из документа:

Відзнакою

*Українського філософського фонду
за видатне досягнення у царині філософії*

нагороджується

Неллі Іванова-Георгієвська

– взірець глибоко компетентного, чесного і відданого справі викладача, що справив непересічний багаторічний інтелектуальний та моральний вплив на студентську молодь; їй належить також чільна роль в організації та продуктивному розвитку одеської філософської спільноти

*Президент Українського
філософського фонду* *Сергій Пролєєв*

Вопросы и задания

1. Составьте тематический план данного интервью. Выделите его главные смысловые блоки.
2. Выделите в структуре данного устного повествования а) рассказ(ы) с сюжетной канвой; б) высказывания нормативно-ценностного характера; в) сообщение об эмоциях, впечатлениях, настроениях, переживаниях. Какие еще типы выделили бы вы сами?
3. Каково в этом интервью соотношение между биографическими сюжетами из жизни респондента и высказанными респондентом идеями по поводу философии, философского образования в целом?
4. Какую модель образа жизни философа рисует в своем интервью Нелли Адольфовна Иванова-Георгиевская? Какой видит она судьбу философа в современном мире?
5. Раскройте, детализируйте важнейший смыслообраз данного интервью: *учитель – это тот, кто вверяет человека его свободе*. Раскройте его а) на основе текста интервью Н. А. Ивановой-Георгиевской; б) на основе собственных представлений и собственного биографического опыта
6. Если бы именно Вы проводили бы биографическое интервью с Нелли Адольфовной Ивановой-Георгиевской, то какие вопросы Вы бы задали ей?

Приложение 6. Опыты интеллектуальной биографии

6.1. Голубович І. В., Левченко В. Л. «Філософія – танець на канаті...»

XIII Світовий філософський конгрес має відбутися в 2013 році Афінах під девізом «Філософія як запит та шлях життя». Мабуть не випадково, що така спрямованість всесвітньої розмови «любомудрів» стане головною саме в Греції, на Батьківщині філософії, там, де філософія дійсно була синтетичним етосом-топосом-запитуванням-життеформою. Вітчизняні філософи готуються до довгоочікуваного Всеукраїнського філософського конгресу, запланованого на 2-12 рік. Серед ключових проблем, яким варто підпорядкувати змістовно роботу Конгресу, пропонується така позиція: Філософія як можливість «діагнозу» і «терапії»: соціальний та екзистенційний виміри. Тут також бачення екзистенційного виміру філософування у нерозривній єдності з іншими сутнісними модусами. Спитаємо, що є умовою можливості такої єдності? Наша відповідь – життя, доля, біографія філософа в її конкретності, фактичності, унікальності, ситуаційності. Філософія як особистісний вибір, шлях життя, ситуація, подія, справа, ремесло і мистецтво мислення саме цього філософа, його тут-і-тепер-буття. Спитаємо також – чи є серед наших колег, активних членів фахової спільноти України, ті, чий «шлях життя» дійсно уособлює високі інтелектуальні стандарти і філософські чесноти – ерос, пафос, героїчний ентузіазм? Таке запитування та звернення до траєкторій думки-життя наших колег є також важливою частиною підготовки до Всеукраїнського та Світового філософських конгресів, що дійсно відповідає духу та «оптиці» форумів, на які ми покладаємо великі надії та сподівання.

Нашою відповіддю на задане питання буде розмова про відомого одеського філософа Неллі Адольфівну Іванову-Георгієвську, яку добре знають в Україні та за її межами. Хотілось би, щоб відбулася не лише «розмова про...», але і «розмова разом з...» Філософом par excellence. Тому ми надаємо слово і героїні нашої розповіді – використовуємо фрагменти двох інтерв'ю з нею. Перше було представлено на сайті культурної асоціації «Новий Акрополь» («Філософія вчить свободі...» інтерв'ю з Неллі Адольфівною Івановою-Георгієвською/ <http://newacropolis.org.ua/ua/culture/interview/?DETAIL=5847>). Доречі, поряд з цим інтерв'ю була представлена одна з останніх розмов з Сергієм Борисовичем Кримським («Знання, настояні на совісті». Інтерв'ю з проф. Сергієм Борисовичем Кримським/ <http://newacropolis.org.ua/ua/culture/interview/?DETAIL=5464>) і назва цієї бесіди дуже точно характеризує стиль життя та мислення Н.А.Іванової-Георгієвської). Друга розмова відбулася в рамках здійснення на філософському факультеті ОНУ імені І.І.Мечникова проекту «Усні історії філософів, запропонованого на сторінках «Філософської думки» Тетяною

Чайкою. Але спочатку коротка довідка. Неллі Іванова-Георгієвська – старший викладач філософського факультету Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, один з засновників науково-просвітницького товариства «Одеська гуманітарна традиція», незмінний редактор «Докси» - одного з найкращих фахових журналів України, ініціатор проведення в Одесі наукових конференцій, присвячених дослідженню феномену сміху та інших наукових форумів; відомий дослідник феноменологічної та герменевтичної традицій філософії, яка дуже плідно продовжує ці традиції власними ідеями; автор багатьох публікацій, в тому числі в філософських академічних енциклопедичних виданнях; один з найкращих фахівців з історії і теорії балету, з філософії танцю. Про глибину, багатогранність, вміння парадоксально мислити свідчать назви робіт останніх років: «Творчість оберіутів на тлі феноменології Е.Гуссерля» (Філософська думка. – 2003. - № 2. – С. 122 – 134), «Ирония и свобода философского мышления» (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 4. Грецький спадок і сучасність. – Одеса, 2003. – С. 219 – 231), «Балетмейстер Игорь Чернышев в Одесском театре оперы и балета (Аркадія. – Одеса. – 2003. - № 2. – С. 51 – 54), «Драматургически-смысловая специфика одноактного балета (Музичне мистецтво і культура. Наук. вісник Одеської державної музичної академії імені А.В.Нежданової. Вип. 4. – Одеса, 2003. – С. 56-66), «Про сміх серйозно» (Філософська думка. – 2004. - № 1.), «Ирония как универсальная стратегия чтения (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 5. Логос і Праксис сміху. – С. 89 – 97), «Горизонтная методика Гуссерля и онтология следа (Топос. – 2004. - № 1 (8). – С. 91 – 95), «Клоун в цирковом представлении, или смешно ли смешное» (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 7. Людина на межі смішного та серйозного – Одеса, 2005. – С. 94 – 103), «Феноменология Э. Гуссерля в свете учения Платона о роли созерцания разума в познании» (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.8. Грецька традиція в сучасній культурі. – Одеса, 2005. – С. 160 – 170), «Феноменологические идеи Э. Гуссерля как предпосылка онтологической экспликации игры О.Финком и Г. – Г. Гадамером// Феноменология і мистецтво. Щорічник Українського феноменологічного товариства. 2002 – 2003. – К., 2005. – С. 33 – 50), «Апофеоз как опыт несмеяния» (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.9. Семантичні і герменевтичні виміри сміху. – Одеса, 2006. – С. 160 – 170), «Онтология революции, або якої справжності нам прагнути» (Цінності громадянського суспільства і моральний вибір: український досвід. – К., 2006. – С. 98 – 105), «Герменевтика Поля Рикера на пути к самопониманию: майор Ковалев в поисках идентичности» (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх

застосування. – Одеса, 2007. – С. 12 – 25), «Этические учения Кароля Войтылы и Эдмунда Гуссерля о роли разума в обосновании нравственности» (Методологічні аспекти літературознавчого синтезу. – Одеса, 2008. – С. 103 – 121), «Седиментації смислів в культурі та відповідальність пам'яті (Філософська думка. – 2009. - № 1. – С. 27 – 42), «Картезианские размышления» (Энциклопедия эпистемологии и философии науки – М., С. 346 – 348), «Феноменология Эдмунда Гуссерля как строгая наука на пути к Богу и ловушки трансцендентализма» (Топос. – 2009. - № 2-3), «Феноменология и марксизм о природе философского знания» (Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 12. – Одеса, 2008), Эдит Штайн о томистских импликациях феноменологии Эдмунда Гуссерля. Предисловие к публикации статьи Э. Штайн «Что такое философия? Разговор Эдмунда Гуссерля и Фомы Аквинского» (Докса.Зб.наук. праць з філософії та філології. Вип. 14. Німецька феноменологічна традиція у філософії, гуманітаристиці та культурі. - Одеса, 2009).

Цей вражаючий перелік різноманітних публікацій не повинен залишити в тіні те, що Неллі Іванова-Георгієвська – чудовий викладач, зустріч з нею - одна з найвражаючих подій в духовному та інтелектуальному житті багатьох її численних учнів. Прологом до інтерв'ю «Філософія вчить свободі» стала така історія: *«Три роки тому організатори телепрограми «Великі українці» відвідали Одеський Національний Університет ім. І.І. Мечникова. В актовому залі молоді люди ділилися своїми думками з приводу того, хто ж гідний носити звання «Найвидатніша людина України». Одна зі студенток, підійшовши до мікрофону, назвала незвичне для столичних гостей ім'я – Неллі Адольфовна Іванова-Георгієвська. «Ця людина навчила мене думати, – посміхаючись, пояснила дівчина. – Це мій вчитель філософії!». Така відповідь викликала підтримку серед студентів, які стоячи аплодували улюбленому педагогові»* («Філософія вчить свободі...» інтерв'ю з Неллі Адольфівною Івановою-Георгієвською/<http://newacropolis.org.ua/ua/culture/interview/?DETAIL=5847>). Студенти, які пройшли у Н.Іванової-Георгієвської школу вільного та водночас відповідального мислення, вже не прощали іншим викладачам, відсутність чи брак належної фахової компетентності, загальної культури і моральних якостей. Вони вже дихали іншим повітрям, вони вже бачили, яким має бути справжній філософ і що таке взагалі Філософія, Істина, Буття. Надамо, як і обіцяли, слово самій Неллі Адольфівні, яка відповідає на запитання: «Що для Вас означає бути філософом?»

«...Колись батько європейської філософії, давньогрецький філософ Фалес був осміяний старою-служницею, коли, споглядаючи рух небесних сфер, впавав до ями. Цей випадок зазвичай тлумачать як демонстрацію

своєрідності філософського роздуму, що підіймає погляд мислячого над повсякденним існуванням, щоб відкрився той вимір буття людини і світу, яке до філософського запитування вкрито покривалом наших забобонів. Філософ шукає ясних початків мислення, щоб справжні підстави ставали міцною опорою у філософському пошуку. Бути філософом – означає брати на себе відповідальність за відкриття сенсу світу і людського буття. Дерріда, який приголомшує всіх непересічністю і точністю думки, якимось, розмірковуючи про феноменологічну філософію Гуссерля, написав що філософія є «прихильність уваги до приходу істини, що завжди вже заявляла про себе». І, як мені здається, ставки в грі тут високі: мова ведеться про Істину. Тому філософський роздум – це самопізнання і відповідальність, «вільне рішення, в якому сенс обдумується, щоб в слові стати підзвітним і віддати собі звіт в небезпеці дороги», «взяти на себе обмін сенсом, щоб пильнувати за своїми мандрюваннями». І тоді спалахує світло Істини, здатне освітити світ і кожен частину його, що відкриває в цьому світлі свою справжню природу. Служниця глузувала з мудреця: «Фалес, ти не бачиш, що у тебе під ногами, а сподіваєшся пізнати зірки!» А філософ показує, що по-справжньому зрозуміти, що робиться під ногами, можна лише тоді, коли стаєш чутливим до цього світла.

Бути філософом – означає любити Істину як цінну саму по собі, а не заради успіху, означає бути переконаним, що лише життя, узгоджене з нею, робить людину вільною. І, як говорив інший мислитель, Ратцингер, любити її без наміру».

Студенти, які вже прослухали нажаль дуже стислий за обсягом часу академічний курс філософії, мріють про продовження розмови, яку веде Неллі Іванова-Георгієвська. Саме такі студенти запросили її рік тому до співпраці з асоціацією «Новий Акрополь». Ось їх коментар, наданий спеціально для цієї публікації: «Лекція на тему «Возделывание общего поля говоримого» або Діалогічна природа розуміння», яка була прочитана під час тижня філософії в Україні, стала початком нашої філософської дружби. Велика честь для нас бути першими слухачами надзвичайного авторського курсу про таємниче мистецтво танця. Багаторічна любов Неллі Адольфівни до цього виду мистецтва перетворилася на цикл лекцій «Філософія танцю або Танець, що народився з духу музики». Ми вдячні Неллі Адольфівні за таку унікальну можливість. Така людина не може не надихати! Ми розуміємо філософію як спосіб життя і для нас важливі дуже зустрічі з істинними філософами. Це люди, які не побоюються мріяти. Вони шукають свободу у відповідальності, а власне призначення – в служінні іншим. Їх внутрішній вогонь надихає інших на пошук самих себе, їх життєвий шлях є прикладом.

Це люди, які змінюють світ. Саме такою людиною є філософ Неллі Адольфівна Іванова-Георгієвська» .

Для тих, хто вважає Н.Іванову-Георгієвську своїм вчителем, саме слово «традиція», яке вже стало штампом, набуває свого справжнього смислу живого зв'язку, причетність до якого ти маєш тепер утримувати своїм власним життям. І чи може бути інакше, коли твій улюблений вчитель так відповідає на питання : Кого з видатних філософів та чому Ви вважаєте своїми вчителями?

«...Тих, хто приймав як основу буття і пізнання, як мету життя і діяльності Істину. І хто переконливо вчив жити в ній, прагнути до її осягнення та втілення у власному існуванні. Зокрема:

***Платона**, який показав, що істина не може бути зведена до звичних реалій, і що розум повинен осягати її, перебуваючи у вищому вигляді шаленства – любові до неї. Мене колись вразила ця пристрасність пізнання.*

***Тому Аквінського**, великого розуму теолога й філософа, що затвердив в рамках універсального вчення правомочність людського розуму перед лицем віри і Одкровення. Він розумів свободу як те, що становить природу людини, як незалежність від зла, що передбачає особисту відповідальність людини перед Істиною. Переконаного в тому, що повнота буття і порятунок душі людини можливі лише в Істині, для нього тотожній Богові.*

***Декарта**, що відкрив для дослідження трансцендентальну область свідомості і що запропонував чіткі правила методу, що дозволяють досягти дійсного знання. Що свято вірив в те, що щасливим людину робить в найбільшій мірі пошук істини.*

***Гуссерля**, що зумів в кризисну епоху першої половини ХХ століття зберегти віру в людський розум, орієнтований на пошук Істини. Що створив феноменологічне вчення, яке інший філософ ХХ століття, засновник філософської герменевтики Гадамер, назвав найправдолюбнішою і найсумліннішою філософською школою.*

***Едіт Штайн**, яка в безумстві нацистського концтабору, в газовій камері якого вона загинула, зберегла віру в Істину і людський розум. Істотний вплив на мене зробив сформульований нею принцип, який веде до Істини через віру: зважитися, не отримавши натомість жодної гарантії.*

***Кароля Войтилу** (з 1978 р. – Іоанн Павло II, Його Святість Папа Римський), що створив етичне вчення, яке проголошує євангельськими словами «Не бійтеся!» важливий принцип людського буття, що волає до кращого в людині і що дає їй відбутися як особі перед лицем Божественної Любові і Нескінченості...»*

В іншому інтерв'ю («Усні історії філософів») Н.Іванова-Георгієвська звертається ще до одного свого Вчителя в контексті розмови про феномен свободи:

«...У мене в житті був досвід, який дозволив мені зрозуміти, що таке бути вчителем. Коли я вчилась в школі, доля звела мене з одеським художником Олегом Аркад'євичем Соколовим, тоді вже немолодою людиною. Він вчив мене і моїх друзів бачити світ, розуміти мистецтво. Але головне, як я зрозуміла вже після його смерті, він дозволяв нам мислити, ... створював таку ситуацію спілкування, що його юні співрозмовники мали можливість відбутися, реалізувати себе повною мірою. Це і означає «вверять ученика его свободе».

Ще один урок Неллі Іванової-Георгієвської – як без будь-якого пафосу зберігати вірність своїм вчителям. В Одесі час от часу проходять виставки, присвячені Олегу Соколову - відомому художнику-філософу. Неллі завжди приходять на відкриття з букетом соняшників – улюблених квітів Майстра. Виток її філософського і життєвого дару - у ранньому дитинстві. *«...Мій батько..., коли ми з сестрою були дітьми, мав таку необережність давати нам з сестрою філософські вправи. Наприклад, він пояснював нам філософію Берклі. З його слів ми узнавали, що існувати – це бути сприймаємим. Ми розуміли це буквально: якщо я стіл в даний момент не бачу, це означає, що він не існує. Ми намагалися це перевірити: виходили з кімнати і обережно перевіряли, чи є стіл, як він зникне і знову з'явиться. Ми вирішили, що Берклі осоромлений і його позицію більш не приймали. Потім були закони діалектики з яскравими прикладами. Коли мені сповнилося 12 років, батько посадив мене за «Государя» Маккіавелі. Цей досвід є значущим для мене і сьогодні: дурість государя - не від його порадників, розумна людина ніколи не оточить себе дурнями...»* .

Так сталося, що інтерв'ював Н.Іванову-Георгієвську студент-культуролог, небайдужий до балету, який знав про її захопленість історією та теорією балету. Тому останнє запитання було не випадковим: Який курс Вам хотілось би викладати?

« Я готова до серйозного спецкурсу по філософії танцю. Це не просто розповідь про спектаклі, це філософський курс про хореографічну мову. Варто дослідити, як у ХХ столітті поєднувалися «кризи рацію» і ситуація «танцюють усі». Я впевнена, що такий курс є по справжньому актуальним. Його можна б було почати з дохристиянської епохи, коли сакральний танець вписував людину в космічні ритми. Потім Середньовіччя і Відродження, коли під час палацової церемонії водили хороводи навколо сюзерена-Сонця, відтворюючи давні солярні ритуали, аж до танцювального мислення Ніцше,

для нього філософ – це танцюрист на канаті! Я готова це пояснювати. Може хтось зрозуміє коли-небудь справжнє призначення такого курсу, тоді комусь зі студентів повезе...»

Поки що з «Філософією танцю» на факультеті не склалося. Втішає те, що цей важливий філософський, світоглядний та життєвий практикум пройшли з Неллі Адольфівною ті, хто слухав її в «Новому Акрополі», на семінарах в «Одеські гуманітарній традиції», ті, хто живе далеко від Одеси, але постійно спілкується з нею, як одним з найкращих фахівців.

Ще один з уроків Н.А. Іванової_Георгієвської: філософія як синтетична життє- та мислеформа може бути танцем. А одним з важливих критеріїв філософування – стає «танцювальність» думки, і це не лише вільний високий політ, а й неповторна особистісна «метафізична лінія», строгість рисунку, вірність класичному канону і вміння ввіряти того, хто танцює, його свободі. Про танцювальність думки і уяви писав колись друг і дослідник творчості Й. Бродського Кейс Верхейл, маючи на увазі особливість «моторики думки» свого героя. Поет, наприклад, зображує кардинальну перемену свого життя – еміграцію - як балетний стрибок через земну кулю. Книга має символічну назву: «Танець навколо світу», а епіграфом її став один з фрагментів Епікура: «Дружба танцює навколо світу, закликаючи нас усіх прокинутися і відсвяткувати своє щастя...» (Верхейл К. Танець вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. Пер. с нидерландского И.Михайловой. – СПб: ООО Издательство журнала «Звезда», 2002. – 272 с.).

Этот очерк стал основой публикации: Голубович И. В., Левченко В. Л.

Філософія - танок на канаті... / І. Голубович, В. Левченко // Філософська думка : науково-теоретичний журнал. - 2012. - № 1. - С. 141-147.

6.2. Голубович И.В.

«ОДЕССКИЙ ПЕРИОД» ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Г.В.ФЛОРОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

Жизненный и творческий путь Георгия Васильевича Флоровского – одного из наиболее выдающихся православных мыслителей XX столетия – был самым тесным образом связан с Одессой. Однако в обширной исследовательской литературе, посвященной Флоровскому, эта связь не получила должного научного анализа. Чаще всего об «одесском периоде» упоминается лишь в краткой биографической справке. К жизни и творчеству автора блестящих «интеллектуальных биографий», представленных в классических работах «Пути русского богословия» и «Восточные Отцы церкви» [1, 2, 3], мало кто пытался подойти с позиций данного исследовательского жанра. Нам представляется чрезвычайно актуальным рассмотрение жизненного и творческого пути Г.Флоровского в контексте «интеллектуальной биографии» и уточнение места и роли «одесского периода» в сложной и драматичной траектории этого пути.

Как отмечают исследователи, богословские, литературные и философские труды Г.Флоровского в большей степени были оценены на Западе, чем на его родине. Во-многом, такая ситуация обусловлена биографически: основную часть своей жизни православный мыслитель и активный деятель экуменического движения провел в Европе и США. Его называли «лидирующим русским участником в экуменическом движении» (Н.Зернов) [4, С. 351], «одним из самых блестящих первопроходцев и вестников Православия, обращенных к Западу, раскрывающих неопределимые сокровища ...веры...» (митрополит Эмилианос) [5, С. 93]. Среди многочисленных зарубежных исследований, посвященных отцу Георгию следует отметить работы М.Шаткина, Д.Неймана, Я.Пеликана, Дж.Мэллони, Дж. Бебиса, Н.Ниссиотиса, Х.Яннараса (См.: [6, С. 149-151, 226-227; 7]). Однако в отечественный научный оборот они пока полноценным образом не вошли из-за отсутствия переводов.

К жизни и творчеству одного из выдающихся представителей отечественной религиозно-философской мысли ушедшего столетия обращались Э. Блейн [6], Дж. Уильямс [8], М.Раев[9] И. Мейендорф [1, С. V-IX], А. Аржаковский [10], М. Хомяк [11], С. Хоружий [12,13]. Однако в большинстве случаев в указанных публикациях ранний период в жизни Г.Флоровского подробно не освещается. Исключение, пожалуй, составляет «Жизнеописание отца Георгия» Э.Блейна [6], опирающееся на автобиографические заметки и воспоминания самого Г.Флоровского.

«Одесский период» жизни Георгия Флоровского изучали историки и краеведы Одессы В.Галяс и Г.Зленко [14,15], прежде всего, в контексте истории семьи Флоровских (интереснейшая тема, нуждающаяся в специальном обращении). Они, в свою очередь, специально не ставили вопрос о значении данного периода в становлении мировоззрения и творческой эволюции православного богослова. Наша попытка представить «одесский период» жизни Г.Флоровского в целостном контексте его «интеллектуальной биографии» опирается и на работы Э.Ю.Соловьева, С.С.Аверинцева, М.К.Мамардашвили, В.П.Руднева, Т.Г.Щедриной, концептуально представляющие специфику жанра «интеллектуальной биографии» [16,17,18, 19,20].

«Уроженец окраинного города империи – многоязыкой и многоконфессиональной Одессы, сын иерея Русской Православной Церкви, питомец университетских центров Одессы и Праги, соиздатель свято-Сергиевского института в Париже и Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, один из отцов основателей Всемирного Совета Церквей, ...гражданин Града, имеющего прочные основы», - так образно определил основные вехи жизненного и интеллектуального пути ярчайшего представителя русской православной мысли XX века Г.Флоровского (1893-1979) известный славист Дж. Уильямс. [8, С. 131].

В эту характеристику закралась одна ошибка, впрочем, вполне объяснимая. Г.Флоровский родился не в Одессе, а в Елисаветграде. Однако, его подлинным «домом» стала и осталась навсегда Одесса – город о котором он вспоминал чаще всего с большой теплотой. [6, С.7]. Именно в Южной Пальмире прошли его детство и юность. Семья кандидата богословия Василия Антоновича Флоровского, отца Георгия, переехала в Одессу, когда мальчику было всего полгода. А покинул он Одессу в 1920 году в возрасте 27 лет. Поэтому и мы в настоящей публикации, обращаясь к истории жизни и творчества выдающегося богослова и философа, позволим себе вслед за Дж. Уильямсом сказать: путь, начавшийся в Одессе. А нашим проводником по жизненным и интеллектуальным путям и тропам Г.Флоровского будет «Жизнеописание о. Георгия» составленное его учеником и близким другом Эндрю Блейном [6].

Как мы уже указали, основная цель данной публикации: обозначить и проанализировать одесский этап жизненного и творческого пути Г.В.Флоровского сквозь призму его интеллектуальной биографии. Это обращение не случайно в контексте творчества самого отца Георгия, избравшего исторический подход к рассматриваемым феноменам. Он – автор блестящих, ярких, глубоких и афористичных «интеллектуальных биографий» Отцов церкви, богословов и философов, как близких его сердцу,

так и далеких ему по духу. Г.Флоровский, в центре внимания которого всегда были мыслители и богословы, «сплавившие» в себе житнетворчество и мыслетворчество, «события жизни» и «события мысли/текста», оказывается нашим современником в спорах о «смерти» или ренессансе биографического дискурса. Как нам представляется, он все-таки на стороне тех, кто считает такой дискурс чрезвычайно плодотворным.

Отстаивать права «интеллектуальной биографии» приходится не только в дискуссии с ее последовательными противниками, но и с теми, кто признает данный жанр, однако с существенными оговорками. Их смысл обобщенно заключается в следующем: обращение к биографии мыслителя, художника, любой крупной личности чревато тем, что творческие достижения часто рассматриваются исключительно в их биографической укорененности. Тогда «события мысли», не очищенные от жизненной канвы, «подмигивают», соблазняют нас тем, чтобы мы считали их почти полностью детерминированными «жизненной ситуацией».

Кто боится и не терпит «неизбежного автобиографизма мысли» (Б.Вальденфельс), по-возможности максимально разводит два режима – жизни и творчества, дабы действительность не покрывала, не перебивала мысль и не овладевала ею [21, С.55]. Но может быть, более честно, хоть и более рискованно – не перерезать эту связь, а оставить, рассматривая содержание мысли, этот пласт «человеческого, слишком человеческого». Научиться, не отсекая его, видеть в биографическом канал, «топос», пространственно-временное измерение самой мысли, единственную форму ее существования, доступную человеку. Как нам представляется, Г.Флоровский был одним из тех редких мыслителей, кого не только не пугал, но и привлекал «биографизм» мысли, пути мысли он видел как пути жизни.

В этом выборе приоритетов не последнюю роль сыграли обстоятельства биографии самого Георгия Флоровского - сына священника и выпускника историко-филологического факультета Новороссийского университета. В определенной мере, и благодаря этим обстоятельствам решающее значение для Г. Флоровского с самого начала его творческого пути имели «...история и вера. Но не в качестве сухой науки или сокрытого знания, а в качестве опыта, пропущенного через себя, поскольку я приобщился к ним с самого детства, они были для меня столь же естественны, как и сама жизнь» [6, С.12]. Эта реплика из воспоминаний отца Георгия поясняет и тот факт, что он стал «верным», а не «блудным сыном» святоотеческой традиции, в отличие, скажем, от Сергия Булгакова. (Такое деление представителей отечественной философии на «верных» и

«блудных», но вернувшихся» в лоно православия, предлагает, в частности, французский историк А.Аржаковский в своей работе о журнале «Путь» [10]).

Одессе Г.В.Флоровский обязан очень многим. Говоря уже впоследствии об одесской атмосфере начала века, отец Георгий выделил две ее черты, во многом обусловившие его собственные духовные приоритеты [6, С.8-9]. Это, в первую очередь, дух открытости, «всемирности». Флоровский столкнулся в этой стороне одесской жизни еще в гимназии, классы которой отличались пестрым интернациональным составом. Во-вторых, духовную атмосферу Одессы тех лет характеризовала общность культурного фона, связывающего воедино всю страну. Абсолютно не чувствовалось и налета провинциализма. Человеку с высокими интеллектуальными запросами, как вспоминает Георгий Флоровский, было доступно очень многое. Лично для него и его семьи это единство культурного ареала манифестировалось в феномене «толстых журналов». И этот «круг чтения» был кругом самого высокого уровня. Ведь для периодических изданий, в частности для «Нивы», доступных и по цене, писали лучшие журналисты, ученые, историки. Об этой форме создания единого духовного «локуса» сегодня мы можем лишь ностальгически вспоминать.

Но вернемся к семье Флоровских, история которой сама по себе является интереснейшим и пока еще мало изученным явлением в культурной жизни Одессы предреволюционных лет. Все дети священника Василия Флоровского – три сына и дочь - получают светское образование. Двое из них – Антоний (известный впоследствии историк, после эмиграции всю жизнь проживший в Праге) и Клавдия становятся историками (Антоний заканчивает историко-филологический факультет Новороссийского университета, впоследствии становится профессором этого же факультета, а Клавдия – выпускница Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, ученица известного историка И. Гревса, она стала первой женщиной-доцентом Новороссийского университета). И младший сын Георгий тоже поступает на историко-филологический факультет семейной альма-матер. Его склонности и профессиональное призвание к тому времени в основном уже определились.

Окончив гимназию с золотой медалью, Флоровский имел право поступить в любой университет Российской империи. Но так как по состоянию здоровья он не мог уезжать далеко от дома, нуждаясь в постоянном медицинском наблюдении, ему пришлось остановить свой выбор на университете Новороссийском. Поскольку Георгий изначально хотел специализироваться в области философии, он записался на историко-филологический факультет, где сосредотачивались тогда все виды гуманитарного образования. Здесь он не мог остаться без опеки и внимания.

В университете преподавал славянскую филологию и историю южных славян Михаил Георгиевич Попруженко, крестный отец и дядя Георгия, впоследствии директор городской публичной библиотеки. А в 1910 году принят в число приват-доцентов по кафедре русской истории Антоний Флоровский, ставший затем известным историком, исследователем екатерининской эпохи и земельных отношений на юге Украины. С особой благодарностью Георгий Флоровский вспоминал таких университетских преподавателей, как Н.Ланге, А.П.Казанский (философские дисциплины), П.М.Бицилли, В.М.Крусман (история), С. Шатковский (математика), В.Бабкин (физиология). Особенно важную роль в философском становлении Флоровского сыграл профессор Николай Ланге. На первый взгляд, это покажется странным, ведь Ланге являлся учеником Вильгельма Вундта и последовательно отстаивал позитивистскую точку зрения. Трудно было найти студента, более чуждого Ланге, чем Георгий Флоровский с его религиозными и метафизическими пристрастиями. Тем не менее, они сошлись как «лед и пламень». С благодарностью потом вспомнил отец Георгий позицию своего философского наставника-оппонента: «Вы можете, если хотите заниматься метафизикой, но при условии, что основательно изучите позитивные науки...Если вы окажетесь в науке столь сведущи, как всякий добрый позитивист..., вам можно будет простить ваш выбор» [6, С. 23].

Главная страсть Флоровского, философия, определилась уже на первом курсе. Как свидетельствует личное дело студента Георгия Флоровского, хранящееся в Одесском областном архиве, он каждый год обращался с прошением к ректору о разрешении «для специальных занятий философией» прослушать ряд курсов на физико-математическом факультете, куда в те годы входило и естественное отделение. Все пять лет учебы в записях о посещении лекций совмещалось у него столь несовместимое: история русской церкви и физическая химия, основные направления современной философии и интегральное исчисление, чтение Платона, Фукидида, Еврипида и системный курс душевных болезней, история византийского искусства и гистология. Позднее, уже в годы эмиграции Г.Флоровского называли «блестящим самоучкой». То, как плодотворно распорядился он своими студенческими годами в Одессе, подтверждает эту характеристику. Об этой блестящей разносторонности свидетельствует и тот малоизвестный факт, что студенческая работа Флоровского по физиологии, посвященная механизмам слюноотделения (написанная, кстати, на английском языке) получила одобрительную оценку И.Павлова и рекомендацию выпустить ее отдельной брошюрой.

Одним из семейных увлечений семейства Флоровских была библиография. Без представителей этой фамилии трудно себе представить

деятельность библиографического общества при Новороссийском университете. Антоний Флоровский был одним из его учредителей. Самый старший из братьев Флоровских Василий, окончивший медицинский факультет, совмещал лечебную практику с составлением библиографического указателя по истории Одессы. А на одном из первых заседаний общества в феврале 1912 года одновременно приняты в его члены известный историк профессор Е.Щепкин и второкурсник Г.Флоровский. Он стал одним из постоянных авторов «Известий библиографического общества». В 1912 году Флоровский опубликовал там две большие статьи «Новые книги о Владимире Соловьеве» и «Из прошлого русской мысли» [22,23], а также ряд рецензий на работы Фрейда, Ницше, Вундта. Поэтому у нас есть редкая возможность окунуться в лабораторию мысли 19-летнего юноши. Первое, что бросается в глаза – зрелость, взвешенность, трезвость суждений. О ком бы ни писал юный автор, он свободно ориентировался в огромном потоке разноязычной литературы, проводя глубокий ее анализ. Основательность, огромное количество ссылок и библиографических примечаний,- эта особенность всех поздних работ Флоровского сформировалась уже в студенческие годы. Так его студенческая конкурсная работа по классической филологии «Разработка мифа об Амфитрионе в древней и новой драме», за которую второкурсник Георгий получил серебряную медаль, вместо 25-ти положенных страниц содержала 526. Позднее Н.Бердяев отметит полушутя-полусерьезно это свойство Флоровского: «Его рецензии – это статьи, его статьи – монографии, а монографии – многотомные сочинения» (Цит. по [6, С.25]). При этом стиль мыслителя всегда был сжат, афористичен и плотен, не содержал литературных излишеств. Афористичность письма, которой гордился сам отец Георгий, также постепенно сформировалась в студенческие годы. Одно из замечаний к упомянутой нами конкурсной работе, сделанное тогда рецензентами – многословие, наличие повторений. Георгий воспринял эту критику. И больше никто не смог в последствии упрекнуть его в этом.

И все-таки главной темой Г.Флоровского, стала не античная классика, а история отечественных религиозных и философских исканий. Основное утверждение упомянутой уже работы «Из прошлого русской мысли»: «Ось, на которую нанизывались все течения мысли - это идеал цельного знания, целостного духа. Это даже не столько идея, сколько особое жизнеощущение» [22, с. 5]. И уже в юношеской работе Флоровского заложены основания для разработанного им позднее варианта неопатристического синтеза. В 1912 году второкурсник Новороссийского университета отмечает, что все разумное в высшем смысле, благое и вечное, что подспудно или явно питало нашу философию и литературу, идет от

учения Святых Отцов. И мы уже на ранних этапах творчества Георгия Флоровского фиксируем идею, красной нитью проходящую через его зрелое творчество (в том числе, и через знаменитые «Пути русского богословия») – приоритет святоотческой традиции как залог истинности нашего духовного пути.

Когда же юный Флоровский пишет о близком его сердцу Владимире Соловьеве, он отмечает главную его слабость: «Запредельное, вечное казалось ему так близко, что он хотел вместить его в земные рамки, обрекая себя на неудачу» [23, С.240]. Здесь истоки еще одной излюбленной темы зрелого мыслителя – темы оснований утопизма (особенно интересной в этом смысле является статья «Метафизические предпосылки утопизма»[24]). Высказанное столь рано и так четко, отпечаталось на всю жизнь. До конца дней в творчестве отца Георгия остались глубокое уважение к высотам отечественных духовных исканий, обостренное чутье к любым утопическим соблазнам, и признание православия высшей мерой познания и жизни.

Из выпускников историко-филологического факультета 1916 года только двое остаются при университете «для приуготовления к профессорскому званию». Один из них – Георгий Флоровский. Далее его следы можно найти в списках преподавателей и стипендиатов Высшей школы г.Одессы за 1919 год. Здесь он значится как стипендиат-преподаватель историко-филологического и международного факультетов (См. [25]). Здесь, пожалуй, можно ставить точку в одесской страничке жизни и творчества выдающегося православного богослова. Семья Флоровских в 1920 году приняла решение покинуть родину. В Одессе остался только старший из братьев - врач Василий Флоровский, который умер в 20-е годы.

О своем ощущении в тот период отец Георгий напишет позднее: «Я был убежден, что никогда уже в свою страну не вернусь. Это была не мысль, а скорее ощущение...Но я знал, что уезжаю навсегда, и была уверенность, что найду какое-то дело в этом другом мире, куда я отправляюсь»[6, С.22]. Действительно, Георгия Флоровского ожидал плодотворный творческий путь: «евразийский соблазн» и возвращение в лоно православия, выбор священнического служения, обращение к экуменизму и принципиальное отстаивание позиция православной церкви, активная литературная и преподавательская деятельность.

В последние годы интерес к судьбе и творчеству Г.В.Флоровского растет. Как пишет о нем И.Мейендорф, в стихии «своевольных дерзаний и новаций особенно ценным было присутствие того, кто был бы способен не осудить и отринуть все разом, но, поняв каждого, как бы с ним пройдя его

путь, затем соотнести этот путь не с неким мертвым шаблоном, но с живым духом православия» [3]. И, как нам представляется, принцип «понять каждого» - отражение не только личных интеллектуальных пристрастий отца Георгия, но и духовной атмосферы Одессы, которая его взрастила.

По результатам предпринятой нами исследовательской разведки, можно сделать следующие выводы:

1. Представление «одесского периода» жизни и творчества Г.В.Флоровского в контексте специфики жанра «интеллектуальной биографии» существенно расширяет возможности анализа духовной эволюции, научных и мировоззренческих приоритетов выдающегося православного богослова, философа, священника.

2. Духовная, культурная, интеллектуальная атмосфера семьи Флоровских, Новороссийского университета, Одессы в целом, во-многом способствовали тому, что в рамках своего жизне- и мыслеосуществления наш выдающийся соотечественник сделал выбор в пользу открытости, «всемирности» христианства и сумел воплотить этот выбор в том варианте «неопатристического синтеза», который он создал и последовательно отстаивал.

В качестве **перспективы** развития намеченной нами темы следует отметить необходимость создания в Одессе, в том числе, на базе философского факультета ОНУ им. И.И.Мечникова, исследовательского центра, одним из направлений работы которого должно стать тщательное изучение архивов Новороссийского университета, его историко-филологического факультета, рубежа XIX-XX. Многие фонды, в том числе, могущие пролить свет на специфику «интеллектуальной атмосферы» Одессы данного периода, еще не исследованы и не подвергнуты философской рефлексии.

Список литературы

1. Флоровский Г.В. Пути Русского богословия. С предисл. прот. И.Мейендорфа. – Париж: YMCA-PRESS, 1983.- 600 с.
2. Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV века (Из чтений в Православном богословском институте в Париже). Второе издание - М. МП «Паломник», 1992.- 240 с.
3. Флоровский Г.В. Восточные Отцы V-VIII вв. (Из чтений в Православном богословском институте в Париже). Второе издание. – М.:МП «Паломник», 1992.- 260 с.
4. N. Zernov, The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century, NY, 1963. – 395 p.
5. Ecumenical Pilgrims. Profiles of Pioneers in Christian Reconciliation. Edited by I.Bria and D.Heller, WCC Publications, Geneva, 1995, - 294 p.
6. Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия (пер. с англ. Д.Ханова) // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. – М., 1993. – С. 7-240.
7. К 80-летию прот. Г.Флоровского: Жизненный путь. – Вестник РСХД. – 1974. - № 108-110.- 210 с.
8. Уильямс Дж. Неопатристический синтез Георгия Флоровского (пер. К.Боголюбова) //Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. – М., 1993. – С. 307-367.
9. Раев М. Соблазны и разрывы: Георгий Флоровский как историк русской мысли (Пер. с англ. Я.Кротова)// Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. – М., 1993. – С.241-347
10. Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925-1940 годы): поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – К.: Феникс, 2000.- 450 с.
11. A Revolution of the Spirit. Crisis of Value in Russia 1890-1924. Edited by Bernice Glatzer Rosenthal, Marta Bohachevsky-Chomiak. – Fordham University Press, New-York, 1990.
12. Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский //Начала. – 1991. - № 3. – С.22-30.
13. Хоружий С.С. Неопатристический синтез и русская философия //Вопросы философии. – 1994. - №5. – С.75-89.
14. Зленко Г. Флоровские: заметки об одном разоренном культурном гнезде// Вечерняя Одесса. – 1 февраля 1991.
15. Галяс В.Т. Доктор В.В.Флоровский//Вечерняя Одесса. – 10 января 2002.
16. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования //Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – М., 1991. – С. 19-66.

17. Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. – СПб.:Алетейя, 2001. – 167 с.
18. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути). – М.: Ad Marginem, 1995. – 550 с.
19. Руднев В.П. Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни). – М.:Прагматика культуры, 2002. – 256 с.
20. Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. – М.: «Прогресс-Традиция», 2004. – 416 с.
21. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Минск.:ПроPILEI, 1999. – 176 с.
22. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – Од.: Центр. Типогр., 1912. – 22 с.
23. Флоровский Г.В. Новые книги о Владимире Соловьеве //Известия Одесского библиографического общества. Т.1. Вып.7. - Одесса, 1912. - С. 237-255.
24. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма //Вопросы философии - 1990. - № 10. - С. 80-96.
25. Голубович И.В. «Поняв каждого...». К 100-летию Г.Флоровского //Вечерняя Одесса. 4 октября 1993 г.

Вопросы и задания

1. Эта публикация является иллюстрацией жанра интеллектуальной биографии, который, вероятнее всего, имеет своим историческим прототипом жанр «биографии мудреца». «биографии философа». Какова специфика этого жанра, на Ваш взгляд?
2. Кто может быть героем такого типа биографического повествования?
3. Как связаны в рамках данного жанра «события жизни» и «события мысли»? Что Вы понимаете под «событиями мысли»?
4. Кого бы лично Вы выбрали в качестве героя интеллектуальной биографии?
5. Попробуйте сделать набросок краткого (или не очень!) очерка в жанре интеллектуальной биографии.
6. Покажите на конкретном примере, как сочетаются в жизни избранного Вами героя интеллектуальной биографии «события жизни» и «события мысли».

Оглавление

Введение	1
Тема 1 Феномен биографии в культуре. Формы биографии, биографическая традиция	4
1.1. Био-графия: этимология и не только	4
1.2. Биография: типы, формы, классификации	5
Вопросы для повторения	10
Тема 2 «Биографический поворот» в современной культуре: теоретические и прикладные аспекты	11
2.1. «Биографический поворот» в современной культуре и социогуманитарном знании: общая характеристика	11
2.2. Биография: философские основания и методология анализа в гуманитарном знании. Онтология биографии	12
2.3. Биографический метод в гуманитаристике: история, трансформации, современное состояние (на примере социологии)	27
Вопросы для повторения	40
Тема 3 Биографическая прагматика в контексте «социальных технологий» и «гуманитарной экспертизы»	42
3.1. Биографическая прагматика и социальные технологии. «Мягкие» социальные технологии	42
3.2. Применение биографического подхода в теории и практике «гуманитарной экспертизы». Понятие «гуманитарной экспертизы» в современном мире	43
Вопросы для повторения	47
Приложения (с вопросами, заданиями, упражнениями)	60
<i>Приложение 1.</i> Рабочая программа курса «Основы теоретической биографистики» (извлечения)	60
<i>Приложение 2.</i> Course Syllabus “Theory of Biography»	72
<i>Приложение 3.</i> Голубович И. В. Родом из 25-й образцовой. Воспоминания «одесской» москвички	81
Вопросы и задания	91
<i>Приложение 4.</i> Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований	92

Вопросы и задания	95
Приложение 5. Проект «Устные истории философов». Биографическое интервью с Нелли Адольфовной Ивановой Георгиевской (философский факультет Одесского национального университета имени И. И. Мечникова).	96
Вопросы и задания	105
Приложение 6. Опыты интеллектуальной биографии	106
6.1. Голубович И. В., Левченко В. Л. «Філософія – танець на канаті...»	106
6.2. Голубович И. В. «Одесский период» жизни и творчества Г. В. Флоровского в контексте интеллектуальной биографии	113
Вопросы и задания	122